БИБЛИОТЕКА ЛАВКРАФТА

М. Р. Джеймс

Стенающий колодец

ЛЕГЕНДАРНЫЙ АВТОР СТРАШНЫХ ИСТОРИЙ

Стенающий колодец
Монтегю Родс Джеймс

Аннотация
Монтегю Родс Джеймс. Стенающий колодец
Путь паломника как путь охотника: о Монтегю Родсе Джеймсе
Стенающий колодец
- Истории, которые я пытался сочинить
- Мистер Хамфриз и его наследство
- Резиденция в Уитминстере
- Дневник мистера Пойнтера
- Случай из истории собора
- История об исчезновении и возникновении
  - Письмо I
  - Письмо II
  - Письмо III
  - Письмо IV
- Два врача
- Кукольный дом с привидениями
- Необычный молитвенник
  - I
  - II
  - III
  - IV

Соседская межа
Вид с холма
Предупреждение любопытствующим
Званый вечер
Жил человек близ церковного кладбища
Крысы
На спортивных площадках после наступления темноты
Стенающий колодец
Эпизод

Аннотация

Рассказы М. Р. Джеймса – не только канон «литературы ужасов», но и классика мировой словесности; не только сообщения о странных и жутких событиях, но и летопись быта и нравов начала двадцатого столетия, напряженного и тревожного периода европейской истории.

Здесь древние призраки сталкиваются с первыми грозными шагами технического прогресса, проклятье настигает похитителей старинных диковин, а царство сверхъестественного готово распахнуть свои врата каждому, кто переборет свой страх…

Монтегю Родс Джеймс
Стенающий колодец

© Жданова Т. Л., перевод на русский язык, 2021
© Шокин Г. О., перевод на русский язык, 2021
© Марков А. В., вступительная статья, 2022
© Издание, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2022
© Оформление. Т8 Издательские технологии, 2022

Путь паломника как путь охотника: о Монтегю Родсе Джеймсе

Бывают писатели, которые постоянно прямо или косвенно рассказывают о своем совершенствовании, отчитываясь то ли перед собой, то ли перед публикой. Для них важно, чтобы их новый роман впечатлил критиков больше, чем предыдущий, чтобы сборником рассказов они закрепили заслуженный успех, а театральная постановка сделала их знаменитостями в самых высоких кругах. Этот путь можно условно назвать путем воина, хотя, конечно, литература — вовсе не война.

Другие писатели — паломники, которые всю жизнь проясняют какую-то одну мысль, десять или двадцать лет работают над одним романом, мучительно совершенствуя сами основы литературного творчества. Они в конце концов достигают своего Иерусалима, и их главная книга или даже несколько главных книг законно стоят на полках читателей, востребованные как хорошая и даже блестящая литература.

Но есть и третий тип писателей, которых

можно назвать охотниками. Таковыми были, например, Чехов и — во многом — Монтегю Родс Джеймс. Эти писатели могут ограничиваться рассказами, но могут столь же свободно выбрать и большую форму, подобно охотнику, который может стрелять дичь, а может пойти на медведя. Они свободны и в этом гениальны, ведь если путь паломника всегда необходим, то прогулки охотника могло бы и не быть, — но вдруг мы наблюдаем ее!

По воспитанию М. Р. Джеймс, конечно, паломник: усердный филолог, знающий не только цену каждому слову, но и исток любого волнующего литературного сюжета. Останься он паломником, мы говорили бы об очередной прозе филолога, остроумной и эрудированной, однако принадлежащей своему времени. Но Джеймс остался в истории культуры как охотник, поэтому его влияние ощущается в мировой литературе до сих пор. Им восторгался Лавкрафт, и у него не перестает учиться Стивен Кинг.

Его рассказы — точно бьющие в цель сообщения об ужасе, который равно владеет и книгами, и бытовыми обстоятельствами. У страха, согласно Джеймсу, велики не только глаза, но и руки: страх пугает не только воспоминаниями

и вращающимися в уме формулировками, но и действиями, таинственными исчезновениями и не менее таинственными разочарованиями. Но чтобы разобраться в его даре рассказчика, расскажем немного о нем самом.

Будущий писатель родился в 1862 году в семье англиканского священника и провел детство в Саффолке, на востоке Англии. Этот край спокойных утиных рек, пикантных сыров и бесконечных раскопок каменного, бронзового и железного веков, конечно, не мог не впечатлять: казалось, здесь смешиваются эпохи, и каждая из них что-то недоговаривает. Сельская местность — сцена действия многих рассказов Джеймса: для него это вовсе не идиллические пейзажи и не предмет любования заезжих горожан, но место, где приходится — и чем дальше, тем больше — делать жизненно важный выбор. Страхи этих мест, кладбища и реликвии — прямой призыв героям рассказов не ограничиваться опытом и целями своей жизни. Напротив, им приходится всякий раз измерять свою жизнь и риск своей смерти некоей большей мерой.

Джеймс, будучи подростком книжным, а не компанейским, получил лучшее образование: закончил Итон-колледж, а после — Кембридж-

ский королевский колледж. Он стал сотрудником Кембриджского музея, знаменитого Фицуильяма. Целью этого музея было не просто коллекционироание всего на свете — от первобытного искусства до полотен импрессионистов, — но и реконструкция искусств: его сотрудники изучали способы литья и правила старинной музыки, системы государственных наград и ритуальные формулы документов разных частей света. Конечно, Фицуильям похож на все музеи, но в нем имеет место чуть менее жесткое разделение на предметные сферы, унаследованное от дворцовых собраний, при котором коллекция китайских ваз не имеет ничего общего с собранием монет Великого Шелкового пути. Здесь, наоборот, отделы оказываются хотя бы отчасти проницаемыми, что и позволяет установить некую общность между Тицианом и, например, промышленным станком. Джеймс, конечно, внес свой вклад в исследования, способные «разговорить» разные искусства: в своей диссертации об Апокалипсисе Петра, раннехристианском апокрифе о благах рая и ужасах ада, он рассматривал, как из простых словесных формулировок возникают совершенно картинные образы загробной жизни, а из страха перед своими и чужими пороками — ожи-

дание скорого конца времен и нового созидания Вселенной.

Мировоззрение, согласно которому мир конечен и обречен на циклы гибели и возрождения и в котором есть древнегреческий экпиросис, древнеиндийская пралайя или древнескандинавский рагнарек, не может создать жанр триллера, ведь все ужасное уже произошло и еще произойдет. Кроме того, ужасное не может быть предметом текущего переживания и тем более заботой писателя-«охотника». И в то же время в чувствах, которые выразились в Апокалипсисе Петра, мы находим именно триллер: ускорение времени, желание скорейшей развязки, завороженность тем, как ужасно все может закончиться, если вовремя не найти самое прекрасное разрешение.

В триллере исследуется напряженность человека, сделавшего ставку на добро, пусть эта ставка и невелика. Проблема в том, что выигрыш героя не до конца предрешен. Но все же ставка, которую персонифицирует, например, страшный артефакт, приносящий разрушение в мир и вместе с тем позволяющий герою противостать этому разрушению, уже сделана. Внимание к артефакту со стороны «охотника» не менее существенно, чем умение «воина» думать о началах и концах эпохи

или умение «паломника» внимать началам и концам собственного пути.

Джеймс был университетским преподавателем и администратором, которого мы без затей назвали бы «кабинетным ученым», не будь его кабинет раскрыт навстречу новым впечатлениям и новым функциям привычных вещей. По сути, на материале привычной английской жизни, в том числе и кампусной жизни Кембриджа, он делал то, чем потом гордились сюрреалисты, в чьих текстах зонтик встречался со швейной машинкой, а телефон оказывался лобстером. Правда, сюрреалисты, показывая ограничения привычных понятий, не способных выразить суть события, решали вопросы языка: они противопоставили затертое словами бытие и событие открытое новому моральному действию. В то же время для Джеймса бытие вовсе не было чем-то затертым или банальным, напротив, именно оно создавало ритм появления ужаса и ритм его преодоления. Бытие, согласно английскому писателю, это хронометр, точно отмеряющий ужас, и нужно лишь научиться правильно им пользоваться, чтобы ужасов в нашей жизни стало меньше.

Джеймс много интересовался как древней ис-

торией, так и современной техникой; даже не то чтобы интересовался, он легко ориентировался в том и другом. До самой своей смерти в 1936 году он сочинял рассказы, потому что видел в этом деле продолжение самого духа английской литературы, «заточенной» собирать семью вокруг книги, собирать разных людей вокруг любых отпечатанных листов, и рассказывать, как близок мир мертвых миру живых. Да, мертвые рядом, но именно поэтому людям надо уметь жить вместе и совместно узнавать, когда же именно мертвые приходят к нам, узнавать, чтобы правильным способом взывать к жизни и суметь пробудить себя в самый подходящий для пробуждения момент.

Читатель, конечно, знает о традиции рождественского рассказа: этот рассказ часто пугает, но в конце концов близость в нем побеждает любую даль. Все оказываются рядом: и волхвы с пастухами, и дети со взрослыми и бабушками и дедушками. Эта близость может быть трагична, но история о ней не звучит горестно. Новаторство Джеймса — в психологии, а не в самих сюжетах, хотя как творец сюжетов он был изобретателен, как никто. Обычно в рождественском рассказе мы легко понимаем мотивации персонажей,

например, диккенсовского Скруджа, — и когда он был закоренелым скрягой, и когда он раскаялся и преобразился. У Джеймса мы скорее догадываемся, например, о том, какой испуг для героя был поворотным, а какой — только сопровождал «главный» испуг, заставляя героя немного задуматься и глубже почувствовать ситуацию.

Джеймс был блестящим чтецом: он сам читал свои рассказы. Кембриджские самодеятельные актеры считали за честь слышать знаменитого профессора, который так же убедительно рассказывал о привидениях, проклятых замках и таинственных предметах мебели. Как будто дело было на лекции и он сообщал, для чего предназначались этот нож или эта ритуальная маска. Когда ты читаешь собственные сочинения вслух, то все возможные повторения или поспешные сюжетные решения оказываются налицо, и поэтому в таком чтении — высшая дисциплина писателя-фантаста. Тексты Джеймса, впрочем, не обязательно читать вслух, их даже не обязательно читать внимательно, но совершенно необходимо — осмотрительно. Только так можно понять, что могло напугать героя и при каких условиях привидение оказывается именно привидением, а не посторонним шумом.

Джеймс, безусловно, и основатель, и классик жанра *ghost story* (рассказ о привидениях). Конечно, о привидениях говорили задолго до него, достаточно вспомнить такие классические тексты, как «Нортенгерское аббатство» (1803) Джейн Остин, «История с привидением» (1819) Эрнста Теодора Амадея Гофмана или «Легенда о Сонной Лощине» (1820) американца Вашингтона Ирвинга. Но сам Джеймс видел истоки своей фантазии о привидениях не в прозе, а в поэзии: идеальным произведением в этом смысле он считал «Ленору» (1773) Г. Бюргера, балладу о путешествии на коне с мертвым возлюбленным. Читая этот текст, приходишь к важному выводу: только верность любимому человеку, даже после смерти, — та этическая модальность, благодаря которой ты оказываешься достоин всех своих приключений и вообще своей жизни. Ворох событий этой баллады рассмотрен сквозь призму этого нераздельного влечения любви и к смерти, и именно поэтому произведение осталось шедевром на все времена.

Точно так же Джеймс аналитически разбирает нравственные начала каждой своей истории и выясняет, в какой ситуации возникает долг, в какой — терпение, а в какой — готовность принять испытания. Его варианту «Леноры» проза придает не вялость, как можно было бы ожидать, а стремительность. Это и есть гений «охотника» в литературе: он выясняет, чего на самом деле хочет герой, видит, когда человек должен ставить предел нашим желаниям (и как именно этот предел ставится), и понимает, что в этой ситуации порой никак не обойтись без привидения. Поэтому после чтения рассказов Джеймса мы чувствуем, что весь окружающий мир становится едва ли более гармоничным, но совершенно точно — гораздо более упорядоченным.

Александр Марков, профессор РГГУ и ВлГУ

Стенающий колодец

Истории, которые я пытался сочинить

Мне никогда не хватало ни умения, ни терпения сочинять истории — я имею в виду исключительно истории о привидениях, других я и не пытался писать, — и порой мне доставляет удовольствие вспоминать об историях, которые время от времени приходили мне на ум, но никогда не воплощались в должную форму. Именно в должную форму: некоторые из них я на самом деле написал, но теперь они покоятся в ящике письменного стола или где-то еще.

На этот случай можно привести довольно расхожее выражение Вальтера Скотта: «Глядеть на (них) снова я не в состоянии».

Эти истории были написаны плохо. Хотя попадались и такие, в которых содержание отказывалось расцветать в той среде, которую я придумывал для него, а в изложении других писателей даже появлялось в печати. Хочу их вспомнить в пользу кого-нибудь другого (кто сможет найти подходящий им слот).

Вот, например, история об одном человеке, который ехал в поезде во Францию. Напротив него сидела ничем не примечательная француженка

зрелых лет с усиками и с выражением упорства на лице. Читать ему было нечего, за исключением старомодного романа, купленного из-за его переплета.

Назывался этот роман «Мадам де Лихтенштейн». Когда обзор из окна вид его vis-a-vis[1] ему наскучили, он стад лениво перелистывать страницы и наткнулся на разговор двух персонажей романа. Они обсуждали свою знакомую — женщину, проживающую в огромном доме в Марсилли ле Гайер. Сначала они обсудили ее дом, а потом — тут мы добрались до самой сути — таинственное исчезновение мужа этой женщины. В разговоре упоминалось и ее имя, и герою моей истории показалось, что имя это ему откуда-то знакомо. Тут поезд остановился у полустанка, и путешественник, вздрогнув, проснулся… с раскрытой книгой в руках… Женщина напротив встала, и на бумажке, прикрепленной к ее сумке, он прочитал то самое имя. Дальше он отправился в Труа, откуда ездил на экскурсии. И во время одной из них он оказался… был как раз час обеда… в… да, в Марсилли ле Гайер. Напротив гостиницы на Гранд Пляс стоял вычурный дом с

[1] Сноски: 1

Сидящего напротив *(фр.). — Здесь и далее, за исключением особо оговоренных случаев, примечания переводчиков.*

тремя фронтонами. Из него вышла хорошо одетая женщина, которую он встречал раньше. Разговор с официантом. Да, леди — вдова, вернее, предположительно вдова. Во всяком случае, никому не известно, что произошло с ее мужем. Тут нас и постигает неудача. Разумеется, в романе разговора, который якобы читал путешественник, не оказалось.

Еще была очень длинная история о двух студентах последнего курса, проводящих рождественские каникулы в деревенском домике, принадлежавшем одному из них. Следующий наследник поместья, его дядя, проживал неподалеку. Внушающий доверие и эрудированный священнослужитель, который обитал вместе с дядей, завязал дружбу с молодыми людьми. Возвращение в темноте после обеда у дяди. Непонятная тревога, когда они проходят мимо зарослей. Загадочные бесформенные следы на снегу вокруг дома утром. Попытки соблазнить друга и изолировать хозяина, вытащив его наружу после темноты. Полное поражение и гибель священно служителя, на которого, решив оставить в покое другую жертву, набрасывается фамильное привидение.

Еще история — о двух студентах Кингз-колле-

джа в Кембридже шестнадцатого века (которых на самом деле оттуда выгнали за занятие магией) и их ночном путешествии к колдунье в Фенстантоне. На перекрестке Хантингтонской дороги, где поворот на Лолуорт, они встречают компанию, впереди которой идет, упираясь, фигура, явно им знакомая. По прибытии в Фенстантон они узнают о смерти колдуньи. А потом читатель узнает о том, что они увидели на ее свежей могиле.

Есть истории, которые были-таки написаны, но частично. Другие лишь мелькали у меня в голове, но так и не материализовались. Например, о человеке (естественно, человеке, за которым что-то водилось). Сидел он как-то вечером у себя в кабинете и внезапно услышал легкий шум. Он быстро обернулся и увидел, что из-за оконных занавесок выглядывает некое мертвое лицо — мертвое, но с живыми глазами. Прыгнув к окну, он быстро раздвинул занавески. На пол упала картонная маска. Но за занавесками никого не оказалось, и дырки в маске для глаз были всего лишь дырками. Но что можно из этого сделать?

Вот идете вы быстро ночью домой в предвкушении отдыха в теплой комнате, как вдруг кто-то касается вашего плеча. Вы удивленно останавливаетесь, оборачиваетесь, и какое лицо или не

лицо предстает вашим глазам?

Произошло что-то вроде этого, когда мистер Плохиш решил покончить с мистером Хорошишем и выбрал для этого замечательные заросли близ дороги, откуда можно было выстрелить. Так почему тогда мистер Хорошиш в сопровождении друга, который вдруг решил составить ему компанию, обнаружил мистера Плохиша валявшимся на дороге? Он успел сообщить им, что в зарослях его ждало нечто и даже манило, чего было вполне достаточно, чтобы они туда сами не полезли. В данном случае имеется возможность развить сюжет, но мне было лень облекать историю в слова.

Можно также придумать рассказ о рождественском печенье. Если его ест нужный человек, то он находит внутри записку с сообщением. По всей вероятности, он рано покинет компанию, ссылаясь на недомогание; правда, более правдоподобным поводом для этого может послужить «предыдущая договоренность о длительном пребывании».

Замечу в скобках, что многие обычные предметы в состоянии злой воли. Поэтому будьте осторожны, когда находите экипаже какой-то пакет, особенно если он содержит обрезки ногтей

и волос. Ни в коем случае не приносите его домой. С ним к вам может явиться кто-нибудь еще… (Многие современные писатели полагают, что многоточия — прекрасная замена необходимым словам. И действительно, их так легко писать. Вот вам еще немножко…)

Как-то поздним вечером в понедельник ко мне в кабинет зашла жаба, и, хотя ее появление ничем особенным не уличалось, мне показалось, что не стоит предаваться размышлению на подобные темы, а то можно увидеть более грозных пришельцев из иных миров.

Я все сказал.

М. Р. Джеймс

Мистер Хамфриз и его наследство

Лет пятнадцать тому назад, то ли в конце августа, то ли в начале сентября, у загородной станции Уилсторп, что в Восточной Англии, остановился поезд. Среди сошедших с него пассажиров был высокий и довольно симпатичный молодой человек с саквояжем и с кипой перевязанных бумаг в руках. По тому, как он оглядывался вокруг, было очевидно, что он кого-то ждет, и он таки дождался. Начальник станции, бросившийся было к поезду, спохватился и, обернувшись к полному, преисполненному важности, с круглой бородкой человеку — тот в замешательстве обозревал поезд, — подозвал его кивком головы.

— Мистер Купер, — закричал он, — мистер Купер, вон, кажется, тот джентльмен, которого вы ждете. — Затем он обратился к пассажиру: — Мистер Хамфриз, сэр? Добро пожаловать в Уилсторп. Вас ожидают мистер Купер и экипаж прямиком из Холла. Да я думаю, вы и сами это знаете.

Тут, приподнимая шляпу, подошел мистер Купер, после чего последовало рукопожатие.

— Я с радостью вторю прекрасным словам мистера Палмера, — произнес Купер. — Мне

следовало бы первым воспроизвести их, мистер Хамфриз, но я не знал, как вы выглядите, сэр. И да будет день вашего прибытия с этой минуты красным днем календаря для нас.

— Благодарю вас, мистер Купер, за ваши добрые слова, — ответил Хамфриз, — и вам, мистер Палмер, тоже спасибо. Я очень надеюсь, что подобная смена… э… владетеля… о чем вы, несомненно, глубоко скорбите… не окажется в ущерб тем, с кем я с нынешнего дня буду знаком.

Поняв, что выражается не очень удачно, он запнулся, и мистер Купер прервал его:

— Об этом вы можете не беспокоиться, мистер Хамфриз. Смею заверить вас, сэр, что вас ожидает радушный прием со всех сторон. Ну, а что касается смены владетеля, что повлекло ущерб соседям, так ваш покойный дядя…

На этих словах мистер Купер тоже запнулся, может, выражая тем самым повиновение своему внутреннему голосу, а может, просто потому, что мистер Палмер, громко откашлявшись, попросил Хамфриза предъявить билет. Затем двое мужчин оставили крошечную станцию и по предложению мистера Хамфриза двинулись пешком к дому мистера Купера, где их уже ожидал завтрак.

Отношения, в коих состояли эти персона-

жи, можно обрисовать несколькими словами. Хамфриз совершенно неожиданно получил наследство от дяди, причем ни дядю, ни его собственность он никогда не видывал. В мире он пребывал в полном одиночестве, обладал прекрасными способностями и добродушным характером и последние четыре-пять лет работал в некоем правительственном учреждении, что никак не соответствовало образу жизни сельского джентльмена. Он был робким и застенчивым и за исключением гольфа и разведением садика иных занятий на воздухе не знал. Сегодня он впервые приехал в Уилсторп и впервые принялся за обсуждение с управляющим поместьем, мистером Купером, дел, требующих безотлагательного разрешения. У вас может возникнуть вопрос: а почему он приехал только сейчас? Разве его присутствие не требовалось на похоронах, хотя бы ради благопристойности? На сей вопрос ответить не трудно: в то время он был за границей, и адрес его добыть было невозможно. Таким образом, он отложил свой приезд в Уилсторп до тех пор, пока там все не будет готово. И вот он в уютном доме мистер Купера прямо напротив дома приходского священника и пожимает руки улыбающимся миссис и мисс Купер.

В ожидании приглашения к завтраку все разместились в гостиной на довольно-таки замысловатой конструкции стульях. От стеснения мистер Хамфриз обливался потом.

— Знаешь, дорогая, — проговорил мистер Купер, — я только что сказал мистеру Хамфризу, что надеюсь и верю, что день его прибытия в Уилсторп станет для нас красным днем календаря.

— Да, я не сомневаюсь в этом, — сердечно ответствовала миссис Купер, — и многие, многие другие дни тоже.

Мисс Купер также пробормотала что-то в этом роде, а Хамфриз попытался сострить, заявив, что следует сделать красным весь календарь. Слова его были встречены пронзительным смехом, но явно оказались непонятыми. Далее последовал завтрак.

— Вы что-нибудь знаете о наших местах, мистер Хамфриз? — поинтересовалась мисс Купер после небольшой паузы. Такое начало предвещало более удачную беседу.

— Нет, к сожалению, не знаю, — ответил Хамфриз. — Когда я сошел с поезда, мне показалось, что здесь должно быть чудесно.

— Ах, места здесь и впрямь чудесные. И в самом деле, я даже иногда говорю, что лучшего места не

найти во всем графстве. А люди здесь какие, у нас их здесь много. И какие у нас устраивают приемы в садах. Правда, боюсь, вы чуточку опоздали, мистер Хамфриз, летний сезон уже закончился и все соседи разъехались.

— Да? О боже, какая жалость! — воскликнул Хамфриз с некоторым облегчением, так как эту тему он был в состоянии развить. — Но, видите ли, миссис Купер, даже если бы я, приехав раньше, я бы не смог посещать их, верно? Вы же знаете, недавняя смерть моего бедного дяди…

— Ну, разумеется, мистер Хамфриз, как я могла такое сказать. — Мистер и мисс Купер невнятно поддержали ее. — Что вы, должно быть, подумали обо мне? Простите меня, прошу вас, простите.

— Ну что вы, что вы, миссис Купер, я нисколько не обиделся. Должен признаться, что смерть дяди не причинила мне огромного горя, ведь я никогда и не видел его. Я хотел сказать, что некоторое время мне, вероятно, не следует принимать участие в подобного рода увеселениях.

— Вы так любезны, мистер Хамфриз, правда, Джордж? И вы действительно прощаете меня? Но подумать только! Вы никогда не видели бедного мистера Уилсона!

— Ни разу в жизни, даже писем от него не по-

лучал. Да, кстати, это вам следует простить меня. Мне удалось только письменно поблагодарить вас за ваши старания нанять для меня прислугу в Холле.

— Ах, мистер Хамфриз, это-то как раз не стоило труда. Но я очень надеюсь, что эти люди окажутся подходящими для вас. На должности дворецкого и экономки мы взяли пару, которую знаем много лет, — прекрасные уважаемые люди. А мистер Купер нашел людей для конюшни и сада.

— Да, мистер Хамфриз, их там много. Главный садовник служил еще у мистера Уилсона, он — единственный, кто остался из прежней прислуги. Большая часть старых слуг получила небольшое наследство от старого джентльмена, и они уволились, а ваши новые экономка и дворецкий, как верно заметила жена, заслуживают полного доверия с вашей стороны.

— Так что, мистер Хамфриз, все готово, и вы можете ступить в ваше поместье прямо сегодня, чего, как я понимаю, вы и желаете, — сказала миссис Купер. — Готово все, за исключением компании, а в этом вопросе, боюсь вас ожидает разочарование. Но, как мы поняли, вы сами возжелали приехать без отлагательства. Если же я не права, спешу вас заверить, что мы будем

счастливы, если вы захотите пожить у нас.

— Я нисколько в этом не сомневаюсь, миссис Купер, и крайне вам благодарен. Но мне кажется, мне следует не медля сделать этот решительный шаг. Я привык жить один и найду, чем заняться в вечерние часы… документы, книги и тому подобное… А если мистер Купер сможет уделить мне время и показать мне дом и участок…

— Конечно, конечно, мистер Хамфриз. Я к вашим услугам в любое время.

— До обеда, папа, ты хочешь сказать, — пояснила мисс Купер. — Не забудь, мы собираемся к Браснеттам. А ты все ключи взял от сада?

— Вы хорошо разбираетесь в садоводстве, мисс Купер? — полюбопытствовал мистер Хамфриз. — Не будете ли вы так добры разъяснить мне, что меня ждет в Холле?

— Ну, не знаю, хорошо ли я разбираюсь в садоводстве, мистер Хамфриз… цветы я очень люблю… но парк при Холле прелестный, я часто об этом говорю. Он такой старомодный, весь зарос кустарником. Еще там старый храм и лабиринт.

— Да что вы говорите? А вы когда-нибудь по нему ходили?

— Н-нет, — ответила мисс Купер, поджимая губы и отрицательно качая головой. — Мне очень

хотелось побывать там, но старый мистер Уилсон вечно держал его закрытым. Он даже леди Уордроп туда не пустил. Она живет неподалеку, в Бентли, и вы знаете, она-то как раз разбирается в садах и парках, если вам это интересно. Поэтому я спросила папу, взял ли он все ключи.

— Понятно. Что ж, я должен обязательно посмотреть лабиринт и, когда изучу путь, показать его вам.

— Ах, спасибо, спасибо, мистер Хамфриз! Вот посмеюсь я над мисс Фостер (она — дочь священника, они сейчас уехали на выходные… такие приятные люди). Понимаете, мы постоянно шутим, кто из нас первая проникнет в лабиринт.

— Садовые ключи, должно быть, в доме, — сообщил мистер Купер, разглядывая большую связку ключей. — В библиотеке их там много лежит. Ну а теперь, мистер Хамфриз, если вы готовы, нам придется попрощаться с дамами и предпринять нашу небольшую экспедицию.

Как только они вышли из парадных ворот мистера Купера, Хамфриз был вынужден пройти сквозь строй собравшихся на деревенской улочке многочисленных местных жителей, внимательно его разглядывавших и приветствовавших снятием шляп. Далее, в садовых воротах своего

поместья, ему пришлось обменяться несколькими словами с женой привратника и с самим привратником, отвечающим за состояние дорог в парке. Однако у меня нет времени, дабы предоставить полный отчет о его последующих передвижениях. Осмотрев участок примерно в полмили между воротами и домом, Хамфризу наконец удалось задать несколько вопросов своему попутчику о дяде, и мистер Купер безотлагательно пустился в подробные объяснения:

— Просто невероятно, как сказала моя жена, что вы никогда не видели старого джентльмена. И все-таки… не поймите меня превратно, мистер Хамфриз, я хочу доверительно сообщить вам, что, на мой взгляд, между вами и ним есть некоторое сходство. Я не хочу сказать ни слова в осуждение… ни единого слова. Я могу рассказать вам, каким он был. — Мистер Купер неожиданно остановился и устремил свой взгляд на Хамфриза. — Он был, как говорится, человек в футляре. Болезненно сомнительным. Да, именно это слово характеризует его точь-в-точь. Да, таким он был, сэр, болезненно сомнительным. Не принимал участия ни в чем, что происходило вокруг. Осмелюсь предложить вам, сэр, вырезку с несколькими словами из нашей местной газеты, в которой я, воспользовавшись

случаем, работал. Если я правильно помню, в них самая суть. Только не спешите, мистер Хамфриз, с впечатлением, — продолжал Купер, выразительно постукивая Хамфриза по груди, — что я хочу сообщить нечто недостойное о вашем дяде. Ваш многоуважаемый дядя и мой бывший работодатель был в высшей степени достойным человеком. Честный, мистер Хамфриз, ясный, как свет, разумно мыслящий во всех делах. Он обладал чувствительным сердцем и великодушной рукой. Но, увы, камнем преткновения являлось его злополучное здоровье или, если точнее выразиться, отсутствие здоровья.

— Да, бедняга. Он что, чем-то страдал до своей последней болезни… которая, а вовсе не возраст, как я понимаю, и погубила его?

— Именно так, мистер Хамфриз… именно так! Мерцающая искра долго тлеет в печи. — Сии слова Купер сопроводил соответствующим жестом. — Золотая чаша постепенно перестает вибрировать. Но на другой ваш вопрос мне придется ответить отрицательно. Абсолютное отсутствие жизненной силы? да; особые жалобы? нет, если не принимать во внимание постоянный неприятный кашель. О, да мы почти у дома. Красивое здание, мистер Хамфриз, как вы считаете?

Вышеприведенного эпитета здание и впрямь заслуживало, только его архитектура отличалась некоторой причудливостью — очень высокий дом из красного кирпича с обычным парапетом, почти полностью скрывавшим крышу. Будто посреди сельской местности воздвигли дом городского типа. У здания были высокий фундамент и ведущая к парадному входу на редкость впечатляющая лестница. Вследствие своей высоты дом явно тяготел к пристройкам, но они отсутствовали. Конюшни и остальные служебные здания прятались за деревьями. Хамфриз датировал дом семидесятыми годами или около того.

Супружеская пара зрелых лет, которую наняли дворецким и экономкой, ожидала у парадной двери, которую они распахнули при появлении своего нового хозяина. Их звали, как Хамфризу было уже известно, Калтон. После небольшой с ними беседы он составил благоприятное впечатление и об их внешности, и об их поведении. Было договорено, что следующий день он посвятит изучению столового серебра и винного погреба вместе с мистером Калтоном, а миссис К. предоставит ему сведения о постельном белье и тому подобном, то есть где что находится и где должно находиться. Далее, отпустив Калтонов,

они с мистером Купером начали осмотр здания. Топография его для нашей истории значения не имеет. Огромные помещения на первом этаже вполне устраивали нового владельца, особенно библиотека — широкая, как и столовая, и с тремя окнами на восток. Приготовленная для Хамфриза спальня находилась как раз над библиотекой. На стенах библиотеки висели весьма симпатичные картины, но лишь некоторые из них были по-настоящему ценными. Мебель вся была старой, да и книги были изданы не позднее семидесятых годов.

Узнав о небольших изменениях, которые его дядя предпринял в доме, а затем и ознакомившись с ними воочию, а также обозрев дядин блестящий портрет — украшение столовой, — Хамфриз был вынужден согласиться с мнением Купера, что в его предшественнике вряд ли присутствовали привлекательные черты. И ему стало грустно, что ему совсем не жаль — *dolebat se dolere non passe*[2] — человека, который либо с чувством доброты, либо без какого-либо чувства вообще к своему незнакомому племяннику сделал так много для того, чтобы тот жил хорошо: Хам-

[2] Сноски: 2
Оплакивай без скорби *(лат.)*.

фриз ощущал, что в Уилсторпе он будет жить счастливо, и особенно счастливо, скорее всего, в библиотеке.

И вот настало время осматривать парк — пустые конюшни и прачечная могли подождать. Итак, они двинулись в парк, и вскоре стало очевидно, что мисс Купер была права, когда говорила о больших возможностях переустройства сада. Да и мистер Купер хорошо справлялся со своими обязанностями садовника. Болезненный мистер Уилсон, вероятно, был не в состоянии… разумеется, не в состоянии вдохновляться новыми идеями относительно садоводства, тем не менее было видно, что то, что там было сделано, совершено под руководством опытного человека, ну а снаряжение и оборудование были просто превосходными. Купер был удовлетворен тем восторгом, который выказал Хамфриз, и теми соображениями, который тот время от времени вставлял.

— Чувствую, — заключил он, — вы найдете себе здесь занятие по душе и сделаете это местечко значительнейшим прежде, чем несколько времен года пролетят над нашими головами. Жаль, что с нами нет Клаттерхама — он главный садовник, — да он бы и был с нами, если бы, как

я вам уже докладывал, его сынок, что смотрит за лошадьми, не свалился с лихорадкой, бедняга! Мне бы очень хотелось, чтобы он слышал, как вам все здесь нравится.

— Да, вы говорили, что он не может сегодня прийти, и мне очень жаль его, но и завтра ведь есть время. А что это за белое сооружение на пригорке? Это тот самый храм, о котором упомянула мисс Купер?

— Именно он, мистер Хамфриз… Храм Дружбы. Построен из мрамора, доставленного из Италии специально для этой цели дедушкой вашего покойного дяди. Может, хотите посмотреть? Парк вы уже хорошенечко разглядели.

Своим обликом храм полностью повторял храм Сивиллы в Тиволи, только гораздо, гораздо меньше. В стену были вставлены какие-то древние барельефы с надгробным орнаментом, и от всего сооружения веяло путешествием по Италии. Купер достал ключ и с некоторым трудом открыл тяжелую дверь. Внутри оказался очень красивый потолок, но мебель почти отсутствовала. На полу в основном стояли крупные круглые каменные плиты, на каждой из которых на чуть выпуклой поверхности была вырезана одна-единственная буква.

— А это что такое? — вопросил Хамфриз.

— Это что такое? Как говорится, все имеет смысл своего существования, и я полагаю, что и эти плиты обладают им, как и все остальное. Но каковым является этот смысл или являлся (тут мистер Купер заговорил нравоучительным тоном), я, увы, теряюсь в догадках, сэр. Все, что мне о них известно — и это можно рассказать в нескольких словах, — только то, что ваш усопший дядя перенес их сюда из лабиринта еще до того, как я явился сюда. Таким образом, мистер Хамфриз…

— Ах да, лабиринт! — воскликнул Хамфриз. — Я совсем забыл — нам надо же и на него посмотреть. А где он?

Купер подвел его к двери и указал палкой вдаль.

— Устремите свой взор… — проговорил он. В такой манере высказывается Элдер Второй в «Сюзанне» Генделя:

Устремите взор свой на запад,
Туда, где дуб касается небес. –

Устремите свой взор туда, куда указывает моя палка, на место прямо противоположное тому, где стоим сейчас мы, и я обещаю вам, мистер Хам-

фриз, что вы заметите арочный вход. Как видите, он как раз в конце тропинки, которая тянется параллельно той, что привела нас к этому зданию. Вы хотите пойти туда прямо сейчас? Потому что тогда я сбегаю в дом за ключами. Вы идите, а я через несколько минут присоединюсь к вам.

Итак, Хамфриз побрел вниз по тропинке, ведущей к храму, миновал вход в сад от дома и потащился вверх по заросшей дорожке к указанному Купером арочному входу.

Сильное изумление охватило его при виде окружавшей весь лабиринт высокой стены и железных ворот, навешенных на арочном входе, но потом он вспомнил, как мисс Купер рассказывала, что его дядя никого не пускал в эту часть парка. Он уже стоял у ворот, а Купера все не было.

Несколько минут он уделил чтению надписи, вырезанной над входом «*Secretum meum mibi et domus meae*»[3], и попытке разгадать ее смысл. Затем его охватило нетерпение, и он впал в раздумья: а не перелезть ли через стену? Этого явно не стоило делать — другое дело, если бы на нем был старый костюм. А может подергать замок — он такой старый? Нет, не получается…

---

[3] Сноски: 3
Место моего упокоения и мой лабиринт *(лат.)*.

тут замок душераздирающе скрипнул — что-то сломалось — и упал к его ногам. Хамфриз толкнул ворота, продрался через крапиву и оказался внутри лабиринта.

Лабиринт представлял собой дорожки, закрученные в виде спирали, по краям которых высились тисы, но все пространство совершенно заросло кустарником необъятной ширины и высоты. И тропинки стали почти непроходимыми. Лишь ценой получения царапин и ожогов от крапивы совершенно мокрому Хамфризу удалось продраться сквозь заросли — во всяком случае, обратно найти дорогу будет легко: он уже проломал себе путь. Насколько он помнил, в лабиринте ему еще не доводилось бывать, и, по-видимому, ничего от этого он не потерял. Сырость, мрак, запах поверженной пуцинеллы и крапивы чувства бодрости не вызывали. И все же не такой уж и сложный этот лабиринт.

Он был почти (кстати, пришел ли наконец Купер? Нет!) в середине лабиринта, причем дошел туда, совершенно не думая, куда он идет. Ага! вот и центр — как же легко оказалось до него добраться. И тут его ожидала награда.

Сначала конструкцию, представшую его глазам, он принял за солнечные часы, но, когда

раздвинул ветки ежевики и стебли вьюнка, выяснилось, что конструкция не такая уж и обычная. Перед ним была каменная колона в четыре фута высотой, верхушку которой венчал металлический шар, медный, судя по зеленой патине, и покрытый резьбой, причем очень красивой — там были изображены фигуры вперемежку с буквами. Вот, что увидел Хамфриз, и, кинув беглый взгляд на фигуры, он пришел к заключению, что перед ним один из так называемых таинственных предметов, кои называют небесными сферами и по которым пока еще никто не получил информацию о том, что же творится там, на небесах. Однако было уже темно — во всяком случае, в лабиринте, — поэтому тщательно изучить сию редкость он был не в состоянии, к тому же он услышал голос Купера и топот, будто сквозь джунгли продирался слон. Хамфриз крикнул ему, чтобы он шел по его следам, и вскоре в центральном круге возник запыхавшийся Купер. Извинения за долгое отсутствие потекли рекой — он никак не мог найти нужный ключ.

— Но подумать только! — воскликнул он. — Вы проникли в самую сердцевину тайны, без помощи извне и не имея опыта, как говорится. Вот что! Сюда, наверное, вот уже тридцать или сорок

лет не ступала нога человека. Я-то точно здесь не бывал. Так, так! Что там говорится в старой пословице о глупости и самонадеянности пускаться в рискованные предприятия? Так оно и есть, что данный случай только подтверждает.

Несмотря на столь краткое знакомство с Купером, Хамфриз не сомневался, что данный намек ничего язвительного в себе не содержит, поэтому воздержался от колкого замечания и только предложил вернуться домой к чаю и отпустить Купера. Таким образом, они покинули лабиринт, причем почти с той же легкостью, с какой туда и проникли.

— Вы не знаете, — спросил Хамфриз по дороге к дому, — почему дядя держал это место закрытым?

Купер замер, и Хамфриз почувствовал, что он находится на краю важного открытия.

— Я лишь обману вас, мистер Хамфриз, в чрезвычайно важном вопросе, если заявлю, что обладаю какой-либо информацией по этому поводу. Когда я впервые приступил к своим обязанностям, примерно восемнадцать лет тому назад, этот лабиринт был точно таким же, каким вы его и видите, и лишь единственный раз о нем заходила речь, насколько мне известно, это тогда,

о чем упоминала моя девочка. Леди Уордроп — ничего не могу сказать о ней плохого — написала письмо с просьбой допустить ее в лабиринт. Ваш дядя показал мне ее письмо… очень вежливое письмо… да и чего можно и ожидать от аристократов.

«Купер, — сказал он, — ответь, пожалуйста, от моего имени».

«Разумеется, мистер Уилсон, — ответил я, так как иногда исполнял обязанности его секретаря, — а какой ответ я должен отправить обратно?»

«Поблагодарите леди Уордроп за письмо, — сказал он, — и сообщите, что, как только это место будет приведено в порядок, я при первой же возможности буду счастлив показать ей его, но, так как он много лет был закрыт, я буду крайне ей благодарен, если она не станет настаивать».

Это были последние слова, мистер Хамфриз, вашего доброго дяди по этому вопросу. И думаю, мне нечего больше добавить. Только, — прибавил Купер, минуту помолчав, — вот что: насколько я могу судить, он не любил вспоминать (люди часто так поступают по той или иной причине) своего дедушку, того, что заложил этот лабиринт. Человек странных принципов, мистер Хамфриз, и

большой путешественник. В следующую субботу у вас будет возможность поглядеть на его мемориальную доску в нашей приходской церквушке; ее установили через много лет после его смерти.

— Как так! Я-то предполагал, что человек с такой склонностью к архитектуре воздвигнет для себя мавзолей.

— Ну, ничего такого я не заметил; и вообще-то, если поразмыслить, я не уверен, что место его упокоения находится в пределах наших местных границ; чтобы он покоился на кладбище — это не тот случай. Как странно, что я прежде не информировал вас об этом! И все же мы ведь не можем сказать, не правда ли, мистер Хамфриз, что это вопрос ключевой важности: где ютится бедный бренный мир?

И тут они вошли в дом, и рассуждения Купера были прерваны.

Чай подали в библиотеку, и Купер пустился в соответствующие объяснения:

— Прекрасная коллекция книг! Одна из лучших в этой части страны, как я узнал от знатоков, и гравюры восхитительные, особенно некоторые из них. Я помню, как ваш дядя показывал мне одну с видом зарубежных городов, поглощающее это занятие — рассматривать первоклассные

гравюры. А еще одна картина выполнена ручным способом — чернила прямо как свежие, — а он сказал, что ее сделал какой-то старый монах сотни лет назад. И к литературе я тоже отношусь с большим интересом. Что может сравниться с проведением часа за чтением прекрасной книги после тяжелого трудового дня — не то что расходовать целый вечер в гостях у друга… кстати. Меня ждут неприятности с женой, если я не отправлюсь немедленно домой и не приготовлюсь потратить впустую очередной вечер! Мне пора, мистер Хамфриз.

— Кстати, есть и у меня, — заметил Хамфриз, — если я собираюсь завтра показывать мисс Купер лабиринт, его надо бы почистить. Вы не могли бы передать мое распоряжение кому следует?

— Ну, конечно. Парочка рабочих с косами вполне могут проложить тропу завтра утром. Я передам ваше распоряжение, и тогда, мистер Хамфриз, вам, вероятно, не придется вставать утром самому и руководить этими рабочими. Попрошу их пометить дорогу палочками или бечевкой.

— Отличная мысль! Да, так и сделайте. И передайте миссис и мисс Купер, что я жду их в полдень, а вы приходите где-нибудь в половине одиннадцатого.

— С удовольствием. И они, и я, мистер Хамфриз. Спокойной ночи!

Обед был подан Хамфризу в восемь. И так как это был его первый вечер в поместье и Калтон явно тяготел побеседовать с ним, Хамфриз до обеда постарался дочитать роман, который взял с собой в поезд.

Таким образом, ему пришлось выслушивать и комментировать размышления Калтона о соседях и сезоне. Последний, как выяснилось, вполне соответствовал его воспоминаниям, а первые со времени калтоновского детства (которое он провел здесь) сильно изменились — правда, не все в худшую сторону. Деревенский магазинчик, например, с 1870 года стал гораздо лучше. Теперь появилась возможность приобрести там много нужных вещей, и это — большое удобство. Ведь как сейчас: предположим, кому-то что-то внезапно понадобилось (а бывает и такое), и он (Калтон) может спокойно туда пойти (если магазин еще открыт) и взять, и у священника не надо одалживать. А прежде так делать было совершенно бесполезно касательно всего, за исключением свечей, мыла, патоки да дешевой детской книжки с картинками, к тому же в девяти случаях из десяти из всего, что нам нужно, выдавали лишь

бутылку виски; по крайней мере, тут Хамфриз подумал, что в будущем придется запасаться на вечер книгой.

Библиотека вполне годилась для проведения послеобеденного времени. Со свечой в руке и трубкой во рту, он некоторое время бродил по комнате, изучая названия книг. Его всегда интересовали старые библиотеки, и в данный момент у него появилась возможность тщательно изучить одну такую, так как еще раньше он узнал от Купера, что каталог на нее был составлен очень поверхностно, специально для утверждения завещания. Как приятно будет зимой заниматься составлением *catalogue raisonne*[4]. Если верить Куперу, в этой библиотеке могут оказаться настоящие сокровища, даже манускрипты.

По мере того, как он продолжал осмотр, ему вдруг пришла в голову мысль (как часто и бывает с любым из нас в подобных местах), что большая часть книг совершенно не годится для чтения.

Классика, произведения Отцов Церкви, «Религиозные ритуалы» и «Харлеанский сборник» Пикара вполне удобоваримы, но кто и когда станет читать Тостатуса Абуленсиса, Пинеду

---

[4] Сноски: 4
Систематического каталога *(фр.)*.

или Иова? И он снял с полки небольшой томик ин-кварто, без переплета и без названия. Обнаружив, что его ожидает чашка кофе, он устроился с книгой на стуле и, наконец, раскрыл ее, так как решил, что внешние данные книги еще не свидетельствуют о том, что она неинтересная.

Пусть она выглядит невыразительно и непривлекательно, но ведь внутри могут оказаться какие-нибудь уникальные пьесы. На самом деле книга представляла собой сборник проповедей, или размышлений, или еще чего-то в этом роде — первый лист отсутствовал. Датировать ее можно было, по-видимому, концом семнадцатого века. Он стал перелистывать страницы, пока взгляд его не упал на надпись на полях «Притча о несчастном положении». Интересно, о чем может писать автор в подобном произведении?

«Я где-то слышал или читал, — так начинался абзац, — в форме притчи или истинной истории, об этом пусть читатель судит сам, о человеке, который, подобно Тезею в античном мифе, возымел отвагу, дабы ступить в лабиринт либо в путаницу, но в таковой, что не выложен по образу фигурной стрижки кустов, а по принципу широкой спирали, в коей помимо прочего прятались капканы и западни, нет, обитатели, что были подвержены

злому проклятию и обыкновенно считающиеся скрываемыми, и посему узреть их ложно единственно по случаю. Должен уверить вас, что в делах, подобных оному, отговорки друзей ни к чему не приводят.

„Припомни того, — говорит брат, — как пошел он той дорогой, каковой желаешь идти ты, и никогда его более никто не видывал“.

„А тот, другой, — сказывает мать, — охваченный трусостью, он далеко не пошел и с той поры так повредился в уме, что не припоминает, чего узрел там, и спать не может каждую ночь“.

„А не слыхивал ли ты, — возопляет сосед, — каковы рожи глядят поверх палисада и между решеткой в воротах?“

Но все зря: человек движется вперед к своей цели по причине тамошних сплетен, что в самом сердце и середине лабиринта имеется сокровище, обладающее такой ценой и редкостью, что искателя его сделает богатым на всю жизнь; и добивающийся упорно сего возымеет на него право. И что затем? Quid multa[5]. Искатель приключений проходит сквозь врата, а после друзья его пребывают в нем в неизвестности, только слышат

---

[5] Сноски: 5
Что тут много говорить *(лат.)*.

посреди ночи невнятные крики и ворочаются в постелях своих, лишаемые сна, и, пребывая в страхе, обливаемые потом, и мучимые верой, что сын и брат прибавил свое имя к длинному списку тех несчастных, что уже претерпели кораблекрушение в подобном путешествии. И в последующий день с громогласными рыданиями они направляют стопы свои к священно служителю прихода, дабы приказал он звонить в колокол. Но дорога их проходит мимо врат лабиринта; они спешат пройти мимо, будучи охваченные ужасом, но тут видят они вдруг человеческое тело, кое лежит на дороге, и, подошедши к оному (с предчувствиями, кои с легкостью можно угадать), узрят они того, кого считали утерянным: и не мертвого, но с потерей сознания, смерти подобной. Тогда они, продвигавшиеся вперед подобно плакальщикам, обрадованные и возрождаемые милостью Божьей к жизни, поворачивают стопы свои обратно же. Тот, кого все считали погибшим, рассказывает им о событиях прошлой ночи.

„Ах, — сказывает он, — вы можете докончить то, что начали, по причине того, что я возвратился с сокровищем (кое он им показал, и было оно воистину редкой вещью), и возвратил я то, что лишит меня покоя ночи и радости дня“.

Тут они просят его ответить о значении сих слов его и кого встретил он, отчего у него так болит живот.

„О, — ответствует он, — того, кто в груди моей; и избегнуть этого я никак не могу“.

И никакого ведуна не надобно, дабы помочь узнать им, что отныне мучает его поминание о том, что видел он. И длительное время они не могут вырвать никаких слов из уст его, только малые урывки.

Однако настал момент, когда они, собрав все в целое, узнали вот что: поначалу, когда солнце светило, шел он весело и без трудности достиг сердца лабиринта, и добыл сокровище, и, охваченный радостью, направил стопы свои в обратный путь, но тут пала ночь, когда бродят все звери лесные, и ощутил он, что некое существо следует за ним и, как думал он, зрит на него внимательно от тропинки, что рядом проходила, и что ежели встанет он на одном месте, то и сопроводитель его встанет тоже, отчего дух его расстроился воистину; как тьма увеличилась, стало чудиться ему, что больше их, чем один, и что таких сопроводителей великое множество, так судил он по шорохам и треску, кои учиняли они в чаще, да и порой слышимым был шепот, что подразумевало между

ними совещание. Но касательно того, кто были они либо каковой образ, не могли его убедить сказать слушателям своим, вопрошавшим, какие крики слыхали они в ночи (как то упомянуто выше), он такой дал ответ: близ полуночи (как он сам рассудил) услыхал он свое, выкликаемое издали, и он мог произнести клятву, что то был брат его. И тогда остановился он и возопил, и полагает он, что то было эхо шли шум от крика его, что скрыло на минуту оставшиеся звуки по причине того, что, как пала опять тишина, различил он топот (не громкий) ног, бегущих к нему, отчего объял его страх, и повергнут он был в бегство и так бежал до рассвета. Порой, когда дыхание покидало его, он бросался ничком на землю, пребываемый в надежде, что преследователи его пробегут в темноте мимо него, но в такие минуты они останавливались, и слышно ему было их пыхтение и сопение, будто то были гончие, кои потеряли след, и сие повергло его разум в такой ужас, что он вынуждал себя опять и опять бежать, будто он как-то мог сбить их со следа. И как будто одного такого испытания было мало, вынужден он был постоянно остерегаться, как бы попасть в яму или капкан, о коих он слышал, и в самом деле видел он их несколько своими глазами по

сторонам и еще другие по середине дороги. И под конец (сказывал он) никогда смертный не познал столь ужасной ночи, каковую пережил он в том лабиринте, и никакое сокровище, что лежало у него, никакое богатство, попавшее оттуда, не может стать возмещением за те мучения, от коих он там пострадал.

Не стану далее записывать изложение тех злоключений, кои выпали на долю сего человека, поскольку я верю, что умствование моего читателя сумеет провести параллель, кою я желал показать. Ведь не сокровище, а только знак удовлетворения может забрать с собой человек из сего мира удовольствий. И не служит разве лабиринт образом самого мира, где и хранится сие сокровище (ежели доверять голосу разума)?»

На этой фразе Хамфриз подумал, что иметь чуточку терпения для разнообразия временами не повредит и что дальнейшее «улучшение нравов» писателем посредством своей притчи можно вполне отложить. Поэтому он поставил книгу на место, гадая при этом, натыкался ли его дядя когда-либо на этот труд и не он ли и послужил причиной того, что тот возненавидел саму мысль о лабиринте и принял решение не пускать туда никою. Вскоре он отправился спать.

Следующий день начался трудовым утром в компании с мистером Купером, который, если выражаться присущим ему вычурным языком, все дела поместья держал в своих руках. Сегодня он был веселым, мистер Купер, не забыл дать указания о расчистке лабиринта, которая в ту минуту как раз и происходила, а его девочка находилась в первых рядах ожидающих. Он также выразил надежду, что Хамфриз спал сном мгновения и что все они будут осчастливлены продолжительностью благоприятной погоды.

За завтраком он пустился в подробные объяснения картин в столовой и указал на портрет создателя храма и лабиринта. Хамфриза он очень заинтересовал.

Портрет принадлежал руке итальянского художника и был нарисован, когда старый мистер Уилсон посещал Рим, будучи молодым человеком. (И действительно, на втором плане виднелся Колизей.) Изображенный на портрете юноша с бледным худым лицом и огромными глазами в руке держал развернутый бумажный свиток, на котором можно было разглядеть план круглого здания, по всей вероятности, храма, а также части лабиринта. Хамфриз даже залез на стул, чтобы получше его разглядеть, но план был не четко

выписан и для копирования не годился. Однако это навело его на мысль, что неплохо было бы самому сделать план лабиринта и повесить его в холле для будущих посетителей.

Днем он утвердился в своем решении, так как, когда прибыли миссис и мисс Купер с желанием осмотреть лабиринт, он обнаружил, что совершенно не в состоянии довести их до центра. Садовники убрали путеводные нити, которыми пользовались сами, и даже Клаттерхам, призванный на помощь, не смог им помочь.

— Суть в том, мистер Уилсон… о, простите, Хамфриз… эти лабиринты все специально построены так, чтобы заблудиться. Все же, если вы последуете за мной, я приведу вас на место. Просто оставлю тут шляпу для отправной точки.

И он заковылял вперед. Через пять минут вся компания вновь оказалась у шляпы.

— Однако странно. — И он застенчиво захихикал. — Я уверен, что оставлял ее около ежевики, а, как вы видите, никакой ежевики тут нет. Если позволите, мистер Хамфриз, ведь вас так зовут, сэр?.. Я позову кого-нибудь заметить место.

На крики явился Уилльям Крэк. К компании он пробрался с некоторым трудом. Сначала его видели или слышали на внутренней дорожке,

потом почти в ту же минуту на внешней. Тем не менее ему удалось к ним присоединиться. Попытки с ним посоветоваться ни к чему не привели, посему его оставили рядом со шляпой, которую по настоянию Клаттерхама положили на землю.

Несмотря на подобную стратегию, три четверти часа были проведены в бесплодных метаниях, и Хамфриз, увидев, как устала миссис Купер, был вынужден предложить отступление, сопровождаемое бесконечными извинениями.

— Во всяком случае, ваше пари с мисс Фостер вы выиграли, — заявил он, — в лабиринте вы побывали, и обещаю вам, что первое, что я сделаю, это составлю подробный план лабиринта с указанием всех дорог.

— Именно это и требуется, сэр, — заметил Клаттерхам, — чтобы кто-то начертил план, которого бы все и придерживались. А то неловко получится, если кто-нибудь забредет сюда, а тут пойдет дождь, и дорогу невозможно будет найти — могут пройти часы прежде, чем они отсюда выберутся. А не разрешите ли вы мне проложить из центра короткий путь? Я просто срублю парочку деревьев на каждом повороте, и получится прямая линия, так что будет отлично видно, как вылезать отсюда. Как вам мое предложение?

— Нет, пока не надо. Сначала я составлю план и дам вам копию. А позднее, если появится возможность, я подумаю о вашем предложении.

Потерпев фиаско, Хамфриз был сильно раздражен и пристыжен, поэтому вечером он решил вновь попытаться достичь центра лабиринта. И как же усилилось его раздражение, когда намерение свое он осуществил с необыкновенной легкостью! Он хотел немедля начать рисовать план, но темнело, и он пришел к выводу, что, когда доставит сюда нужные принадлежности, работать будет совсем невозможно.

На следующее утро, прихватив с собой чертежную доску, карандаши, компасы, картон и тому подобное (что-то он позаимствовал у Купера, а что-то нашел в библиотечных шкафах), он отправился к центру лабиринта (причем опять ни разу не сбился с пути) и приготовился работать. Однако все никак не мог начать.

Ежевика и вьюнок, обвивавшие колонну и сферу, исчезли, и у него впервые появилась возможность внимательно осмотреть столб.

Колонна была довольно невыразительной — точно такая, на которых обыкновенно устраивают солнечные часы. А вот шар… Я уже рассказывал, что он был покрыт гравировкой из фигур

и надписей, и сначала Хамфриз принял его за небесную сферу, но теперь обнаружил, что тот вовсе не соответствует описанию небесных сфер, которое он помнил.

Их объединяло лишь одно изображение — крылатый змей, дракон, обвивавшийся вокруг шара по линии, которая на обычном глобусе обозначает экватор. А вот большую часть верхнего полушария занимали распростертые крылья некоего огромного существа, чья голова пряталась за шапкой полюса или верхушкой сферы. Вокруг скрытой от зрителя головы были начертаны слова *prenceps tenebraum*[6]. Нижнее полушарие было все заполнено надписями *umbra mortis*[7] и изображением горной гряды с лож биной, из которой вырывались языки пламени. На горах было написано (вы удивлены?) *vallis fliorum Hinnom*[8]. Над и под драконом простирались различные фигуры, напоминавшие и не напоминавшие обычные созвездия. Так, например, обнаженный мужчина с дубиной в руке оказался не Геркулесом, а Каи-

---

[6] Сноски: 6
Князь тьмы *(лат.)*.

[7] Сноски: 7
Подземное царство мертвых *(лат.)*.

[8] Сноски: 8
Долина Геенны огненной *(лат.)*.

ном. Другой, провалившийся в землю по пояс и вздымавший в отчаянии руки, на самом деле был Корей[9], а не Змееносец; а третий, подвешенный за волосы к извилистому дереву, Авессалом. Близ последнего, под фигурой в длинном одеянии и высоком головном уборе, которая стояла в круге и общалась с двумя косматыми демонами, парящими извне, было написано *Hostanes magus*[10] (сей персонаж был неизвестен Хамфризу). По всей вероятности, замысел художника, на который явно оказал влияние Данте, состоял в том, чтобы воспроизвести скопление патриархов зла.

Подобное проявление пристрастий прадедушки Хамфризу показалось странноватым, но по размышлении он пришел к выводу, что тот приобрел сферу в Италии, не сильно обращая внимание на изображения на ней. Ну, разумеется. Если бы он придавал ей большое значение, он не стал бы выставлять ее ветру и непогоде. Хамфриз постучал по металлу — сфера оказалась полой внутри и сделанной не из очень толстых пластин. Затем Хамфриз занялся составлением

---

[9] Сноски: 9

Корей — персонаж Ветхого Завета, поглощенный землей. — *Примеч. редактора.*

[10] Сноски: 10

Маг Хостан *(лат.).*

плана. Поработав полчаса, он обнаружил, что путеводная нить ему бы не помешала, тогда он взял у Клаттерхама моток бечевки и протянул ее вдоль всех тропинок, ведущих от входа до центра. Конец бечевки он привязал к кольцу на верхушке сферы. Такая уловка помогла ему еще до ланча составить первоначальный план, а днем ему удалось начертить его более аккуратно. Незадолго до чая к нему присоединился мистер Купер, который сильно заинтересовался его занятием.

— А это… — начал мистер Купер, прикасаясь к сфере, и тут же отдернул руку: — Ой! Какой горячий, прямо-таки до удивительной степени, мистер Хамфриз. Полагаю, что этот металл — кажется, медь? — изолятор или проводник… или как там еще он называется.

— Солнце сегодня очень сильно греет, — сказал Хамфриз, уклонившись от обсуждения научной терминологии, — но сфера мне горячей не показалась. Нет… для меня она не горячая, — добавил он.

— Странно! — удивился мистер Купер. — Я даже дотронуться до нее не могу. У нас с вами разница температур, по-видимому. Осмелюсь доложить, вы — холодный субъект, мистер Хамфриз, а я нет, и в этом наше различие. Все лето я, поверьте,

сплю практически *in staus quo*[11], а по утрам принимаю очень холодную ванну. Каждый день я моюсь ловко… вот вам и веревка.

— Спасибо, но я буду очень вам благодарен, если вы соберете эти карандаши и все остальное. Кажется, мы все взяли, можно идти домой.

По дороге из лабиринта Хамфриз сматывал веревку.

Ночью шел дождь.

К несчастью, выяснилось, что по вине ли Купера или еще кого сам план остался лежать в лабиринте. Ну и, разумеется, он весь промок. Пришлось начать все сначала (на сей раз работа не должна была за нять так много времени). Поэтому веревка была протянута вновь. Как только Хамфриз принялся за составление плана, перед ним возник Калтон с телеграммой.

Прежний начальник Хамфриза в Лондоне жаждал получить его совет. Разговор предстоял короткий, но ехать надо было срочно. Лишнее беспокойство, правда, не очень страшное, через полчаса можно сесть на поезд, и, если все сложится удачно, он вернется часам к пяти, в крайнем случае к восьми. Он попросил Калтона отнести

---

[11] Сноски: 11
В существующем порядке вещей *(лат.).*

план в дом, но веревку не убирать.

Все его надежды оправдались. И вечер он провел в библиотеке — наткнулся на шкаф, где хранились редкие книги.

Когда он отправился спать, то с радостью обнаружил, что прислуга не забыла оставить окно открытым, а занавески незадернутыми. Потушив свет, он подошел к окну, которое выходило в сад. Стояла яркая лунная ночь. Через несколько недель звучный осенний ветер нарушит эту тишину. Но пока отдаленные леса стояли в глубоком молчании; лужайки сверкали росой; можно было даже различить краски некоторых цветов. На карниз и свинцовый купол храма падал лунный свет… и все это принадлежало Хамфризу. Да, в этих вычурных строениях прошлого века есть своя красота. И лунный свет, и запах леса, и полная тишина вызывали необыкновенное чувство покоя, и долго стоял Хамфриз перед окном, погруженный в мысли. Ему казалось, что ничего совершеннее он никогда в своей жизни не видел. И лишь одно нарушало этот вид своей неуместностью — перед зарослями, сквозь которые шла тропа к лабиринту, будто на посту, торчал тощий и черный крошечный тис. Правда, его можно и срубить; интересно, понравится ли это дерево

кому-нибудь другому.

Однако следующее утро было посвящено ответам на письма и просмотру книг с мистером Купером, и тис был позабыт.

Об одном письме, полученном в тот день, стоит упомянуть. Его написала леди Уордроп, та самая, о которой говорила мисс Купер. Леди Уордроп вновь обращалась с просьбой, с которой ранее адресовалась к мистеру Уилсону. Ссылаясь на то, что она пишет книгу о лабиринтах и мечтает опубликовать в ней план Уилсторпского лабиринта, она надеялась на любезное согласие мистера Хамфриза позволить ей осмотреть лабиринт как можно скорее (если вообще позволит), так как зимние месяцы она проводит за границей.

Жила она неподалеку, в Бентли, поэтому Хамфриз в письменном виде ответил, что ожидает ее в ближайшие два дня. Надо сказать, что он тут же получил от нее благодарственную записку, в которой она сообщала, что придет завтра.

Событием же этого дня явилось успешное завершение составления плана лабиринта.

И опять наступила светлая, яркая и тихая ночь, и Хамфриз снова долгое время стоял у окна. Задергивая занавески, он вспомнил о тисе, но то ли

прошлой ночью его ввела в заблуждение какая-то тень или же дерево не так уж и бросалось в глаза, как ему виделось прежде, только на сей раз он решил оставить тис в покое. А вот что следует убрать, так это темные заросли, посягающие на стену дома и грозящие затенить первый этаж. Не место им там — одна сырость да мрак.

На следующий день — то была пятница, а он приехал в Уилсторп в понедельник — сразу после завтрака на своей машине приехала леди Уордроп. Она была полной пожилой дамой, крайне разговорчивой и изо всех сил пытавшейся произвести хорошее впечатление на Хамфриза, который обрадовал ее своей готовностью выполнить просьбу леди.

Они вместе тщательно осмотрели парк, и мнение леди Уордроп о хозяине существенно улучшилось, когда она обнаружила, что он действительно знает толк в садоводстве. Она с энтузиазмом выслушала его проекты о будущих изменениях и согласилась с его мнением, что нарушать планировку, присущую поместью, абсолютное варварство. Особенно ей понравился храм, и она сказала:

— А знаете, мистер Хамфриз, мне кажется, ваш дворецкий не ошибается относительно этих

каменных плит с буквами. В одном из моих лабиринтов… его, к сожалению, разрушили… в Гэмпшире… таким образом был помечен проход. Только там были кирпичи, но тоже с буквами, и из этих букв, если идти правильно, складывалась фраза — правда, не помню какая: что-то о Тезее и Ариадне. Я ее записала, и план того лабиринта тоже у меня есть. И как только люди могут такое делать?! Если вы уничтожите лабиринт, я вам этого никогда не прощу. Вам известно, что их становится все меньше и меньше? Каждый год до меня доносится весть, что очередной из них прекратил свое существование. А теперь пойдемте прямо к нему. Если вы заняты, я сама могу его осмотреть. Заблудиться я не боюсь — столько лет изучала лабиринты. Лишь однажды опоздала на ланч — это случилось не так давно, — потеряв дорогу в лабиринте в Басбери. Ну, а если вы можете сопровождать меня, я буду вам крайне признательна.

После столь доверительного вступления, естественно, возникало предположение, что леди Уордроп заблудится и в Уилсторпском лабиринте. Но ничего подобного не произошло, хотя было непонятно, поразил ли ее новый образчик так, как она того ожидала. Он, конечно, вызвал в ней

интерес, большой интерес.

Она даже показала Хамфризу выемки в земле, где, по ее предположению, и стояли плиты с буквами. Она также сообщила, что лабиринт сильно напоминает и остальные, известные ей, а также объяснила, как по плану можно датировать лабиринт в пределах двадцати лет. Этот, как она поняла, относится к 1780 году и был вполне традиционным. Наибольшее внимание она уделила шару. Такого она еще не встречала, поэтому очень долго рассматривала его.

— Мне бы хотелось получить его рисунок, — проговорила она, — если это, конечно, возможно. Да, я не сомневаюсь, мистер Хамфриз, что вы сделаете его для меня, но умоляю вас, не делайте этого специально, я и так слишком вольно себя тут веду. Боюсь, вам это не нравится. Но, послушайте, — и она посмотрела Хамфризу прямо в глаза, — вам не кажется… у вас не возникает впечатления, что как только мы сюда пришли… за нами кто-то следит… и если мы переступим черту дозволенного… на нас нападут? Нет? А мне кажется, и мне бы хотелось поскорее очутиться за воротами…

— Вообще-то, — продолжила она по дороге к дому, — на меня могли подействовать жара и от-

сутствие воздуха. Но теперь я хочу забрать назад кое-какие мои слова. Я не уверена, что обижусь на вас, если следующей весной узнаю, что и этот лабиринт сровнен с землей.

— Останется ли он на месте или нет, план у вас будет, леди Уордроп. Я уже его сделал и вечером нарисую вам копию.

— Замечательно, для меня сойдет обычный чертеж карандашом с указанием масштаба. Тогда я легко смогу привести его в соответствие с остальными. Большое, большое спасибо.

— Отлично, завтра вы его получите. Надеюсь, вы поможете мне разгадать тайну моих плит.

— Вы про камни в летнем домике? Да, это загадка. А они приведены в порядок? Ну конечно же, нет. Но ведь те, кто их ставил, должны были получить какие-нибудь распоряжения… может быть, среди бумаг дяди вы что-либо и найдете. В противном случае вам следует пригласить кого-нибудь, кто разбирается в шифрах.

— Мне необходим еще один ваш совет, — произнес Хамфриз. — Этот тис под окном библиотеки… вы бы его срубили?

— Который? Этот? Нет, не думаю, — сказала леди Уордроп. — Отсюда мне не очень хорошо видно, но он вовсе не некрасивый.

— Вероятно, вы правы. Просто когда я смотрел вчера ночью из окна, мне показалось, что он мешает. Но отсюда мне этого тоже не кажется. Ладно, оставим его пока на месте.

Затем они пили чай, после чего леди Уордроп отбыла. Отъехав на несколько метров от дома, она остановилась и позвала Хамфриза, который все еще стоял на ступеньках. Он подбежал, дабы услышать ее прощальные слова. Они звучали следующим образом:

— Мне сейчас пришла в голову мысль, а не заглянуть ли вам под плиты. На них должны быть цифры. Еще раз до свидания.

Во всяком случае этот вечер было чем занять. Перерисовка плана для леди Уордроп, а затем внимательная сверка с оригиналом потребуют по крайней мере два часа. Таким образом, вскоре после девяти Хамфриз разложил в библиотеке письменные принадлежности и принялся за работу. Вечер стоял тихий и душный, окна были распахнуты, из-за чего последовало несколько стычек с летучей мышью. Вследствие этого Хамфризу пришлось постоянно бросать на окно нервный взгляд. К тому же дважды кто-то еще пытался проникнуть внутрь — не летучая мышь, а нечто большее, — и вопрос, кто же это мог

быть, никак не выходил из его головы. Можно представить, что будет, если кто-нибудь тихонечко переползет через подоконник и спрячется в углу!

Вот копия и готова, осталось сравнить ее с оригиналом и проверить, нет ли ошибок. Двигая пальцем по листу, он выверял каждую тропинку, ведущую от входа. Пару раз он ошибся, но эти неточности большого значения не имели. А вот около центра произошло явное недоразумение — по-видимому, из-за вмешательства второй или третьей летучей мыши. Прежде чем перейти к исправлению промахов, он внимательно сверил последний поворот. Хоть здесь все в порядке: тропа беспрепятственно вела к центру.

Правда, оригинал отличался некоторой особенностью, которую не следовало повторять на копии, — омерзительным черным пятном, размером с шиллинг.

Клякса? Нет.

Похоже на дырку, но откуда тут дырка?

Он тупо уставился на нее: копирование требует кропотливого внимания, а он очень устал и хотел спать… Но какая странная эта дырка. Она оказалась не только в листе, но и в столе, на котором лежал этот лист. Да, и в полу тоже… мало того, она

уходила в необъятные глубины. Он склонился над этой дырой, абсолютно сбитый с толку. Бывало, смотришь в детстве на стеганое одеяло, и тебе чудятся леса, горы, а порой церкви и дома — в такой момент полностью теряешь чувство времени и целиком уходишь в себя. Так и эта дыра на мгновение показалась Хамфризу единственным, что существует в мире. Она ему сразу почему-то не понравилась, но он все смотрел и смотрел на нее, пока им не стало овладевать чувство тревоги. Оно становилось все сильнее и сильнее и превращалось в ужас… как бы из этой дыры что-нибудь не вылезло. Его охватил мучительный страх, что его ожидает нечто кошмарное, от чего нет спасения. И действительно, где-то далеко, далеко внизу что-то шевельнулось и начало подниматься… прямо к поверхности. Вот оно ближе и ближе, и из темноты стало возникать нечто серо-черное. Вот оно стало превращаться в лицо… человеческое лицо… обожженное человеческое лицо… и, корчась, словно оса, выбирающаяся из гнилого яблока, оно вылезло наружу, и тут появились руки, готовясь схватить того, кто склонился над ними. В полном отчаянии Хамфриз резко отпрянул, стукнулся головой о лампу и упал.

Далее последовали сотрясение мозга, нервный

шок и длительный постельный режим. Доктора крайне изумили не симптомы болезни, а просьба, с которой обратился к нему Хамфриз, как только стал в состоянии говорить:

— Загляните в сферу лабиринта.

— В лабиринтах я не разбираюсь. Я сведущ лишь в сфере медицины, — был единственный ответ, который смог придумать доктор.

Хамфриз же что-то пробормотал и снова заснул, а доктор по секрету сообщил медсестрам, что его пациент все еще пребывает в безумии. Когда Хамфризу стало лучше, он более четко выразил свою просьбу, на что получил обещание выполнить немедленно его указание. Он так волновался в ожидании результата, что доктор, который на следующее утро пребывал в сильной задумчивости, пришел к выводу, что лучше не скрывать от больного всю правду.

— Что ж, — начал он. — Боюсь, что со сферой покончено. Металл так проржавел, что шар рассыпался при первом же ударе долота.

— Да? Продолжайте же! — нетерпеливо воскликнул Хамфриз.

— А вы, разумеется, хотите знать, что нашли внутри. Какую-то грязь, похожую на пепел.

— Пепел? И что вы с ним сделали?

— Я еще толком его не изучил: времени не было, — но Купер решил… вероятно, благодаря моим словам… что это случай кремации… Только не волнуйтесь, сэр. Да, должен допустить, что он, возможно, прав.

Лабиринта больше нет, и леди Уордроп простила Хамфриза. Надо сказать, он, по-моему, женился на ее племяннице.

Она тоже оказалась права, когда предположила, что плиты в храме пронумерованы. На дне каждой из них были написаны краской цифры. Некоторые из них не сохранились, но по оставшимся в целости Хамфриз все-таки сумел восстановить надпись. Она гласила:

Penetrans ad Interiora Mortis[12]

Как ни был благодарен Хамфриз своему дяде, он не мог простить его за то, что тот сжег все дневники и письма Джеймса Уилсона, одарившего Уилсторп храмом и лабиринтом. Об обстоятельствах смерти и захоронения этого лица сведений не сохранилось. Весь его архив состоял лишь из завещания, по которому необыкновенно щедрое вознаграждение получил его слуга с итальян-

---

[12] Сноски: 12
Как пройти к месту упокоения *(лат.)*.

ским именем.

По мнению мистера Купера — если выражаться нормальным языком, — в любом печальном событии можно найти свой смысл, если наши ограниченные умственные способности в состоянии разобраться в нем. А мистер Калтон вспомнил историю о какой-то тете, уже покинувшей нас, которая, кажется, в 1866 году потерялась в лабиринте в Ковент-Гардене, а может, и в Хэмптон Корте.

Но самое странное во всей этой истории оказалось то, что книга с притчей исчезла безвозвратно. И Хамфризу так и не удалось переписать для леди Уордроп тот кусок, что он читал.

Резиденция в Уитминстере

Доктор богословия Томас Эштон сидел у себя в кабинете. Он был облачен в халат, а на выбритой его голове красовался шелковый ночной колпак. Снятый парик занимал свое место на болванке на столике. Пятидесятипятилетний доктор обладал крепким телосложением, сангвиническим характером, суровым взглядом и вытянутой верхней губой. В тот момент, когда я знакомлю с ним вас, лицо его освещали прямые лучи полуденного солнца, падающие сквозь высокое подъемное окно, выходящее на запад.

Солнце проникало в комнату, которая отличалась высоким потолком. Стены ее были заставлены книжными шкафами, меж которыми проглядывали деревянные панели стен. Письменный стол был обит зеленым сукном, на котором стояли: то, что доктор называл серебряным чернильным прибором (поднос с чернильницами); гусиные перья; парочка книг в переплетах из телячьей кожи; бумага; длинная курительная трубка и медная табакерка; оплетенная соломой бутылка и ликерная рюмка. И происходило все это в 1730 году, в декабре, после трех часов дня.

Если бы в кабинет заглянул посторонний наблюдатель, он бы согласился, что читателю я предоставил весьма подробное описание комнаты. Ну а если бы сидящий в кожаном кресле доктор Эштон бросил взгляд из окна, что бы увидел он? Сад, верхушки кустов и плодовых деревьев и огораживающую его стену из красного кирпича по западной стороне. Посередине стены находились двойные замысловатой конструкции железные ворота с орнаментом в виде завитков. Сквозь ажурные ворота можно было разглядеть малых размеров участок — небольшой склон, вдоль которого, по-видимому, струился ручей, и крутой подъем к полю, более похожему на парк и окруженному дубами, в это время года, естественно, сбросившими свою листву. Меж их стволами виднелись небо и горизонт. Небо было золотистое, а горизонт… на горизонте отливали пурпуром далекие леса.

Но доктор Эштон, посвятив длительное время созерцанию этого вида, отозвался о нем следующими словами: «Какая гадость!»

В то же мгновение раздались шаги, торопливо приближавшиеся к кабинету — судя по гулкому звуку, кто-то шел через большую комнату. Доктор Эштон с выражением ожидания на лице повер-

нулся к двери. Она отворилась, и в комнату вошла леди — полная дама в платье моды тех времен. Несмотря на то что одежде доктора несколько строк я уделил, описывать платье его жены — а то вошла миссис Эштон — я не рискую. Она была сильно взволнована и даже встревожена. Нагнувшись к доктору Эштону, она прошептала очень расстроенным голосом:

— Ему очень плохо, дорогой. Боюсь, стало хуже.

— Д-действительно? — И, отклонившись назад, он заглянул ей в лицо.

Где-то неподалеку в вышине два тоскливых колокола пробили полчаса. Миссис Эштон вздрогнула:

— Ты не мог бы приказать, чтобы церковные часы сегодня ночью не били? Они как раз над его спальней, и он не сможет заснуть, а сон — единственное лекарство, которое еще в состоянии ему помочь.

— Ну, если в этом и в самом деле есть потребность, то, вероятно, это устроить можно, но только если это и впрямь необходимо. Ты уверена, что выздоровление Фрэнка зависит именно от этого? — Голос доктора Эштона прозвучал громко и твердо.

— Да, уверена, — ответила его жена.

— В таком случае прикажи Молли сбегать к Симпсонам и передать от моего имени, чтобы часы на закате остановили и… да… потом пусть она передаст лорду Саулу, что я прошу его пожаловать ко мне.

Миссис Эштон быстро вышла из комнаты.

Прежде чем в кабинете не возникли новые персонажи, спешу объяснить ситуацию.

Помимо высокого положения доктор Эштон обладал правом на пребенду в богатой соборной церкви Уитминстера, которая в отличие от собора пережила и роспуск парламента, и Реформацию и сто лет спустя после тех событий, о которых я рассказываю, ухитрилась сохранить в целости и свое строение, и свои пожертвования. Огромная церковь, резиденции декана и двух пребендариев, хоры и их аксессуары остались невредимыми и продолжают служить пастве. Настоятель, который жил и работал после 1300 года, большую часть своего времени уделял строительству и воздвиг просторное четырехугольное здание из красного кирпича для проживания служащих — пристройку к церкви. К тому времени, о котором идет речь, в некоторых должностях более не нуждались: их профессиональные обязанности

свелись лишь к названиям; и их вполне можно было заменить священнослужителями или юристами, проживающими в городе и в округе. Таким образом, помещения, предназначенные для семидесяти человек, теперь разделяли трое — настоятель и два пребендария. И в апартаменты доктора Эштона входили комнаты, которые прежде служили приемной и трапезной. Резиденция простирались вдоль всего двора и с одной стороны имела вход в церковь. Другой стороной, как нам это уже известно, она выходила на природу.

Вот все, что касается дома.

Теперь о его обитателях. Доктор Эштон был состоятельным человеком, но бездетным, поэтому он усыновил, вернее, принял на себя обязанности воспитать осиротевшего сына сестры жены, Мальчика звали Фрэнк Сидалл, и в доме он проживал уже не один месяц.

Однажды доктор получил письмо от ирландского лорда, герцога Килдонанского (когда-то они учились в одном колледже), с просьбой принять на время в семью герцогского наследника виконта Саула и чтобы доктор стал для его сына не только домашним учителем, но и истинным наставником. Лорду Килдонану в скором времени предстояло занять пост в посольстве в Лиссабоне,

и мальчика он не мог взять с собой, «но не по причине его болезненного состояния, — писал герцог, — хотя он может показаться капризным, я и сам еще совсем недавно считал его таковым, но как раз сегодня его старая нянька специально пришла ко мне, чтобы сообщить, что он научился владеть собой, но полно об этом. Я ручаюсь, что вы сумеете найти к нему подход и воспитать из него нормального мужчину. Помнится, в былые времена вы славились своей крепкой рукой, и я даю вам все права применять ее в случае необходимости. Беда в том, что ему не с кем общаться, я имею в виду мальчиков его возраста и положения, поэтому он болтается по нашим фортам и кладбищам и пребывает в хандре, из-за чего приносит домой романы, которыми до полоумия пугает наших слуг. Итак, и вас, и вашу жену я предупредил».

Хочу заметить, что на решение доктора Эштона дать согласие принять лорда Саула на попечение повлиял не только намек на возможное ирландское епископство (о чем говорилось в следующем предложении герцога), но и приложенный к письму гонорар в 200 гиней.

И вот сентябрьской ночью лорд Саул подъехал к дому. Сойдя с почтовой кареты, первым делом

он обратился к форейтору, дал ему денег и похлопал по шее лошадь. То ли он сделал что-то не так, но лошадь испугалась, и произошел крайне неприятный инцидент. Животное сильно дернулось, форейтора отбросило в сторону — отчего, как выяснилось позже, он потерял свои чаевые, — карета поцарапала краску на воротных столбах, а по ноге вынимавшего из кареты багаж слуги проехало колесо. Когда лорд Саул поднялся по ступеням крыльца навстречу доктору Эштону, последний увидел перед собой юнца лет шестнадцати, с прямыми черными волосами и бледной кожей, то есть с внешностью, ничем не примечательной. Неприятное происшествие и всеобщее смятение лорд Саул воспринял довольно спокойно и проявил искреннее беспокойство за людей, которые потерпели или могли потерпеть физический ущерб. Голос его звучал ровно и приятно, и, что любопытно, говорил он даже без намека на ирландский акцент.

Фрэнк Сидалл был младше его. Ему исполнилось то ли одиннадцать то ли двенадцать лет, но лорду Саулу это не помешало с ним подружиться. Фрэнк мог научить его разным играм, в Ирландии неизвестным, и лорд Саул учился им с готовностью. Уделял он внимание и книгам, несмотря

на то что дома чтение не являлось его любимым занятием. Совсем немного времени прошло, а он уже разбирал надписи на могильных плитах в церкви. Доктора же он часто расспрашивал о старых книгах в библиотеке. Причем вопросы его, дабы ответить на них, требовали некоторого размышления. По-видимому, он и к слугам относился крайне любезно, так как через десять дней после его прибытия они, желая ему угодить, чуть ли не отталкивали друг друга. В то же время миссис Эштон была вынуждена приложить максимум усилий, чтобы найти новых горничных — в доме произошли некоторые изменения, а в семьях, в которых она привыкла добывать себе служанок, подходящих не имелось. Ей пришлось даже искать в отдаленных деревушках.

Эти подробности я нашел в дневниках доктора и в его письмах. И эти подробности, к нашей радости в свете описываемых событий, становились все более детальными. Мы подходим к записям, датируемым более поздним временем того же года и, как я полагаю, занесенным в дневник после кульминационного происшествия, и, так как все случившееся заняло всего несколько дней, в том, что пишущий все помнит точно, сомневаться не приходится.

В пятницу утром то ли лиса, то ли кошка покончила с премированным черным петушком миссис Эштон — птицей без единого белого пера. Муж ее частенько говаривал, что сия птица может явиться достойной жертвой Эскулапу. Эти слова его всегда приводили ее в расстройство, теперь же она была совершенно безутешна. Мальчики повсюду искали его, и лорд Саул принес несколько обгоревших перьев, которые он нашел в мусорной куче в саду.

Именно в тот самый день доктор Эштон, выглянув из окна верхнего этажа, увидел, как мальчики играют в углу сада в какую-то непонятную игру.

Фрэнк что-то внимательно разглядывал на своей ладони, а Саул стоял рядом и, казалось, слушал. Через несколько минут он бережно положил на голову Фрэнка свою руку, и Фрэнк почти в ту же секунду вдруг уронил то, что было у него в руке, прижал руки к глазам и опустился на траву. Саул с выражением злобы на лице быстро поднял упавший предмет — было лишь видно, как он блестит, — сунул его в карман и, оставив Фрэнка лежащим на траве, пошел прочь.

Дабы привлечь их внимание, доктор Эштон чуть стукнул окном, Саул испуганно поглядел вверх, подскочил к Фрэнку, поднял его и увел

из сада.

За обедом Саул объяснил, что они разыгрывали трагедию Радамистуса, где героиня предвидит будущее королевства ее отца по хрустальному шару, который держит в руке; и ужасные грядущие события, о которых она уже знала, уничтожают и ее. Во время его объяснений Фрэнк молчал и только смущенно поглядывал на Саула. Миссис же Эштон пришла к выводу, что Фрэнк, наверное, простудился после лежания на мокрой траве — он выглядел нездоровым и расстроенным. И расстройство поразило не только его тело, но и голову — он все хотел что-то сказать миссис Эштон, но она была так занята домашними делами, что не обращала на него внимание, а когда вечером пошла посмотреть, потушили ли мальчики перед сном свет, и пожелать им спокойной ночи, он уже спал, но лицо его, как ей показалось, было чересчур красным. Лорд же Саул, тем не менее, был бледным и спокойным и во сне улыбался.

На следующее утро так случилось, что доктор Эштон был занят по делам церкви да и другими делами и потому был не в состоянии давать мальчикам уроки. Однако он оставил им письменное задание, которое они потом должны были принести ему. Трижды, если не больше, Фрэнк стучал в

дверь его кабинета, и каждый раз у доктора был посетитель, поэтому он в очень резкой форме отослал мальчика, о чем впоследствии сильно сожалел.

Два церковных лица, присутствовавшие в тот день за обедом, обратили внимание (а они были отцами семейств) на то, что мальчик выглядит нездоровым — что походило на правду, — и заметили, что его стоит немедленно уложить в постель.

Через два часа он вбежал в дом и, подбежав к миссис Эштон, вцепился в нее с мольбами защитить его и с беспрерывными криками: «Уберите их! Уберите их!»

Тогда всякие сомнения в его болезни отпали, и его уложили в кровать, но не в его спальне. Вызвали врача. Тот заявил, что у мальчика серьезное помрачение в уме, и предписал ему полный покой и необходимые лекарства.

Теперь мы вернемся к началу нашей истории. Церковные часы стоят, а лорд Саул входит в кабинет.

— Что вы можете сообщить мне о причине болезни бедного мальчика? — так прозвучал первый вопрос доктора Эштона.

— Боюсь, что ничего, помимо того, что вам уже

известно, сэр. И все же я виню себя: когда мы вчера разыгрывали эту дурацкую пьесу, которую вы и видели, я сильно напугал его. Но я и предположить не мог, что он так близко примет к сердцу мои слова.

— Что вы имеете в виду?

— Ну, я рассказывал ему глупые истории о том, что мы в Ирландии называем вторым видением.

— Вторым видением! И что же это за видение?

— Понимаете, наш невежественный народ считает, что существуют люди, умеющие предвидеть будущее… кто по хрусталю, кто по воздуху, и в Килдонане у нас была старуха, которая полагала, что тоже обладает подобной силой. Должен признаться, что я несколько приукрасил свои россказни, но мне и в голову не приходило, что на Фрэнка они так сильно подействуют.

— Вы поступили дурно, мой лорд, очень дурно. Забить себе голову всяческими суевериями! Вы должны были соображать, в чьем вы находитесь доме и что подобное такому человеку, как я или вы, а что явно не подобает. И все же я не понимаю, каким образом разыгрывание, как вы утверждаете, пьесы могло довести Фрэнка до такого состояния?

— На этот вопрос я затрудняюсь ответить, сэр.

Наше пустословие о битвах, влюбленных, Клеодоре и Антигене так быстро сменилось какой-то другой темой, что я совершенно не помню, о чем шла речь в тот момент. А он вдруг взял и упал, да вы и сами это видели.

— Да, видел. Это ведь произошло именно тогда, когда вы положили свою руку ему на голову?

Лорд Саул бросил на спрашивающего быстрый взгляд — быстрый и злобный — и впервые не нашелся что ответить.

— Да, кажется, — сказал он. — Я пытаюсь вспомнить, но не уверен. Но действия свои я совершал без всякого умысла.

— Вот как! — воскликнул доктор Эштон. — Что ж, мой лорд, мне придется сообщить вам, что эта ваша игра может привести к очень неприятным последствиям. Врач сильно опасается за жизнь моего племянника.

Стиснув руки, лорд Саул устремил на доктора Эштона честный взгляд:

— Мне очень хочется верить, что ни злого намерения, ни причины доводить до сумасшествия бедного мальчика у вас не было, но считать вас невиновным я тоже не могу.

Тут снова раздались торопливые шаги, и в комнату со свечой в руке, так как уже наступал вечер,

быстро вошла миссис Эштон. Она была сильно взволнована.

— Скорее! — закричала она. — Скорее! Он умирает.

— Умирает? Фрэнк? Это невозможно! Уже?

И, бормоча какие-то бессвязные слова, доктор схватил со стола молитвенник и ринулся вслед за женой.

Лорд Саул некоторое время оставался на месте. Горничная Молли видела, как он склонился и закрыл лицо руками. Позже она утверждала, что он пытался сдержать смех. Затем он спокойно последовал за остальными.

В своем предположении миссис Эштон, увы, оказалась права. Детально описывать последнюю сцену мне не хочется. Для интересующих нас событий имеют значение или могут иметь значение записи доктора Эштона.

Фрэнка спросили, не хочет ли он напоследок повидаться со своим другом, лордом Саулом. Мальчик собрался с мыслями — в подобные моменты такое происходит.

— Нет, — ответил он, — видеть его я не хочу, но передайте ему: я боюсь, что ему будет очень холодно.

— Что ты хочешь этим сказать, мой дорогой? —

изумилась миссис Эштон.

— Только то, что сказал, — произнес Фрэнк, — еще передайте ему, что я уже освободился от них, но он пусть побережется. И простите меня за черного петушка, тетушка, но он сказал, что, если хотим увидеть то, что увидеть можно, мы должны им воспользоваться.

Через несколько минут он скончался. Эштоны сильно горевали, особенно, разумеется, жена доктора. А доктор, несмотря на то что чувствительностью не отличался, пришел к заключению, что в ранней смерти есть некая несправедливость, к тому же он сильно подозревал, что Саул рассказал ему не все и что за всеми этими событиями скрывается нечто необычное.

Покинув обитель смерти, он был вынужден отправиться к могильщику. Предстояло звонить в погребальный колокол — последний из церковных колоколов — и копать могилу в церковном дворе. Да и церковные часы снова могут начать отбивать свой ход. Выйдя в темноту, он подумал, что ему необходимо вновь побеседовать с лордом Саулом: оставалось невыясненным — пусть даже на первый взгляд пустячное — дело с черным петушком. Если не считать воображение покойного мальчика болезненным, то на память

приходят процессы над ведьмами, о которых он читал. Кажется, там большое значение играли жертвоприношения? Да, с Саулом обязательно надо поговорить.

Об этих его размышлениях я могу лишь догадываться, сам он об этом ничего не пишет. Но вторая беседа действительно состоялась, и Саул оказался бессилен (во всяком случае, он так сказал) пролить свет на предсмертные слова Фрэнка, хотя сообщение, которое было ему передано, или какая-то часть его сильно потрясли Саула. Но подробная запись этой беседы в дневнике отсутствует. Упоминается лишь о том, что Саул весь вечер пробыл в кабинете у доктора и, пожелав последнему спокойной ночи — весьма неохотно, — попросил его молиться за него.

Когда январь подходил к концу, лорд Килдонан получил письмо, которое сильно потрясло этого тщеславного человека и невнимательного отца. Лорд Саул был мертв.

Похороны Фрэнка оказали на присутствующих жуткое впечатление. День стоял хмурый и ветреный, и носильщикам, которые, пошатываясь, несли гроб, черная ткань которого развевалась по вет ру, пришлось приложить максимум усилий, чтобы сойти с крыльца церкви и добраться до

могилы. Миссис Эштон находилась у себя в комнате — в те времена женщинам не полагалось присутствовать на похоронах своих родственников, — но Саул там был, в траурном костюме своей эпохи. Бледное лицо его было устремлено на лицо усопшего, но, как было замечено, он трижды или четырежды внезапно поворачивал голову влево и оглядывался через плечо В эти минуты в глазах его появлялось выражение ужаса, и создавалось впечатление, что он к чему-то прислушивается. Никто даже не заметил, когда он исчез, но в тот вечер найти его было невозможно.

Всю ночь в высокие окна церкви стучал сильный ветер, он выл в горах и ревел в лесах. Поиски Саула ни к чему не привели. Да и если бы кто-нибудь закричал или позвал на помощь, его бы сразу услышали. Все, что доктор Эштон был в состоянии предпринять, это предупредить всех в округе, поставить на ноги городских констеблей и сидеть в ожидании новостей, что он и сделал.

Новости появились лишь на следующее утро, их сообщил церковный сторож, в чьи обязанности входило открывать церковь в семь часов утра для ранних молитв. Он послал горничную за ее хозяином, и она вбежала к нему, растрепанная и вытаращив глаза. Двое мужчин немедленно

ринулись к южному входу в церковь, где и нашли лорда Саула. Он отчаянно цеплялся за кольцо в двери, одежда на нем была разодрана в клочья, обувь отсутствовала, а израненные ноги кровоточили.

Именно об этом сообщало письмо, которое получил лорд Килдонан. На этом первая часть нашей истории кончается. Фрэнк Сидал и виконт Саул, единственное дитя и наследник герцога Уилльяма Килдонанского, покоятся в одной могиле в церковном дворе Уитминстера. На могиле установлена каменная плита.

В своей резиденции доктор Эштон прожил тридцать лет. Не знаю, спокойно ли ему жилось там, но во всяком случае обошлось без явных потрясений.

Преемник его предпочел остаться в прежнем своем доме, поэтому здание, предназначавшееся старшему пребендарию, стояло свободным. Прошел восемнадцатый век, а затем наступил и девятнадцатый: мистер Хиндес, преемник Эштона, стал пребендарием в двадцать девять лет, а умер в восемьдесят девять.

И вот то ли в 1823-м, то ли в 1824 году эту должность получил наконец тот, кто решил поселиться в этом доме. Звали его доктор Генри

Олдис; возможно, некоторым моим читателям знакомо это имя — он является автором ряда произведений под общим названием «Труды Олдиса». На полках большого количества известных библиотек — где они занимают достойное место — к ним так редко кто прикасается.

Доктору Олдису, его племяннице и их прислуге потребовалось несколько месяцев, чтобы мебель и книги из Дорсетширского прихода перевезти в четырехугольное здание в Уитминстере и расставить по местам. Но в конце концов все было сделано, и дом (который, несмотря на то что столько времени пустовал, производил хорошее впечатление и оставался неподвластным непогоде) ожил и, подобно поместью графа Монте-Кристо в Отейле, запел и расцвел вновь.

В то июньское утро доктору Олдису, вышедшему в сад погулять перед завтраком, он показался особенно красивым. За красной крышей виднелась церковная башня с четырьмя золотыми флюгерами, а за ними голубело яркое небо и белели крошечные облачка.

— Мэри, — произнес он, усевшись завтракать и положив на скатерть что-то тяжелое и блестящее, — посмотри, что только что нашел мальчик. Может быть, ты догадаешься, что это такое?

На столе лежала круглой формы, не толще дюйма, абсолютно гладкая пластинка из обыкновенного, как могло показаться на первый взгляд, стекла.

— Во всяком случае, она очень красивая, — ответила Мэри, прелестная блондинка с большими глазами и ярая любительница литературы.

— Верно, — согласился ее дядя. — Я подумал, что тебе она понравится. Мне кажется, что раньше она находилась в доме — ее нашли в мусорной куче за углом.

— Сейчас я не очень уверена, что она мне нравится, — заявила Мэри несколько минут спустя.

— Это еще почему, моя дорогая?

— Не знаю. Возможно, это всего лишь причуда.

— Вот уж точно, причуды и, разумеется, романы. Кстати, что за книга на сей раз… то есть как она называется… занимала твои мозги весь вчерашний день?

— «Талисман» Вальтера Скотта, дядя. Ах, вот было бы здорово, если бы это тоже оказался талисман!

— Понятно, «Талисман», что ж, ты имеешь полное право на него, чем бы он ни оказался на самом деле. Ну, мне пора по делам. Как тебе дом? Он тебя устраивает? Слуги не жалуются?

— Нет, вообще-то здесь так хорошо. Единственный soupcon[13] на жалобу на замок в бельевом шкафу, и, как я тебе уже докладывала, миссис Мейпл никак не может избавиться от пилильщиков в той комнате, которую ты проходишь мимо, когда идешь из другого конца дома. Кстати, тебе действительно нравится твоя спальня? Она так далеко.

— Нравится? Очень — чем дальше от тебя, дорогая моя, тем лучше. Но что это еще за пилильщики? Одеждой они питаются? Если нет, то пусть имеют эту комнату в полном своем распоряжении. Нам-то она вряд ли понадобится.

— Да, конечно. То, что она зовет пилильщиками, такие красные, как долгоножки, только размером поменьше[14], и в комнате этой они расположились действительно в огромном количестве. Мне они не нравятся, но полагаю, вреда они не приносят.

— Сегодня утром тебе, по-моему, многое не нравится, — заметил ее дядя, закрывая за собой дверь.

---

[13] Сноски: 13
Намек *(фр.)*.

[14] Сноски: 14
Очевидно, имеются в виду наездники-ихневмониды (Ophion obscurum), а не настоящие пилильщики. — *Примеч. авт.*

А мисс Олдис осталась сидеть за столом, разглядывая пластинку, которую она положила на ладонь. С ее лица медленно сошла улыбка, взамен которой появилось выражение интереса и почти напряженного внимания. Но ее раздумья нарушило появление миссис Мейпл и неизменный вопрос: «Ах, мисс, вы не могли бы уделить мне минутку?»

Еще одним источником информации для рассказа послужило письмо мисс Олдис, которое она за два дня до этого начала писать своей подруге в Личфилд. Оно не лишено следов влияния лидера феминистского движения того времени, мисс Анны Сьюард, известной как Личфилдский Лебедь.

Моя дражайшая Эмили, спешу с радостью сообщить тебе, что наконец-то мы — мой любимый дядя и я — по селились в доме, который теперь называет хозяином нас, нет, хозяином и мистресс — так в прежние времена он называл многих других. И теперь мы вкушаем современную изысканность вкупе с древней архаикой, коими прежде наша жизнь не была украшена. Каким бы ни был маленьким наш городок, он в состоянии предоставить нам отражение — пусть бледного, но истинного — наслаждения вежливого обхождения как соседствующих семейств, так

и обитателей поместий, разбросанных по округе. Лоск вышеозначенных ежегодно обновляется посредством общения с блеском столичным.

Но есть и другие, чей здравый смысл и сердечность временами и по контрасту не менее приятны и приемлемы. Утомленные гостиными и общими комнатами наших друзей, мы готовы принять утешение от столкновения умов или небольшой дневной беседы в окружении печальных красот нашего освященного веками собора, чьи серебряные куранты ежедневно «призывают к молитве»; а близ темных стен мирного кладбища мы со смягчившимся сердцем предаемся соответствующим раздумьям, и вскоре глаза наши покрываются влагой при воспоминании о молодых и красивых, старых, мудрых и добрых.

На этом месте стиль письма неожиданно меняется.

Но, дорогая моя Эмили, в манере, которой ты столь достойна и которая доставляет нам обеим огромное удовольствие, я больше не в состоянии писать. Хочу рассказать тебе о совершенно необычном происшествии.

Сегодня утром за завтраком показал мне предмет, который был найден в саду, — то ли стекло,

то ли хрусталь следующего размера (тут приведен рисунок). Он отдал его мне, а я положила его на стол. Когда ушел, я, непонятно почему, несколько минут разглядывала его, потом мне пришлось заняться домашними делами. Так вот, наверное, ты скептически улыбнешься, но я увидела в нем события и предметы, которых в комнате не было.

Ты меня, разумеется, поймешь, когда узнаешь, что при первой же возможности я решила повторить свой эксперимент и уединилась у себя в комнате с этим стеклом, которое, как мне кажется, является талисманом огромной силы. И разочарование не постигло меня.

Эмили, клянусь памятью того, кто так дорог нам обеим, что то, что я сегодня испытала, выходит за рамки всякого правдоподобия. Короче говоря, глядя при ярком свете летнего дня сквозь кристальные глубины этой крошечной круглой пластинки, я увидела следующее.

Сначала передо мной возникло некое огороженное бугристое пространство, покрытое травой. Посредине располагались руины из серого камня, вокруг них тянулась каменная стена. И омерзительного вида старуха стояла там в красном плаще и тряпичной юбке. Она разговаривала с мальчиком, одетым по моде примерно столет-

ней давности. Она положила ему в руку что-то блестящее, и он тоже кое-что дал ей: деньги — я увидела, как из ее дрожащей руки выпала монета. На этом первая сцена закончилась. Между прочим, я успела заметить, что на стене лежат разбросанные кости и даже череп.

Затем моим глазам предстали два мальчика: один из них — герой моего прежнего видения, другой — чуть помладше. Они находились в саду, окруженном стеной, и, несмотря на некоторые изменения и малый рост деревьев, я узнала в нем тот самый сад, который в данный момент вижу из своего окна. Создавалось впечатление, что мальчики играют в какую-то странную игру. Ха-ха. Старший простер над этим руки, а потом поднял их, словно молясь, и, к моему сильному изумлению, я увидела, что руки у него в крови. Небо было целиком затянуто тучами. Затем тот же мальчик повернул лицо к садовой стене и помахал руками, кого-то призывая. В ту же минуту над стеной что-то показалось: то ли головы, то ли другие части тел каких-то животных, а может, это были и люди, толком я не поняла. Старший в одно мгновение резко отвернулся, схватил младшего за руку (тот все время глядел на то, что лежало на земле), и они оба убежали. А на траве я

увидела кровь, кучку веток и, как мне показалось, черные перья. Так закончилась вторая сцена, а следующая была такой темной, что я не очень разглядела, что там происходило.

Привиделся мне кто-то… он крался между деревьями и кустами, которые хлестал яростный ветер. Потом он быстро-быстро побежал, но все время оборачивался (лицо у него было бледное). Казалось, его кто-то преследует. Затем появились и преследователи. Разглядеть их было очень трудно, по моему, их там было трое или четверо — не могу сказать. Напоминали они собак, но это были явно не собаки. Меня охватило такое чувство ужаса, что я была не в состоянии закрыть глаза, хотя только и мечтала об этом. Потом жертва пронеслась под аркой, во что-то вцепилась, а те, кто гнались за ним, настигли его, и я услышала отчаянный крик. Вероятно, я потеряла сознание, потому что позже я словно пробудилась к свету дня, покинув мрак.

Эмили, я рассказываю тебе сущую правду, такое видение, иначе это и не назовешь, явилось мне посреди белого дня. Как ты думаешь, не оказалась ли я случайным свидетелем трагедии, происшедшей в этом доме?

Продолжение письма последовало на следую-

щий день.

Несмотря на то что я поставила точку, вчерашняя история продолжалась. Дяде я рассказывать ничего не стала. Ты же знаешь, каким образом его здравый смысл откликается на мое сообщение — на все случаи жизни у него одно лекарство: бокал темного пива или рюмка портвейна.

Проведя тихий вечер… заметь, но не скучный… я отправилась спать. И представь себе мой ужас, когда вдруг я услышала безумный крик, и хотя доносился он издалека, я сразу узнала дядин голос. Господи, как он кричал. Спальня его находится в дальнем конце этого огромного дома, чтобы добежать до нее, необходимо миновать древний холл в восемьдесят футов длиной, высокую комнату с панелями и две пустые спальни. Нашла я его во второй — там вообще нет мебели, — он сидел в темноте, а свеча его валялась на полу сломанная. Я, разумеется, пришла со свечой, и он схватился за меня дрожащими руками — прежде с ним такого не случалось — и быстро повел из комнаты прочь. Отчего он так кричал, он объяснять не захотел. «Завтра, завтра», — было единственным, что мне удалось выудить из него. Мы наскоро постелили ему постель в комнате, соседней с моей, я очень сомневаюсь, что в эту ночь он спал

лучше, чем я.

Заснула я лишь на рассвете, и сны мне снились очень неприятные.

Один из них никак не выходит у меня из головы, и хочу рассказать его тебе: может быть, таким образом сумею его забыть. Мне снилось, что я вошла к себе в комнату с ощущением, что на меня давит какое-то зло, и почему-то я пошла к комоду, причем с колебанием и неохотой. Сначала я открыла верхний ящик, там были только ленты и платки, потом второй, там тоже лежала какая-то ерунда, и затем, о господи, третий и последний. В нем лежало аккуратно сложенное постельное белье. И я стала разглядывать его с любопытством, постепенно сменяющимся ужасом. Но пребывала я в этом состоянии недолго — из складок белья выскочила розовая рука и стала легонечко шевелить пальцами. Этого зрелища была уже не в состоянии выдержать, и я выскочила из комнаты, захлопнула за собой дверь и, изо всех сил надавив на нее, стала закрывать ее на ключ. Но ключ никак не поворачивался в замке, а в комнате что-то зашуршало и затопало и стало приближаться к двери. Почему я не побежала вниз по лестнице, понятия не имею. Только я все продолжала давить на ручку, но дверь удержать не сумела,

она открылась, и тут я, к счастью, проснулась. Возможно, мой сон тебе страшным не покажется, но мне было очень страшно, уже поверь.

За завтраком дядя не проронил ни слова: по-моему, ему было стыдно, что он нас так напугал. А потом спросил, не знаю ли я, в городе ли еще мистер Спиарман, и добавил, что считает, что у этого молодого человека имеется некоторая толика мозгов в голове. Тут, как ты понимаешь, моя дорогая Эмили, я с ним согласна; и разумеется, на его вопрос я была в состоянии ответить.

Итак, он отправился к мистеру Спиарману и пока не вернулся. А я собираюсь немедля, отослать тебе этот ворох странных новостей, иначе это письмо ты не скоро получишь.

Читатель уже наверняка догадался, что мисс Мэри и мистер Спиарман примерно месяц назад, то есть до июня, обручились. Молодой щеголь, мистер Спиарман, обладал прекрасным поместьем неподалеку от Уитминстера и частенько, якобы по делу, приезжал на несколько дней в город, где останавливался в гостинице «Королевская голова». Можно предположить, что свободного времени у него было более чем достаточно, так как в своем дневнике он очень подробно описывает происходящие с ним события, в особенности

те, которые имеют отношение к моему повествованию. Хотя у меня возникло подозрение, что нижеприведенный эпизод он занес в дневник по настоянию Мэри.

Сегодня утром ко мне зашел дядя Олдис (как я надеюсь, что в скором времени я получу полное право так его называть!). Обсудив со мной кое-какие пустячные вопросы, он сказал:

— Знаете, Спиарман, я хочу вам рассказать довольно-таки странную историю, только прошу вас на время прикусить язык. Сначала мне надо кое-что выяснить.

— Разумеется, — ответил я. — Вы всегда можете на меня положиться.

— Я действительно понятия не имею, что мне теперь делать, — заявил он. — Вы ведь знаете, где моя спальня. В самом дальнем конце. И чтобы до нее добраться, приходится проходить через большой холл и еще через две-три комнаты.

— Это в том конце, что рядом с церковью? — спросил я.

— Да, так вот, вчера утром Мэри мне сказала, что соседняя комната заражена какими-то жуками и экономка никак не может их вывести. Может быть, этим все и обясняется? Как вы думаете?

— Но, — заметил я, — вы мне еще так ничего и не рассказали.

— Ну да, не рассказал; кстати, а как выглядят эти пилильщики? Какого они размера?

Тут мне пришла голову мысль, что он слегка повредился головой.

— То, что я называю пилильщиком, — терпеливо начал я, — красное насекомое с длинными ногами, размером примерно дюйм, может, чуть побольше. Тело у них твердое, и, по-моему, они…

Я собирался сказать «совершенно безвредные», но он меня прервал:

— Хватит, хватит, примерно в дюйм, может, чуть побольше. Этого достаточно.

— Я говорю вам лишь то, — продолжал я, — что знаю сам. Послушайте, вы лучше расскажите, что вас так удивило — морда, возможно, — я вам что-нибудь и отвечу.

Он задумчиво посмотрел на меня.

— Возможно, — заключил он. — А знаете, я как раз сегодня говорил Мэри, что у вас имеется некоторая толика мозгов. (Согласен.) Все дело в том, что мне почему-то стыдно об этом рассказывать. Раньше со мной такого никогда не происходило. Так вот, вчера вечером, часов в одиннадцать, я взял свечу и отправился к себе. Еще я взял с собой

книгу — люблю читать перед сном. Дурацкая привычка, вам я не советую этим заниматься, но я умею справляться со свечой и с постелью.

Дальше: когда я вышел из кабинета в ход и закрыл за собой дверь, свеча погасла. Потом я уронил книгу, вернее, она сама выскочила у меня из руки, так бы я сказал. Она упала на пол. Я поднял ее и пошел дальше; правда, мне стало страшновато. Но в холле некоторые окна без занавесок, а летом ночью светло, и видна не только мебель, но и есть ли там кто-нибудь еще, но никого не было, никого. Миновав холл, я вошел в смежную комнату, тоже с большими окнами, а потом двинулся через спальни, окна были зашторены, и из-за ступенек мне пришлось замедлить шаг. И во второй из них я чуть и не потерял свой quierus[15]. Только открыл дверь, как тут же понял, что там что-то сладкое. Должен признаться, я даже подумывал вернуться обратно и добраться к себе в спальню другим путем, только бы не входить в эту комнату. Но мне стало стыдно, и я решил, как говорится, наилучшим способом, хотя теперь я понимаю, что «наилучший способ» в данном случае был бы другой. Чтобы вам было понятнее,

---

[15] Сноски: 15
Покой *(лат.)*.

я опишу все подробно.

В комнате раздавался сухой, слабый шорох, и тут (а там было совершенно темно) что-то прыгнуло на меня, и я почувствовал на своих лице, шее, теле — не знаю, как лучше выразиться, — длинные тонкие то ли руки, то ли ноги, то ли усики. Они были не сильными, Спиарман, большего ужаса и отвращения я не испытывал за всю свою жизнь, и это весело меня из равновесия. Я заорал во всю мочь. Так как я знал, что рядом окно, я дернул за занавеску, стало чуть-чуть светлее, и я увидел болтающуюся в воздухе ногу насекомого — я это понял по ее форме. Но, боже мой, какого она была размера! Эта зверюга была ростом почти с меня, вы мне теперь говорите, что парильщики размером в дюйм, а может быть, побольше. Ну что теперь вы скажете, Спиарман?

— Ради Бога, сперва расскажите все до конца, — ответил я. — В жизни ничего подобного не слыхал.

— Да я уже все рассказал, — доложил он. — Вбежала Мэри со свечой, и там ничего не было, не стал ей ничего объяснять. Спать перешел в другую комнату, и надеюсь, там мне будет лучше.

— А вы осмотрели эту вашу странную комнату? — спросил я. — Что вы там держите?

— Мы ей не пользуемся, — сообщил он. — Там старый стенной шкаф и какая-то другая мебель в шкафу? — поинтересовался я.

— Понятия не имею, я его никогда не открывал, к тому же он заперт.

— Надо посмотреть, что в нем, и, если вы не возражаете, я хотел бы сам взглянуть на это место.

— Честно говоря, мне не хотелось обращаться к вам с этой просьбой, но я надеялся, что вы сами это предложите. Когда вы можете?

— Такие дела не стоит откладывать, — возвестил я, так как понял, что он не успокоится, пока все не прояснится.

Он с готовностью встал и, как мне показалось, посмотрел на меня с большим одобрением. Тем не менее произнес он только: «Тогда пошли», а по дороге к дому все время молчал.

Позвали мою Мэри (так он называет ее при всех, а я наедите), и мы отправились в комнату. Доктор даже сообщил ей, что вчера он сильно испугался, но почему, не стал разъяснять. Когда мы подошли к знаменитой комнате, он остановился и пропустил меня вперед.

— Вот эта комната, — сказал он. — Вы, Спиарман, вой дите и крикните нам, что там.

Ночью я, быть может, и испугался, но посре-

ди бела дня ничего зловещего я найти там не ожидал, поэтому я спокойно распахнул дверь и вошел внутрь. Комнату заливал свет из огромного окна справа, только было душновато. Главным предметом мебели был пустой старый стенной шкаф из темного дерева. Кроме того, там стояли кровать без матраса — собственно говоря, только остов кровати, под которым спрятаться было невозможно, — и комод. На подоконнике и на полу валялось огромное количество трупиков пилильщиков и один снулый, и я его раздавил, причем с огромным наслаждением. Я подергал дверь шкафа, но он был заперт, комод тоже оказался закрытым. Где-то что-то тихо шуршало, только я не смог определить где, но стоящим снаружи я этого не сообщил, лишь предложил первым делом проверить, что в ящиках.

Дядя Олдис повернулся к Мэри. «Миссис Мейпл», — произнес он, и Мэри умчалась — никто, по моему мнению, не ступает, как она, — и вскоре вернулась более спокойной походкой в сопровождении пожилой леди со сдержанным выражением лица.

— У вас есть ключи от этих штук, миссис Мейпл? — спросил дядя Олдис.

Этот ничем не примечательный вопрос вызвал

поток (не бурный, но полноводный) слов. Если бы миссис Мейпл стояла двумя ступеньками выше на социальной лестнице, она смогла бы послужить образцом для мисс Бейтс.

— Ах, доктор, и вы, мисс, и вы также, сэр, — воскликнула она, дав понять поклоном в мою сторону, что ей известно моем присутствии. — Эти ключи! Кто явился сюда, когда мы впервые доставили мебель в этот дом, джентльмен по делу, и я угостила его завтраком в маленькой комнатке, потому что большая еще не выглядела так, как бы нам хотелось ее видеть, — цыпленок, яблочный пирог и стакан мадеры… Боже, боже, вы сейчас скажете, мисс Мэри, что я болтаю, но я упоминаю об этом только для того, чтобы лучше вспомнить, и он пришел… Гарднер, снова, как и на прошлой неделе, с артишоками и лососиной. И этот мистер Гарднер дал мне все ключи с этикетками, и каждый из этих ключей был от какой-нибудь двери в доме, от некоторых было даже по два; и когда я произношу «дверь», я имею в виду дверь от комнаты, а не от какого-то там шкафа. Да, мисс Мэри, я все хорошо знаю, просто я хочу, чтобы все было понятно вам, сэр, еще был ящичек, который тот же самый джентльмен выдал мне под мою ответственность, и, когда он

ушел, я позволила себе — ничего дурного я в этом не видела — потрясти его; если я не обманываюсь, то там лежат ключи, но что за ключи, доктор, кто знает, так как ящичек я открывать не стала.

Я все гадал, каким образом Олдис ухитряется сохранять спокойствие во время этого выступления. Мари-то такие речи всегда веселили, а он, по-видимому, знал по опыту, что миссис Мейпл прерывать бесполезно. Во всяком случае, останавливать он ее не стал, а лишь произнес по окончании ее болтовни:

— А этот ящичек у вас под рукой, миссис Мейла? Не могли бы вы его принести?

Миссис Мейл ткнула в его сторону перстом, то ли угрожая, то ли мрачно торжествуя.

— Да, доктор, мне всегда приходится повиноваться вашим приказам, — заявила она. — И если бы я порой воспринимала ваши слова как упрек в свой адрес, то таких случаев насчитала бы уже около пятидесяти. Но лежу ли я в собственной кровати, сижу ли на собственном стуле, из тех самых, которые вы подарили мне в тот день, когда отмечали двадцатилетие моей у вас службы, о лучшем и мечтать нельзя, да, мисс Мэри, но в словах моих правда, и всем нам прекрасно известно, что некому похвастаться такой жизнью,

какая есть у меня.

Я же подумал: «Замечательные слова, но когда же ты наконец скажешь, где этот ящичек?»

— Нет, доктор, если бы вы походили на тех хозяев, о которых столько слышала, а я на тех слуг, которые мне очень хорошо известны, то ваше поручение я выполнила бы без труда, но существует нечто за гранью человеческих сил. И по этой причине я вынуждена сообщить вам, что если мисс Мэри не пойдет со мной ко мне в комнату и не поможет мне собраться с мыслями — ее-то мозги могут справиться с тем, что проскакивает мимо моих, — то никакой ящичек, каким бы он ни был крошечным, в ближайшие дни не предстанет вашим глазам.

— Ах, миссис Мейл, что ж вы меня раньше не попросили помочь вам найти его? — воскликнула моя Мэри. — Ну что вы, вовсе не обязательно объяснять, как это произошло, просто пойдемте и поищем.

И они торопливо удалились. Я услышал, как миссис Мейпл пустилась в объяснения, которые несомненно продлятся и в дальних концах владений экономки. Мы с дядей Олдисом остались вдвоем.

— На редкость ценная прислуга, — заметил он,

кивнув головой на дверь. — Ничто не ускользнет от ее глаз, ну а речи редко длятся больше трех минут.

— А каким образом мисс Олдис заставит ее вспомнить, где ящичек? — поинтересовался я.

— Мэри? Усадит ее куда-нибудь и начнет расспрашивать о последней болезни ее тетушки или о том, кто подарил ей фарфоровую собачку на камине… ну и так далее. А затем, как говорит миссис Мейпл, одно за другим, и истина выйдет наружу раньше, чем вы предполагаете Ага! Слышите, они уже возвращаются.

И он оказался прав. Миссис Мейпл шествовала впереди с ящичком в вытянутой руке и с сияющим лицом.

— Помните, — закричала она, — помните, что я сказала перед тем, как приехала сюда из Дорсетшира? Что я не женщина Дорсета и не обязана быть ей. «Крепче запрешь — вернее найдешь»… и был он там, куда я его и положила… э… два месяца назад.

Она протянула ящичек дяде Олдису, и мы с ним стали изучать его с большим любопытством, поэтому на мгновение я перестал обращать внимание на миссис Мейпл, но сознавал, что она пытается подробно рассказать, где именно на-

ходился ящичек и каким образом Мэри удалось заставить ее вспомнить об этом.

Ящичек был старый, перевязан розовой тесьмой и запечатан, на крышке была приклеена этикетка с надписью выцветшими чернилами:

«Дом старшего пребендария, Уитминстер».

Когда ящичек открыли, то обнаружили в нем два небольших ключа и записку, на которой тем же почерком, что и на этикетке, было написано:

«Ключи от шкафа и комода заброшенной комнаты».

И еще:

«Содержимое этого шкафа и ящика я сохраняю — как должны поступать впредь и мои преемники — как принадлежащее знатному семейству Килдонанов, на тот случай, ежели кто-либо из этого семейства предъявит на это свои права. Но, собрав всю возможную информацию, я пришел к выводу, что этот знатный род вымер целиком: последний герцог, печально известный, погиб во время кораблекрушения на море, а его единственный сын и наследник умер у меня в доме (документы, имеющие отношение к этому несчастному случаю, помещены мной в тот же самый шкаф 21 марта сего года). И мое

убеждение таково, что, дабы не возрождать к жизни неприятные затруднения, те, кто к роду Килдонанов отношения не имеют, пусть оставят все, как есть. Уверяю их, что на это имеются крайне веские и важные причины. И я счастлив, что суждение мое подтверждают и другие члены наших колледжа и церкви. Они осведомлены о происшедшем, упомянутом в данном документе. Том. Эштон, профессор священного богословия. Ст. пребенд. Уилл. Блэйк, профессор священного богословия, декан; Ген. Гудман, бакалавр священного богословия. Мл. преб.».

— Ага! — воскликнул дядя Олдис. — Неприятные затруднения! Значит, он ждал, что такое может случиться. Думаю, что во всем виноват этот молодой человек. — И он ткнул ключом в словаре «единственный сын и наследник». — Как ты считаешь, Мэри? Виконта Килдонанского звали Саул.

— А тебе-то откуда это известно, дядя? — спросила Мэри.

— А почему бы и нет? Об этом есть в «Дебретте»… такие толстые томики. Но я-то имею в виду могилу у известковой дорожки. Он там лежит. Хотел бы я знать, что там случилось. А вам, миссис Мейпл, ничего об этом не известно? Да, кстати,

вон ваши пилильщики, у окна.

— Ах, эти жуки, если бы вы только знали, доктор и мисс, как с ними было тяжело еще три-четыре дня назад, и вы, сэр, вы себе даже не представляете! Сначала нам пришлось убрать комнату, мы открыли ставни, и никаких жуков, клянусь, вовсе не было. Потом мы с трудом сняли ставни, а на следующий день я послала Сьюзан подмести, и через две минуты она явилась в холл, шатаясь, как слепая, и нам пришлось прямо стряхивать их с нее. У нее весь чепец и волосы были залеплены ими, даже цвет было невозможно разглядеть, уверяю вас, а на глазах так прямо гроздьями висели. Слава Богу, девушка она некапризная. Если бы со мной такое случилось, я бы просто с ума сошла, теперь они все дохлые. В понедельник еще были живыми, а сейчас у нас четверг, нет, пятница. Только подойдешь к двери, а они там так топают; если ее откроешь, прямо набрасываются на тебя, словно проглотить хотят. Я все думала: «Что бы с нами было, если бы это были летучие мыши?» И раздавить их было не просто, не то что обычных жуков. Но нам следует быть благодарными, потому что таким образом мы познали новое.

И еще эта могила — она поспешно перешла к следующей теме, чтобы никто не успел ее

передать, — с этими бедняжками. Я говорю «бедняжки», но все же я вспомнила, что до вашего приезда, доктор и мисс, я пила чай с миссис Симпкинс, женой церковного сторожа, а их предки жили как раз в этом доме… э… сто лет назад, кажется, и знали каждую могилу во дворе и могли сказать, кто где лежит и сколько ему лет. А об этом молодом человеке он говорит, я имею в виду мистера Симпкинса… ну я вам доложу! — Она поджала губы и несколько раз покачала головой.

— Расскажите нам, миссис Мейпл, пожалуйста, — попросила Мэри.

— Продолжайте, — приказал дядя Олдис.

— Так что с ним? — спросил я.

— Никогда такого здесь не происходило, даже во времена королевы Марии и папства и других, — заявила миссис Мейпл. — Вы знаете, он ведь жил прямо в этом доме, он и те, кто были с ним, и в этой самой комнате. — И она неловко переступила с ноги на ногу.

— Кто был с ним? Вы хотите сказать, люди в этом доме? — с подозрением уточнил дядя Олдис.

— Только не говорите «люди», доктор, ради Бога! — последовал ответ.

— Я думаю, те, кого он привез с собой из Ир-

ландии. Нет, люди в доме были последними, кто узнал о его проделках. Но в городке-то, в отличие от семьи, знали, как приехал он ночью и что они были с ним, причем такие, что даже с мертвого дитяти содрали бы кожу, а человек с иссохшим сердцем становится отвратительным привидением — так мистер Симпкинс говорит. Но потом, как он рассказывал, они накинулись на него самого, и на двери церкви до сих пор видна царапина, где они его поймали. И это правда, потому что я заставила его показать мне ее. Вот что он рассказывает. Он был лордом с именем из Библии этого проклятого царя. И о чем только думали его крестные?

— Его звали Саул, — уточнил дядя Олдис.

— Правильно, Саул. Спасибо, доктор. Да, и разве не странно, что царь Саул, о котором мы читали, поднял из могилы привидение, которое спокойно там себе почивало, и что этот молодой лорд носил почему-то его имя? А дедушка мистера Симкинса как-то ночью видел из окна, как тот бродил со свечой от одной могилы к другой, а они следовали за ним по пятам, а однажды он подбежал прямо к окну старого мистера Симпкинса, которое на двор выходит, и прижался к стеклу лицом, чтобы проверить, не следит ли кто-нибудь за ним, но

старый мистер Симпкинс сел на пол прямо под окном и притаился, а потом, когда услышал, как мама уходит и трава шуршит, будто от тех, он выглянул — утро уже было, — а на траве следы и человеческие кости. Он, определенно, был жестоким ребенком, но в конце концов ему пришлось заплатить за это и тогда, и позже.

— Позже? — И дядя Олдис нахмурился.

— Да, доктор, и каждую ночь во времена старого мистера Симпкинса, и во времена его сына — отца мистера Симпкинса, — да, и во времена и нашего мистера Симпкинса тоже. Прямо к этому окну, особенно когда холодными вечерами у нас горит огонь, прижимается он лицом и протягивает руки, рот его открывается и закрывается, открывается и закрывается. И так это длится минуту или больше, а потом он опять исчезает в темном дворе. Но только откройте окно в такой момент… нет, они боятся, хотя им и жалко этого беднягу, который так измучился от холода, что постепенно превращался в ничто. Да, поверишь тут в те слова, которые дедушка мистера Симпкинса говорил нашему мистеру Симпкинсу: «Человек с сердцем иссохшим становится отвратительным привидением».

— Вот что я вам скажу, — внезапно произнес

дядя, причем так внезапно, что миссис Мейпл замолкла. — Спасибо. Уходите-ка вы все отсюда.

— Почему, дядя? — удивилась Мэри. — А как же шкаф, мы что, не будем его открывать?

Дядя Олдис покраснел, ей-богу покраснел.

— Дорогая моя, — сказал он, — можешь назвать меня трусом или восхищаться моим благоразумием, выбирай сама. Но ни этот шкаф, ни этот комод я открывать не собираюсь, и ключи от них я тоже не дам ни вам, ни кому другому. Миссис Мейпл, будьте так добры, вызовите кого-нибудь, кто отнес бы эту мебель на чердак.

— А когда вы сделаете это, миссис Мейпл, — добавила Мэри, которую, как мне показалось, дядино решение почему-то не разочаровало, а обрадовало, — я вам дам еще кое-что для отправки на чердак. Оно совсем маленькое.

И, по-моему, комнату эту мы покинули без сожаления. Распоряжение дяди Олдиса было выложено в тот же день.

— Таким образом, — заключает мистер Спиарман, — я подозреваю, что в Уитминстере есть своя комната Синей Бороды и чертик в коробочке, которые будут ожидать последующего обитателя резиденции старшего пребендария.

Дневник мистера Пойнтера

Здание, где одна старая и знаменитая лондонская фирма проводит книжные аукционы, является местом встречи великого множества коллекционеров, библиотекарей и книготорговцев, особенно в те дни, когда книги, предназначенные на продажу, выставляются для ознакомления. Именно в этом аукционном зале и начались события, о которых не так давно мне подробно поведал человек, в жизни которого они сыграли большую роль. Зовут его мистер Джеймс Дентон, магистр гуманитарных наук, член общества искусства и т. п., и т. п., когда-то работавший в колледже Тринити Холл, а позднее поселившийся в Рендкомб Мэнор графства Уорвик.

Весной прошлого года он приехал на несколько дней в Лондон по делу приобрести мебель для дома, который был как раз достроен в Рендкомбе.

Очень может быть, вы примете с разочарованием известие о том, что Рендкомб Мэнор — поместье новое, но… ничем не могу помочь. Прежде там, конечно, имелось старое сооружение, но ничего красивого или любопытного оно собой не представляло. Но, даже если бы и представляло,

ничто не смогло бы предотвратить разрушительный пожар, который за два года до начала моей истории сровнял этот дом с землей. Правда, хочу с радостью сообщить вам, что, во-первых, удалось спасти все самое ценное и, во-вторых, полностью получить страховку. Поэтому проблему постройки нового дома мистер Дентон воспринял довольно спокойно, к тому же и он, и его тетя, которая являлась единственным членом его menage[16], давно мечтали о более удобном помещении.

Оказавшись в Лондоне, да еще неподалеку от аукционного зала, о котором я вскользь упомянул, мистер Дентон подумал, что раз у него есть свободное время, то он может вполне потратить часок на поиски чего-нибудь по истории или топографии его местности в Уорвикшире среди выставленной на продажу части книжной коллекции Томаса, магистра социологии.

Поэтому он зашел внутрь, купил каталог и поднялся вверх в зал, где, как водится, книги либо стояли на полках, либо были разложены на длинных столах. Поприветствовав знакомых, он начал делать выписки из каталога.

---

[16] Сноски: 16
Семьи *(фр.)*.

Когда он ознакомился уже с двухсотпятидесятью лотами, для чего ему время от времени приходилось вставать и бегло просматривать тот или иной том, кто-то коснулся его плеча. Он поднял голову.

Это оказался интеллигентный человек с остроконечной бородкой, во фланелевой куртке, коими так изобиловала последняя четверть девятнадцатого века — во всяком случае, мне так кажется.

Пересказывать весь последующий разговор между этими двумя в мои планы не входит. Ограничусь лишь сообщением о том, что речь шла о разных общих знакомых — например, о племяннике собеседника мистера Дентона, который недавно женился и поселился в Челси; о сестре жены собеседника мистера Дентона, которая испытывала сильное недомогание, но уже выздоравливала; о фарфоре, который собеседник мистера Дентона приобрел несколько месяцев тому назад по цене, гораздо ниже истинной его стоимости. И вы, разумеется, окажетесь правы, придя к заключению, что сей разговор проходил в форме монолога. Однако, выговорившись, собеседник мистера Дентона вспомнил, что последний находится в этом месте по делу, и

поинтересовался:

— А что вы тут ищете? По-моему, тут ничего любопытного не имеется.

— Да. Я искал что-нибудь о Уорвикшире, но в каталоге на «Уорвик» ничего нет.

— Нет, это уж точно, — подтвердил его друг. — Но, кажется, я заметил какой-то уорвикширский дневник. Автор — то ли Дрэйтон… Поттер… Пейнтер… не помню, с П или с Д начинается. — И он быстро перелистал каталог. — Да, вот он. Пойнтер. Лот 486. Возможно, он вас заинтересует. Книги, по-моему, на столе. Вон… их как раз кто-то просматривает. Ладно, мне пора. До свидания… а вы не зайдете к нам? Может быть, сегодня? Мы собираемся часа в четыре помузицировать. Ну, хорошо, тогда в другой раз, когда будете в городе.

И он удалился. А мистер Дентон, бросив взгляд на часы, к своему ужасу, обнаружил, что у него осталось совсем мало времени. Но этого времени ему вполне хватило, чтобы выяснить, что дневник состоит из четырех книг, датируется 1710 годом и имеет огромное количество вкладышей различного вида. Предлагаемый залог в двадцать пять фунтов мистера Дентона вполне устраивал, и ему даже удалось внести его, так как в этот момент в зале появился его личный агент.

Тем же вечером он присоединился к своей тете в их временном месте обитания — во «вдовьем домике», находящемся не очень далеко от поместья. На следующее утро его обитатели возобновили длящиеся вот уже несколько недель споры об интерьере нового дома. Мистер Дентон представил своей родственнице отчет о результатах поездки в город. Речь, в частности, шла о коврах, стульях, гардеробах и фарфоре для спален.

— Замечательно, дорогой, — заключила тетя, — но я не вижу здесь мебельного ситца. Ты ходил к…?

Мистер Дентон ступил на пол (хотя куда он мог еще ступить?).

— О господи, — воскликнул он, — о нем я совсем позабыл. Прости меня, пожалуйста. Понимаешь, я как раз туда шел, но так случилось, что я проходил мимо Робинса.

Тетя всплеснула руками:

— Робинса! Теперь остается ждать посылку с очередными старыми отвратительными книгами, причем за непомерную цену. Я полагаю, Джеймс, что, раз я делаю за тебя все, ты бы мог постараться и запомнить хоть что-то, о чем я тебя прошу. Можно подумать, это нужно мне. Если ты считаешь, что я получаю от этого удовольствие,

ты сильно ошибаешься. Ты представить себе не можешь, сколько беспокойства и тревог мне это доставляет. Тебе же остается лишь одно — поехать в магазин и заказать необходимое.

Мистер Дентон издал стон раскаяния:

— Ах, тетя…

— Да, все это замечательно, дорогой, и мне вовсе не хочется говорить с тобой таким тоном, но ты обязан знать, как подобное раздражает, особенно когда покупка откладывается на неопределенный срок. Сегодня среда… завтра приедут Симпсоны, поэтому так вот уехать и бросить их ты не сможешь. А в субботу, как тебе известно, приедут твои друзья поиграть в теннис. Да, конечно, пригласил-то ты их сам, но приглашения писать пришлось мне, и не надо на меня, Джеймс, так смотреть, это просто смешно. Время от времени приходится соблюдать приличия — не медведи же мы, в конце концов. Так о чем я говорила? Следовательно, в город ты сможешь поехать лишь в следующий четверг, а пока мы не решим, что делать с ситцем, ничем другим мы заниматься не можем.

Мистер Дентон отважился сделать замечание, что вышеуказанное заключение чересчур скоропалительное, ведь можно заняться окраской и

обоями, но тетя с ним не согласилась. Дальнейшие его предложения тоже не возымели успеха. Однако позже в тот же день, изучив предоставленные ее племянником образцы и счета, она поумерила свой гнев и даже высказала одобрение его вкусу.

Что же касается его самого, то осознание невыполненного долга да еще предстоящий теннис, который представлялся ему неотвратимой бедой в августе, не то что в мае, сильно омрачали его настроение. Правда, в пятницу утром оно слегка улучшилось, так как он получил уведомление, что приобрел четыре тома рукописного дневника Пойнтера за 12 фунтов и 10 шиллингов. На следующее утро он получил и сам дневник.

В субботу утром ему пришлось катать на машине мистера и миссис Симпсон, а потом целый день посвятить приему соседей и гостей. Таким образом, посылку ему удалось распечатать лишь вечером, когда гости отправились спать. И только тут он действительно удостоверился в том, что прежде лишь только подозревал: он купил дневник мистера Уилльяма Пойнтера, эсквайра Акрингтона (в четырех милях от его собственного прихода), того самого Пойнтера, который одно время состоял членом оксфордского кружка ан-

тиквариев, где председателем был Томас Хеарн, который с Пойнтером поссорился навсегда, что являлось необычным эпизодом в карьере столь незаурядного человека.

Как и Хеарна, дневник Пойнтера помимо летописи ежедневных событий изобиловал цитатами из печатных изданий, описаниями монет и других старинных предметов, привлекших внимание автора и набросками писем. А в каталоге обо всем этом не было сказано ни слова, и ни одному исследователю даже в голову бы не пришло, какой огромный интерес представляют записи. И мистер Дентон раскрыл первую часть дневника и читал ее до поздней ночи.

В воскресенье утром вернувшаяся из церкви тетя вошла к нему в кабинет. И только она было собралась что-то сказать, как ее внимание привлекли лежащие на столе четыре томика в кожаных переплетах.

— Это что такое? — подозрительно вопросила она. — Кажется, новые? Ага! Это из-за них ты забыл о моем ситце? Так я и думала. Какая гадость. И сколько же ты за них заплатил? Больше десяти фунтов? Джеймс, это же просто грех. Что ж, если ты в состоянии швырять деньги на ветер, то почему бы тебе не сделать взнос — и хороший

взнос — в мою Лигу против вивисекции. Разумеется, это вовсе не обязательно, Джеймс, и я не очень обижусь… Кто, ты говоришь, их написал? Старый мистер Пойнтер из Акрингтона? Ну, собирать старые документы наших краев, конечно, интересно. Но десять фунтов!

И она взяла одну из книг — не ту, что читал племянник, — и раскрыла ее наугад. В следующее же мгновение, издав крик отвращения, она швырнула книгу на пол. Из книги выскочила уховертка. Удержавшись от ругани, мистер Дентон поднял дневник и сказал:

— Бедная книжка! Не слишком ли ты строга к мистеру Пойнтеру?

— Да, мой дорогой? Я прошу у него прощения, но ты же знаешь, как я не выношу эту мерзость. Я не повредила книгу?

— Нет, кажется, все в порядке, но ты только посмотри, где ты ее открыла.

— Боже мой, и правда! Как интересно. Отколика ее, Джеймс, я хочу посмотреть.

Она оказалась кусочком узорчатой материи, размером в четверть страницы, приколотым к бумаге старомодной булавкой. Джеймс отцепил его и протянул тете, а булавку аккуратно приколол обратно.

Я точно не знаю, какой именно была материя, но на ней был узор, который мисс Дентон привел в неописуемый восторг. Не переставая им восхищаться, она приложила ткань к стене, потом заставила Джеймса ее держать, а сама отошла полюбоваться ею на расстояние. Затем она внимательно разглядела узор и, покончив с его изучением, в самых теплых выражениях высказала свое отношение к вкусу старого мистера Пойнтера, которого осенила счастливая идея сохранить в своем дневнике сей образец.

— Необыкновенно красивый рисунок, — объявила она, — просто замечательный. Ты только глянь, Джеймс, как чудесно вьются линии. А эти узлы из лент в промежутках. И какой необыкновенный цветовой контраст. Хотела бы я знать…

— Я как раз собирался сказать, — почтительно прервал ее Джеймс, — хотел бы я знать, сколько будет стоить копирование этого узора для занавесок.

— Копирование? Каким образом ты собираешься его копировать, Джеймс?

— Вообще-то, точно я не знаю, но, по-моему, это печатный образец, и можно часть его перевести на штамп, деревянный или металлический.

— Да, Джеймс, ты — гений. А знаешь, я даже

рада, что ты… что ты забыл о ситце в среду. Во всяком случае, я все прощу и обо всем забуду, если ты сможешь скопировать это очаровательную вещицу. Ни у кого такого не будет, и запомни, Джеймс, продавать его мы не разрешим никому. Но мне надо идти. Совсем забыла, что я хотела тебе сказать. Ну, не важно, это подождет.

После тетиного ухода Джеймс Дентон несколько минут посвятил более внимательному осмотру образца — до сего момента ему даже секунды не представилось глянуть на него. И его крайне удивил столь сильный восторг мисс Дентон. Ему орнамент показался не очень примечательным и красивым. Но для занавесок он годился вполне: вертикальные полосы, которые, по всей вероятности, должны были сходиться в одной точке. Она также оказалась права, когда говорила, что эти полосы напоминают вьющиеся — почти завитые — локоны. Итак, теперь по торговым справочникам или каким другим необходимо найти фирму, которая сумеет воспроизвести столь старый орнамент.

Чтобы не затягивать повествование, сообщу, что несколько фирм вскоре было найдено, и мистер Дентон потратил день на их посещение, везде показывая свой образец.

Первые два визита удачи не принесли, но, как известно, везение приносят нечетные числа. И фирма в Бермондси, которая стояла в списке третьей, выполняла и эту работу. Ознакомившись с продукцией фирмы, мистер Дентон пришел к заключению, что работу подобного рода ей можно доверить. «Наш мистер Каттелл» к орнаменту проявил горячий интерес.

— Вы бы только знали, сэр, — сообщил он, — как тяжело перерисовывать и впрямь красивый средневековый орнамент, который можно найти в наших старых домах. На него почти никто не обращает внимания, и существует опасность, что рано или поздно от него не останется и следа. Что там по этому поводу говорит Шекспир… неважный пустяк. Да, я частенько повторяю, что у него на все найдутся слова. Я говорю, Шекспир, но уверен, что здесь не все согласятся со мной… я тут на днях расстроился: пришел джентльмен, тоже титулованный, и он сказал, что он там что-то пишет, а я выдал цитату о Геркулесе и раскрашенной завесе. Видели бы вы, какая буча поднялась. Но то, что принесли вы, действительно требует кропотливого труда. Что когда-то мог сделать один, как несколько недель назад я говорил другому уважаемому клиенту, может повторить и другой.

И если все пойдет как надо, то недели через три-четыре мы, я надеюсь, представим вашему суду доказательство нашего мастерства, сэр. Мистер Хиггинс, запишите, пожалуйста, адрес.

Таковым было главное направление рассуждений мистера Каттелла во время первой его встречи с мистером Дентоном. Месяц спустя мистер Дентон был уведомлен, что несколько штампов готовы на экспертизу, и он вновь встретился с мистером Каттеллом и остался очень доволен точностью, с которой был воспроизведен орнамент. Он был выполнен в соответствии с указаниями, о которых я упоминал выше: вертикальные полосы вверху соединялись. Но еще оставался вопрос о подборе краски, адекватной оригиналу, и у мистера Каттелла было несколько предложений, касающихся техники выполнения, но ими утомлять вас я не стану. У него также имелось свое мнение относительно широкого спроса сего образца; правда, выразил он его несколько туманно:

— Вы говорите, что хотите разрешить использовать штамп лишь в особых случаях, а именно своим друзьям, у которых будет ваше личное разрешение, сэр. Хорошо. Мне вполне понятно ваше желание сохранить на него исключительное

право — отдавать добычу ведь нежелательно? Как говорится, что принадлежит всем, не принадлежит никому.

— Вы считаете, что если он станет доступным, то понравится всем? — поинтересовался мистер Дентон.

— Не думаю, сэр, — ответил Каттелл, задумчиво теребя себя за бороду. — Не думаю. Не будет нравиться; человеку, который делал штамп, он не понравился, так ведь, мистер Хиггинс?

— Неужели работа оказалась такой трудной?

— Он был обязан ее сделать, сэр, только дело в том, что темперамент художника (а наши люди — все до одного художники, сэр, истинные художники, если подразумевать под этим словом то, что оно обычно значит) имеет склонность испытывать любовь или нелюбовь к чему бы там ни было, что другим может показаться странным. Так вот, в данном случае был пример как раз подобного отношения. Два или три раза я заходил к нему, чтобы посмотреть, как продвигается работа; ту терминологию, которую он употребляет в своей речи, я еще в состоянии понять, да он только так и разговаривает, но неприязнь к своей работе, что, по-моему, так просто каприз, я не мог постичь, да и сейчас не могу. Мне показалось, — и

мистер Каттелл прищурил глаза, — что художник ощутил в рисунке какое-то зло.

— Да ну? Он сам так сказал? Я-то ничего зловещего в нем не заметил.

— Я тоже, сэр. На самом деле я так ему и сказал. «Послушай, Гатуик, — сказал я, — в чем дело? В чем причина твоего предубеждения… а это явное предубеждение?» Но нет! Объяснения не последовало. И я был вынужден, как и сейчас, лишь пожать плечами, да и *cui bono*[17]. Тем не менее все готово, и нам снова придется обратиться к техническим сторонам вопроса.

Подбор цвета для фона, кромки и узлов на полосах потребовал долгого времени, потом оригинальный образец и новые штампы посылали то в одно место, то в другое. Дентоны тоже весь август и сентябрь провели за пределами поместья. Поэтому лишь в октябре они получили достаточное количество ткани для занавесок.

Когда в праздник Симона и Иуды тетя с племянником вернулись после недолгого пребывания у кого-то в гостях домой, все было готово. Восторгам не было конца. Новые занавески превосходно соответствовали обстановке. Когда мистер Ден-

---

[17] Сноски: 17
Кому это надо *(лат.)*.

тон переодевался к обеду и проверял наличие хранящегося в его комнате мебельного ситца, он не переставал восхвалять тот счастливый случай, который побудил его впервые в жизни забыть о тетином поручении, а затем вложил в его руки необыкновенное действенное средство исправить свой промах. За обедом он заметил, что рисунок навевает чувство покоя и в то же время совсем не скучный. А мисс Дентон, в комнате которой, между прочим, сей орнамент отсутствовал, была готова согласиться с ним.

На следующее утро за завтраком свое восхищение он слегка поумерил… правда, чуть-чуть.

— Об одном я жалею, — заметил он, — что мы позволили им соединить полосы наверху. Лучше было оставить их как есть.

— О? — вопросительно произнесла тетя.

— Да. Когда вчера вечером я читал в кровати, я увидел, что они слишком бросаются в глаза. Затем, я обнаружил, что без конца кидаю на них взгляд. Создавалось впечатление, что с занавесок кто-то смотрит, и я подумал, что это из-за того, что полосы вверху соединили. Еще мне мешал ветер.

— Но ведь ночь стояла тихая.

— Может быть, он дул только с моей стороны дома, но занавески колыхались и шуршали.

Вечером того же дня в гости к Джеймсу Дентону приехал его холостой друг. Его поместили в комнату на том же этаже, где спал и хозяин, но в конце длинного коридора, посередине которого, дабы оградить отдыхающих от сквозняка и постороннего шума, находилась дверь, обитая красной тканью.

И вот наступил момент, когда вся троица разошлась по спальням. Мисс Дентон рано отправилась спать, а мужчины — около одиннадцати. Джеймсу Дентону захотелось сначала почитать, и он устроился с книгой в кресле. Затем он задремал, а когда проснулся, то вспомнил, что забыл забрать с собой коричневого спаниеля, который имел обыкновение ночевать рядом с кроватью. Но когда он шевельнул свесившейся с кресла рукой, то пришел к выводу, что ошибся, потому что коснулся чего-то мохнатого. Тогда он протянул руку и стал гладить и ласкать нечто круглое. Но то, что он гладил, почему-то не походило на его пса, более того, собака не отозвалась на ласку, а продолжала сохранять абсолютное спокойствие, поэтому он повернул голову и бросил взгляд на пол.

И тогда тот, кто лежал на полу, поднялся. Это был человек. К креслу он, по всей вероятности,

подполз на животе. А вот лицо, которое лишь всего в нескольких дюймах возникло перед лицом Джеймса, разглядеть было невозможно — оно все целиком было покрыто волосами. И эта лохматая грива возбудила в Дентоне столь безумный ужас, что когда он стремглав бросился вон из комнаты, то услышал свой собственный крик.

И основания для панического бегства у него, бесспорно, имелись. От страха он совершенно забыл, что дверь в центре коридора следует открывать к себе. Вместо этого он со всей силой стал ее толкать. И в ту же секунду он почувствовал, как кто-то пытается вцепиться ему в спину. Прикосновения пальцев, а может, и не пальцев, а чего-то более страшного становились все осязаемее, словно приобретение ими материальной формы прямо зависело от силы ярости их обладателя. И тут Дентон наконец вспомнил, как открывается дверь, распахнул ее, захлопнул за собой и добежал до комнаты друга.

И это все, что нам пока следует знать.

Может показаться любопытным, что Джеймсу Дентону ни разу не пришел в голову вопрос: а почему этот образец оказался в дневнике Пойнтера? Но на самом деле он прочитал дневник от корки до корки и не нашел даже упоминания о

ткани. Но после пережитого ужаса, который я попытался облечь в слова, он твердо решил покинуть Рендкомб Мэнор прямо на следующий день (правда, он не знал, поможет ли это) и дневник взял с собой.

В своем домике у моря он более внимательно изучил ту часть, в который хранился образец. И в подозрениях своих оказался прав.

Два или три листа склеились, но заметить это было можно, лишь проглядев их на свет. Он подержал их над паром, страницы расклеились — клей оказался старым, — и именно там он и нашел необходимую запись.

Датировалась она 1707 годом.

Старый мистер Касбери из Акрингтона поведал мне сегодня о молодом сэре Эверарде Чарлетте, коий числился студентом без стипендии Университетского Колледжа и предположительно имел отношение к роду доктора Артура Чарлетта — нынешнего обладателя вашей коллекции. Сей Чарлетт был красивым молодым джентльменом, но атеистом, кутилой и выпивохой — так зовутся пьяницы, — он и по сю пору, как то мне известно, ведет себя столь же недостойно. Его частенько осуждали за порочащее его имя поведение, и если бы узнали обо всех его дебошах, то нельзя

сомневаться, что выгнали бы из вашего колледжа. И, по моему разумению, никто бы не сказал бы и слова в его защиту, что мистер Касбери и сам подозревал. Он был очень красив и ходил без парика, выставляя напоказ свои густые волосы, из-за которых, да еще из-за свойственного ему свободного образа жизни он получил кличку Авессалом. Да он и сам поговаривал, что укоротил жизнь старого Давида, подразумевая под таковыми словами своего отца, сэра Иова Чарлетта, уже старого и очень достойного господина.

Хочу заметить, что мистер Касбери сказал, что не помнит год смерти сэра Эверарда Чарлетта — это случилось то ли в 1692-м, то ли в 1693 году. Он умер совершенно неожиданно в октябре.

(Опускаю несколько строчек о его неприятных привычках и правонарушениях.)

Мистера Касбери смерть его сильно поразила, так как еще прошедшим вечером он видел его в прекрасном расположении духа. Его нашли в канаве, и ходят слухи, что волосы были содраны с его головы. Так как человеком он был знатным, в Оксфорде по нему звонили чуть ли не все колокола. Похоронили его вечером другого дня на кладбище Святого Петра. Но два года спустя преемник его решил перевезти гроб с телом в

поместье, и рассказывают, что гроб случайно раскололся и внутри оказалось полным-полно волос. Такое может показаться невероятным, но в различных печатных изданиях, например в «Истории Стаффордшира» доктора Пиота, можно найти упоминание о подобных прецедентах.

После его смерти в апартаментах его были содраны обои, и у мистера Касбери сохранился кусок от них. Говорят, что рисунок на этих обоях сей Чарлетт придумал сам специально в память о своих волосах. Художнику, который выполнял его заказ, он дал свой локон. И кусочек, который я здесь приколол, оторван от того куска, который дал мне мистер Касбери. Он считает, что в этом орнаменте скрывается какая-то хитрость, только сам он ее не разгадал, потому как желания разглядывать его он не возымел.

Деньги, потраченные на занавески, оказались пущенными на ветер.

Когда эту историю услышал мистер Каттелл, он прокомментировал ее цитатой из Шекспира. Какой именно, я думаю, что вы без труда догадаетесь сами. Она начинается:

Есть многое на свете…

Случай из истории собора

Как-то раз одному ученому джентльмену поручили составить отчет об архиве Саутминстерского собора. Изучение сих письменных источников требовало времени, поэтому ему показалось целесообразным устроиться в пансионе этого города. И хотя члены церковной общины были щедры на гостеприимство, мистер Лейк предпочитал ни от кого не зависеть, что было признано вполне резонным. И в конце концов декан в письменном виде предложил мистеру Лейку, если тот еще комнаты себе не нашел, связаться с мистером Уорби, главным церковным служителем, дом которого находился вблизи от церкви. Мистер Уорби был готов принять на три-четыре недели тихого постояльца. Такое разрешение вопроса вполне устраивало мистера Лейка. Стороны легко пришли к соглашению, и в начале декабря, подобно диккенсовскому мистеру Дэтчери (как Лейк заметил сам себе), будущий исследователь поселился в очень удобной комнате в старинном и «соборном» доме.

Человек, прекрасно знакомый с обычаями соборных церквей и пользующийся столь явным

расположением, в частности, декана и членов капитула, не мог не вызвать уважения у главного церковного служителя. Мистер Уорби согласился даже на некоторое изменение порядка вещей, которого он придерживался годами сам и заставлял придерживаться своих постояльцев. А мистер Лейк, в свою очередь, пришел к заключению, что церковный служитель — прекрасный сотоварищ, и не упускал возможности насладиться с ним беседой после трудового дня.

Однажды вечером, часов этак в девять, мистер Уорби постучал в дверь к своему постояльцу.

— Я как раз собираюсь идти в собор, мистер Лейк, — сообщил он, — а помнится, я обещал вам при первой возможности показать, как он выглядит ночью. Погода сейчас хорошая, теплая, так что, если вы хотите…

— Да, я пойду, мистер Уорби; крайне признателен, что не забыли о моей просьбе… вот только надену плащ.

— Вот ваш плащ, сэр, и вот фонарь: ночь стоит безлунная, а нам предстоит шагать по ступеням.

— И кто-нибудь решит, что видит Джаспера и Дёрдлса, вернувшихся в реальный мир, — заметил Лейк, когда они переходили через площадь. О том, что церковный служитель «Эдвина Друда»

читал, Лейку было уже известно.

— Очень может быть, — хмыкнул мистер Уорби, — правда, я сомневаюсь, что подобное сравнение можно посчитать комплиментом. Странные порядки в нашей церкви, сэр, как вы думаете? Каждый день в семь часов утренняя служба, да еще с хором. Ныне голоса у мальчишек не те, а некоторые, по-моему, даже собираются просить прибавку к жалованью, если капитул заставит и их работать… особенно альты.

Они подошли к юго-западному входу. Мистер Уорби стал отпирать дверь, и мистер Лейк спросил:

— А бывали случаи, когда кого-нибудь запирали по ошибке?

— Дважды. В первый раз пьяного моряка, и как он там только оказался?.. Наверное, заснул во время службы. Когда я его освободил, он так ругался, что крыша чуть не обвалилась. Боже! Как же он орал! Сказал, что в первый раз за десять лет посетил церковь, и поклялся, что ноги его больше тут не будет. Ну а в другой раз нашел внутри старую овцу — детишки забавлялись. Но ничего, больше они в такие игры не играли. Вот, смотрите, сэр, как у нас тут. Наш последний декан часто сюда посетителей приводил, только ему

нравились больше лунные ночи — он их стихами приукрашивал, о шотландском соборе, кажется. Но, по моему разумению, собор производит более сильное впечатление, когда совсем темно. Он становится шире и выше. Теперь, сэр, если не возражаете, подождите меня здесь, в нефе, а я поднимусь в хор: кое-что сделать надо. Вы потом поймете, что я имею в виду.

Лейк остался ждать. Прислонившись к колонне, он следил за подрагивающим лучом света. Тот сначала скользил по полу, потом стал подниматься вверх по ступенькам, ведущим в хор, и, наконец, уперся то ли в ограду, то ли в какой другой предмет мебели, и видны были лишь колонны да крыша. Через несколько минут Уорби появился у входа в хор и помахал Лейку фонарем, подзывая его к себе.

«Надеюсь, что это действительно Уорби, а не привидение», — подумал Лейк, проходя неф. Ничего плохого, как выяснилось, его не ожидало. Уорби показал ему бумаги, которые он извлек из кафедры декана, и поинтересовался, понравилась ли ему церковь в темноте. Лейк признал, что сие зрелище стоило того, чтобы его увидеть.

— Наверное, вы так привыкли ходить сюда по ночам, что вам уже и не страшно, — предполо-

жил он, когда они поднимались по ступенькам к алтарю, — но, если, например, книга упадет или дверь проскрипит, вы ведь вздрагиваете?

— Нет, мистер Лейк, внимание на шум я не обращаю, во всяком случае теперь. Я больше волнуюсь, не произошла утечка газа или не загорелась ли газовая духовка. Но много лет тому назад такое со мной бывало. Вы заметили ту обычную могильную плиту в алтаре… говорят, она пятнадцатого века, а вы как считаете? Если вы ее не видели, вернитесь, пожалуйста, и поглядите.

Плита располагалась в северной стороне хора в крайне необычном месте: почти в трех футах от каменной ограды. Как верно заметил церковный служитель, она была совершенно обычной, из простого камня. Единственным, что представляло интерес, был металлический крест на северной части плиты (ближайшей к ограде).

Лейк согласился, что плиту можно датировать не ранее периода перпендикулярного стиля.

— Только простите, — сказал он, — но ведь ничем достопримечательным она не отличается, если только в ней не покоится какая-нибудь известная личность.

— Да нет, эта могила не принадлежит кому-либо

из исторических деятелей, — чуть улыбнувшись, сообщил Уорби. — Кому ее установили, не знает никто. И все же если вы располагаете временем, мистер Лейк, то по пути домой я расскажу вам историю об этой плите. Сейчас свой рассказ я не стану начинать холодать, да и не бродить же нам тут всю ночь.

— Конечно-конечно, я очень хочу услышать вашу историю.

— Отлично, сэр, вы ее услышите. А теперь разрешите мне задать вам вопрос, — продолжал он, когда они шли через хор, — в нашем кратком путеводителе… да и не только в нем, но и в маленькой серийной брошюрке о соборах вы найдете утверждение, что эта часть здания была воздвигнута гораздо раньше, в двенадцатом веке. Я с радостью готов с этим согласиться, но… осторожнее, сэр… но не кажется ли вам, что каменная кладка в этой стене (и он постучал по ней ключом) напоминает саксонскую? Нет? Я так и думал и даже многим об этом говорил, вы уж поверьте… одному библиотекарю нашей Общедоступной библиотеки… и еще одному, он приезжал из Лондона по делу… да я раз пятьдесят об этом твердил, но таким же образом я мог бы разговаривать с этой каменной стеной. По-видимому, каждый

придерживается своего собственного мнения.

Обсуждение столь странной особенности человеческой натуры заняло почти все время по дороге к дому. Плачевное состояние огня в камине в кабинете мистера Лейка побудило мистера Уорби пригласить своего постояльца скоротать вечерок у него в комнате. И вскоре мы видим их, удобно устроившимися именно там.

Мистер Уорби рассказывал свою историю очень долго, поэтому я не стану пересказывать ее так, как это делал он. Выслушав ее, Лейк немедля все записал и добавил несколько абзацев от себя, которые verbatim[18] сложились у него в голове. Возможно, записи Лейка я тоже изложу в сокращенном варианте.

Как выяснилось, мистер Уорби появился на свет в 1828 году. Его отец, как и его дед, да как и впоследствии и он сам, работал при соборе. И дед, и отец сначала служили певчими в хоре, а потом выполняли обязанности каменщика и плотника в указанном порядке. Уорби же, несмотря на то что, как и он сам признавал, голосом не обладал, был отобран в хор, когда ему было десять лет.

В 1840 году на Саутминстерский собор нахлы-

---

[18] Сноски: 18
Словесно *(лат.)*.

нула волна неоготики.

— Было столько уничтожено красивых предметов, сэр, — со вздохом сказал Уорби. — Мой отец не поверил своим ушам, когда получил распоряжение расчистить хоры. Тогда пост декана занял новый человек — декан Бурскоу, — а мой отец служил мастеровым в городском союзе плотников, славящихся своим профессионализмом, и посему имел представление о том, каковой должна быть хорошая работа. И он считал жестоким уничтожать предметы из прекрасного дуба, таких же крепких, как и в тот день, когда их только сделали. А какая была резьба… гирлянды листвы, перемежающейся с фруктами. А позолота на обшивке сидений и органных труб… Все отправилось прямиком на склад на переработку. В целости остались только вот эти резные украшения да еще несколько в приделе Богоматери. Возможно, я и неправ, но считаю, что наш хор так и не стал столь же красивым, каким он был в те времена. Тем не менее мы узнали много нового об истории церкви, большая часть которой несомненно нуждалась в починке. Например, шпиль уже много зим как отсутствовал.

Мистер Лейк выразил согласие со взглядами Уорби на реставрацию, но подумал при этом, что

за сим обсуждением до конца истории они никогда не доберутся. И, очевидно, Уорби понял это.

И поспешил разуверить его:

— На эту тему я часами могу болтать, что при первой же возможности, кстати, и делаю. Но декан Бурскоу сильно увлекался неоготическим стилем и посему полагал, что все до мельчайшей детали должно соответствовать только ему. И вот, как-то утром после службы он попросил отца подняться в хор, куда, переодевшись в ризнице, и сам пришел. В руках он держал рулон бумаги, за ним по пятам следовал церковный служитель, который нес стол. Они расстелили бумагу на столе и, чтобы рулон не свернулся, положили по углам листа молитвенники. Отец, который помогал им, увидел на бумаге рисунок внутреннего интерьера церковного хора. И декан — он очень быстро всегда говорил — и говорит: «Ну, Уорби, как тебе это?»

«Видите ли, — отвечает отец, — к сожалению, мне незнакомо это место. Не Херефордский ли это собор, мистер декан?»

«Нет, Уорби, — произносит декан, — это Саутминстерский собор — только такой, каким мы надеемся его видеть через много лет».

«Ах, вот как, сэр», — говорит отец. И больше

он ничего не сказал — во всяком случае, декану, — но мне он рассказывал, что ему прямо-таки плохо стало, когда, оглядев хор, такой уютный и красивый, он бросил взгляд на эту противную холодную картинку — так он ее назвал, — нарисованную каким-то лондонским архитектором. Ну вот, снова я за свое. Но, если вы посмотрите, как все выглядело раньше, вы меня поймете.

И Уорби снял со стены гравюру в рамке.

— Короче говоря, декан протянул отцу копию распоряжения капитула расчистить целиком хор, подмести и подготовить для переделки, проект которой был создан в городе. И для разрушения хора надо было ему собрать поскорее рабочих. Вот, взгляните на эту картинку, сэр, видите, где стоит кафедра? Прошу обратить вас на это внимание.

Кафедра — огромное сооружение из дерева с куполообразным навесом — располагалась в северной стороне хора у восточного края сидений лицом к епископскому трону. Уорби объяснил, что во время перестройки проведение служб перенесли в неф, поэтому певчих не отпустили в вынужденный отпуск, а они очень надеялись на него. И органист даже навлек на себя подозрение в преднамеренном нанесении ущерба органу,

который за огромную плату был взят напрокат в Лондоне.

Работа по разрушению собора началась с уничтожения ограды перед алтарем и верхних хоров. Далее истребление двинулось по направлению на восток, при этом, как сказал Уорби, были обнаружены интересные образцы прежней архитектуры. На протяжении всей деятельности по сносу члены капитула, естественно, частенько захаживали в собор и бродили по хору, таким образом Уорби-старший, слыша их разговоры, быстро понял, что каноники, главным образом старшие, не согласны с навязываемой им новой политикой. Одни считали, что их ожидает смерть от простуды, так как им придется стоять на местах в приделах, ныне не защищенных от сквозняка оградами; другие не желали быть выставленными в хоровом нефе напоказ прихожанам, особенно во время чтения проповедей, которые они предпочитали слушать в непринужденных позах, которые могут быть неправильно истолкованы. Но больше всех возмущался старейшина церковных служителей. Он потребовал оставить кафедру на месте.

— Не прикасайтесь к ней, господин декан! — закричал он как-то утром, когда они оба стояли

около кафедры. — Вы даже не представляете, какое может случиться несчастье!

— Несчастье? Она же не являет собой никакой ценности, каноник.

— Прекратите называть меня каноником, — с раздражением ответил старик. — Вот уже тридцать лет меня зовут доктором Эйлоффом, и я буду крайне вам обязан, господин декан, если вы это запомните. А что касается кафедры (не важно, что я тридцать лет возношу с нее молитвы), я хочу сказать, что знаю — трогать ее нельзя.

— Какой смысл, мой дорогой доктор, сохранять ее, если вся остальная часть хора будет выдержана в ином стиле? Вы в состоянии привести иную причину, за исключением того, что она вам нравится?

— Причину! Причину! — заорал старый доктор Эйлофф. — Если бы вы, молодежь — как бы мне хотелось произносить это слово с уважением, — хоть чуть-чуть принимали во внимание причины, а не гадали, каковы они, дела бы шли куда удачнее. Но я сказал, что сказал.

И старый джентльмен, хромая, удалился из собора и, что абсолютно достоверно, никогда более в нем не показывался. И, несмотря на то, что лето стояло жаркое, все вдруг стали болеть.

Первым слег доктор Эйлофф — его стали мучить боли в груди, главным образом по ночам. С каждой службой количество певчих и мальчиков становилось все меньше.

Тем временем было покончено и с кафедрой. Причем навес с нее (часть которого до сих пор служит столом в летнем домике в епископском парке) был снят через час или два после выступления доктора Эйлоффа. Когда же убрали основание — надо сказать, с трудом, — изумленным глазам рабочих предстала алтарная гробница — та самая, которую Уорби показывал Лейку. Попытки выяснить, кто лежит в могиле, оказались бесплодными; и до сих пор имя покойного отсутствует на плите. В свое время гробницу поместили под кафедру, приложив все усилия, дабы не повредить на плите орнамент, и только на северном ее краю имелось небольшое повреждение — брешь между верхней и нижней сторонами плиты, длиной в два-три дюйма. Палмеру, каменщику, которому изредка поручалась работа в хоре, было отдано распоряжение починить плиту в недельный срок.

На протяжении всего этого времени люди чувствовали себя очень плохо. То ли потому, что когда-то церковь была возведена на месте высох-

шего болота, то ли по какой-либо иной причине жители, чьи дома находились рядом, не получали никакой радости от солнечных дней и тихих ночей августа и сентября.

Для некоторых стариков, среди которых, как выяснилось, был и доктор Эйлофф, это лето оказалось воистину роковым; да и из молодых мало кому удалось не заболеть: одни несколько недель провалялись в постели, совершенно простуженные, других же охватило чувство депрессии, сопровождаемое жуткими ночными кошмарами.

Постепенно возникло подозрение, которое переросло в убеждение, что во всем этом виновна перестройка собора.

Вдове одного бывшего священнослужителя, получавшей пенсию от капитула Саутминстера, стали сниться странные сны, о которых она и рассказала своим друзьям. Некое существо с наступлением темноты выскальзывало из дверцы южного придела и порхало по Соборной площади — причем каждую ночь в новом направлении, — проникая в разные дома, а как только небо начинало бледнеть, исчезало вновь. Разглядеть его она была не в состоянии, видела лишь, что оно двигается. И у нее возникло

впечатление, что когда оно возвращалось в церковь, чем обыкновенно и кончался ее сон, то поворачивало голову, и ей почему-то чудилось, что у существа красные глаза. Уорби слышал, как она рассказывала свой сон за чаем в доме приходского служащего. И он полагал, что этот сон предвещал скорую смерть; во всяком случае, в конце сентября старая дама покоилась уже на кладбище.

Реставрация знаменитой церкви вызвала интерес и в других краях. Этим же летом в город приехал некий довольно известный член Общества антиквариев. Он планировал составить для Общества отчет о находках, обнаруженных при перестройке здания. С ним приехала и жена, которая собиралась нарисовать иллюстрации к его отчету. Утром она сделала общий набросок хора, а днем занялась деталями. Первым делом она нарисовала алтарную гробницу, и когда рисунок был закончен, позвала мужа полюбоваться красивым ромбовидным орнаментом на ограде перед плитой. Эта ограда, как и плита, была совершенно скрыта от глаз кафедрой. Он, разумеется, заявил, что ему необходима копия этого орнамента, и она уселась на плиту и стала его перерисовывать, чем и занималась до самого вечера.

К этому времени муж ее покончил с обмерами и описаниями, и они решили возвращаться в гостиницу.

— Будь добр, отряхни мне юбку, Фрэнк, — сказала леди, — она наверняка вся в пыли.

Он послушно повиновался, но через секунду произнес:

— Знаешь, дорогая, если эта юбка тебе и дорога, то мне придется сообщить тебе, что ее лучшие дни миновали. Сзади не хватает огромного куска.

— Куска? Где? — спросила она.

— Где он, я не знаю, но часть нижнего края оторвана.

Она перевернула юбку и, к своему ужасу, обнаружила огромную дыру с зазубренными краями, будто кусок от юбки отодрала собака. Юбка, к ее досаде, была испорчена навсегда; мало того, отсутствующий кусок, как ни искали, так и не нашли. Порвать ее она могла где угодно — повсюду торчали гвозди. Поэтому они пришли к выводу, что именно таким образом и произошел несчастный случай с юбкой, а рабочие унесли ту доску, на которой остался кусок ткани.

Кажется, именно в эти дни, как предполагал Уорби, его собачка стала вести себя беспокойно. Происходило это в то время, когда ее должны

были запирать в сарай на заднем дворе. (Ибо мать Уорби не разрешила собаке спать в доме.) Однажды вечером, только он собрался вести ее в сарай, она посмотрела на него «как христианин и помахала рукой… я хотел сказать… ну, вы знаете, как они порой себя ведут, такие ласковые, кончилось все тем, что я спрятал ее у себя под пальто и отнес наверх… я очень боялся, ведь я обманывал свою бедную матушку. И эта хитрая псина тут же спряталась под кроватью и сидела там примерно с полчаса, пока не настало время ложиться спать, и мама так и не узнала, что мы натворили».

Как бы то ни было, Уорби был, конечно, рад компании, особенно когда в Саутминстере стали слышаться по ночам необычные звуки, которые до сих пор вспоминают как «рыдающие».

— Каждую ночь, — рассказывал Уорби, — собака давала знать, что кошмар приближается. Она выползала из-под кровати, забиралась в постель и, дрожа, прижималась ко мне. А когда раздавались рыдания, она прямо начинала сходить с ума — прятала голову мне под мышку, — да я и сам чувствовал себя не лучше. Мы слышали этот плач семь или восемь раз, не больше, а когда собака вытаскивала свою голову, я понимал, что теперь наступит тишина.

На что это было похоже, сэр? Не знаю, ни на что. Как-то раз я был на Соборной площади, и туда пришли два каноника и сказали друг другу «Доброе утро». «Как вы ночью спали?» — спрашивает один, мистер Хенслоу; другого звали мистер Лайел. «Плохо, — отвечает мистер Лайел, — как сказано у Исаии в главе 34, стихе 14, так казалось и мне!» — «А что там сказано?» — спросил мистер Хенслоу. «И вы называете себя знатоком Библии!» — возмутился мистер Хенслоу. (Мистер Хенслоу был одним из тех, кого кличут «сынами Симеона Богоприимца» — как и должно называть истинных евангелистов.) «Пойдите и посмотрите сами».

Мне тоже захотелось понять, что он имеет в виду, и я понесся домой и схватил Библию, и там было сказано: «Лешие будут перекликаться один с другим». И я подумал: а не их ли мы и слышим по ночам? И от этой мысли я даже пару раз обернулся через плечо. Я, само собой, еще до того спрашивал и отца, и мать, что это так кричит, но оба они ответили, что, по-видимому, кошки, но говорили они очень резким тоном и были явно встревожены. Честное слово! Ну и стон это был — такой голодный, будто кто-то звал кого-то, кто не придет. Словно он был настолько одинок,

что все ждал и ждал, кричал и кричал. Две или три ночи подряд мужчины даже дежурили в разных концах площади, но кончалось все тем, что все они собирались в одном углу, ближайшем к Хай-стрит, и ничего, разумеется, не видели.

А дальше произошло следующее. Мы с одним мальчиком — теперь он торгует зеленью, как прежде его отец, — как-то утром после службы поднялись в хор и услышали, как старик Палмер, каменщик, орет на своих людей. И мы подобрались поближе — он был такой злой старикашка, что можно было повеселиться. Выяснилось, что Палмер велел одному рабочему заделать щель в этой древней гробнице. И человек утверждал, что все сделал, а Палмер продолжал ругаться, будто все вокруг принадлежало ему.

«И это ты называешь работой? — возмущался он. — Если бы с тобой был заключен подряд, тебя бы за такое уволили. За что я, ты думаешь, тебе плачу? И что я должен буду сказать декану и капитулу, когда они сюда придут? А они могут заявиться в любое время и сразу заметят, как ты все испортил, залепив дыру грязью, цементом и еще Бог знает чем!»

«Хозяин, я сделал все как надо, — отвечает рабочий. — Понятия не имею, почему все отвалилось.

Я все тщательно утрамбовал, — говорит, — и как оно все вывалилось, — говорит, — я и не видел».

«Вывалилось? — спрашивает старик Палмер. — Тогда где же оно? Хочешь сказать, ветром унесло?» Тут он обнаружил кусок цемента, еще не высохшего, в трех-четырех дюймах от гробницы, рядом с оградой, и поднял его, я нашел еще один кусок.

Старик Палмер с интересом поглядел на него, потом повернулся ко мне и говорит: «Ребята, это вы тут играли?»

«Нет, — говорю, — я не играл, мистер Палмер; да мы только что пришли сюда».

Затем я стал разговаривать с другим мальчиком, Эвансом, и он заглянул в щель, и я услышал, как он тихо ахнул, резко от нее отпрянул, глянул на нас и говорит: «Там, кажется, что-то есть. Там что-то блестит».

«Что?! Вот что я вам скажу! — завопил старик Палмер. — У нас нет времени, чтобы с этим возиться. Давай-ка, Уилльям, иди за цементом и на этот раз сделай все по-настоящему, иначе ты меня узнаешь», — говорит.

Рабочий ушел, Палмер тоже, а мы остались, и спрашиваю я Эванса: «Ты и впрямь там что-то видел?»

«Да, — отвечает. — Правда».

Ну, я и предлагаю: «Давай запихаем туда чего-нибудь и пошевелим».

И мы попытались затолкать туда палку, но все они в щель не пролезали. А у Эванса с собой был лист с нотами — то ли псалома, то ли богослужения, не помню, — и он его скрутил и стал заталкивать внутрь. Он раза три его туда проталкивал, но без результата.

«Давай я попробую», — предложил я. Но снова ничего не вышло. И тогда, сам не знаю почему, я наклонился прямо к щели, сунул два пальца в рот и свистнул… ну, вы знаете, как это делать… и мне померещилось, что там что-то зашевелилось.

Ну, я и говорю Эвансу: «Пошли отсюда, — говорю, — не нравится мне все это».

«Проклятие, — он говорит, — дай-ка мне лист».

Взял его и снова туда затолкал. И тут он так побледнел, просто ужас.

«Знаешь, Уорби, — говорит, — его кто-то поймал, и он его держит».

«Тащи обратно или оставь, как есть, — говорю. — Давай пошли отсюда».

Он как дернет, лист выскочил. Вернее, то, что от него осталось. Кусок от него был оторван. Эванс как глянул на него, так и захрипел, потом швыр-

нул на землю, и мы оттуда давай улепетывать.

Когда мы выскочили наружу, Эванс меня спрашивает: «Ты видел конец листа?»

«Нет, — говорю, — видел, что лишь оторван».

«Да, — говорит, — он еще был мокрый и черный!»

Ну вот, то ли потому, что мы напугались, то ли потому, что дня через два ноты были нужны и нас ожидал нагоняй органиста, только мы никому ничего не сказали, а лист уборщики с остальным мусором, наверное, вымели. Но Эванс до сих пор настаивает, что в тот день бумага была мокрой и черной.

После этого происшествия мальчики старались не заходить в хор, поэтому Уорби не известно, чем закончилась реставрация гробницы. Из разговоров рабочих он узнал, что починить ее оказалось сложным делом и управляющему — а именно мистеру Палмеру — пришлось самому ей заняться. Позднее он случайно увидел, как мистер Палмер стучал в дверь к декану и швейцар его туда впустил. А еще через несколько дней он по какой-то фразе, произнесенной отцом, догадался, что на следующее утро в соборе после службы случилось нечто необычное.

«Лучше бы я сделал сегодня, — добавил отец. —

Не люблю ненужный риск».

«Папа, — спросил я, — ты что, завтра пойдешь в собор?»

Он посмотрел на меня как бешеный — таким я его еще никогда не видывал. Он всегда был таким добрым, мой бедный отец.

«Мальчик мой, — говорит он, — надеюсь, ты не подслушиваешь, о чем сплетничают старшие, — это не честно и не порядочно. А что я собираюсь или не собираюсь делать завтра в соборе, тебя не касается. И, если я вдруг увижу, что ты после работы болтаешься там, я надеру тебе уши и отправлю домой. Ты понял?»

Ну, я, конечно, попросил прощения и тут же отправился к Эвансу и изложил свой план. В углу трансепта была лестница, по которой можно было подняться в трифорий — дверь там всегда была открыта, а если и закрыта, то мы знали, что ключ от нее хранится под половиком. И мы придумали, что, как только покончим с музыкой и остальные мальчишки уберутся, проскользнем вверх по лестнице в трифорий и оттуда все и увидим.

Ночью, когда я спал так крепко, как только мальчишки могут спать, меня вдруг разбудила собака. Она залезла ко мне в кровать, и я сразу

понял, что сейчас все начнется снова, потому что она была очень перепугана. Через пять минут раздался плач.

Не могу передать вам словами, на что он походил. И еще он был совсем близко… ближе, чем раньше, и что странно, мистер Лейк… вы ведь знаете, какое эхо на площади, особенно, когда стоишь в стороне. Так вот, от плача никакого эха не было. Но, как я уже говорил, в ту ночь он раздавался почти рядом, и я сильно испугался, а потом я испугался еще сильнее, потому что услышал, как в коридоре что-то шуршит. От страха я чуть не умер, но тут собака приподняла голову, и снаружи кто-то зашептал, и тогда я громко рассмеялся, потому что понял, что это папа с мамой, которых тоже разбудил шум.

«Что бы это могло быть?» — спрашивает мама.

«Тихо! Понятия не имею, — отвечает отец обеспокоенным голосом, — не разбуди ребенка. Надеюсь, он ничего не слышал».

Зная, что они рядом, я осмелел и, выскочив из кровати, бросился к своему окошку — оно выходило на площадь, — но собака моя еще глубже забилась в постель, а я выглянул наружу. Сначала я ничего не видел.

А потом прямо в тени от контрфорса я заме-

тил два красных пятна — тусклых, — и это не походило ни на лампу, ни на огонь, они просто выделялись на фоне темноты.

И только я их заметил, как в окне в доме слева засветился огонек, и он стал двигаться — кого-то тоже разбудил плач. Я посмотрел туда, а когда перевел взгляд обратно, красные точки исчезли и, сколько я не вглядывался в темноту, больше не появились.

И в это мгновение меня снова охватил ужас: кто-то прижался к моей голой ноге. Но это была собака, она вылезла из кровати и, высунув язык, радостно скакала вокруг и вставала на задние лапы. Когда я увидел, какая она веселая, я тут же взял ее на руки, и мы улеглись спать.

Утром я признался маме, что собака ночует у меня в комнате. К моему полному изумлению, она спокойно восприняла мое сообщение.

«Вот как? — говорит. — Вообще-то, по справедливости тебя следует оставить без завтрака, раз ты сделал такое без разрешения, но мне кажется, ничего страшного в этом нет. Но в следующий раз спрашивай у меня разрешение, понятно?»

Чуть попозже я сказал отцу, что снова слышал кошек.

«Кошек? — говорит, и бросил взгляд на бедную

маму, она закашляла, и он говорит: — Ах да, кошек. Я тоже их, кажется, слышал».

Это утро вообще было каким-то странным: не удавалось ровным счетом ничего. Органист заболел, а младший каноник забыл, что идет 19-й день, и подумал, что должно быть Venite[19], и через некоторое время заиграл вечерню в миноре. И поющие деканской стороны хора стали так смеяться, что не могли петь.

А когда дошли до псалма, солист никак не мог сдержать смех и сделал вид, что у него кровь идет из носа, и взял и сунул книгу мне, а я стихов на изусть не знал, а даже если бы и знал, то все равно не смог бы спеть. Да, пятьдесят лет назад дисциплина была строгая… альт, стоящий сзади, так меня ущипнул, что я это до сих пор помню.

Тем не менее как-то мы спели, но никому из хористов не захотелось ждать, когда присутствующий каноник — мистер Хенслоу — поднимется в ризницу, но я думаю, он не стал бы этого делать — ему было прекрасно известно, что впервые в жизни он прочитал не ту проповедь. Во всяком случае, нам с Эвансом без труда удалось пролезть по лестнице наверх, а там мы легли на

---

[19] Сноски: 19
«Приидете, поклонимся» *(лат.).*

живот и осторожно высунули головы прямо над древней гробницей. И только мы устроились, сторож закрыл сначала железные парадные двери, потом юго-восточный выход, а затем дверь в неф. Тут-то мы и поняли, что что-то происходит и посторонних внутрь не пускают.

Дальше из северного прохода вышли декан и каноник. Потом я увидел отца, старика Палмера и парочку самых лучших рабочих. Палмер разговаривал с деканом посередине хора. В руке у него был моток веревки, рабочие были с ломами. Все они явно нервничали. Вот поговорили они, и, наконец, декан говорит: «Ладно, хватит тянуть время, Палмер. Если вы полагаете, что население Саутминстера это успокоит, я согласен, но хочу вам доложить, что никогда в жизни я не слыхивал более идиотской чуши, причем от вас, человека, которого считал столь далеким от всякого рода выдумок. Вы согласны со мной, Хенслоу?»

Насколько я понял, мистер Хенслоу ответил что-то вроде: «Разве не говорят, мистер декан, не судите?..»

Декан фыркнул и двинулся прямиком к гробнице. Там он остановился, прислонившись спиной к ограде. Остальные стали осторожно подходить поближе. Хенслоу, который встал у южной сто-

роны, почесал подбородок. Потом декан снова заговорил: «Палмер, — говорит, — как вам легче: снять верхнюю плиту или разбить боковую сторону?»

Старик Палмер со своими людьми некоторое время походили вокруг могилы, поглядывая на плиту и простукивая ее со всех сторон, кроме северной.

Хенслоу пробормотал, что можно попытаться с южной стороны — там вроде светлее да и места побольше. И тут мой отец, который все это время лишь наблюдал за ними, подошел прямиком к северной стороне, встал на колени и начал ощупывать плиту вокруг щели. Потом он встал, отряхнул пыль с коленей и говорит декану: «Прошу прощения, мистер декан, но мне кажется, что будет легче, если мистер Палмер попробует начать с этой щели. По-моему, можно засунуть в нее лом и приподнять плиту».

«Благодарю, Уорби, — говорит декан, — отличная мысль. Палмер, прикажи кому-нибудь это сделать, пожалуйста».

И рабочие окружили плиту, сунули в трещину лом и надавили. В ту же минуту, когда все они стояли, наклонившись над плитой, а мы лежали на трифориуме, глядя вниз, на восточном конце

хора раздался сильный грохот, будто сверху свалилось огромное бревно. Только не ждите, что я в состоянии рассказать вам, что происходило в церкви дальше. Естественно, началась жуткая суматоха. Я услышал, как отлетела плита, лом со звоном покатился по полу, а декан закричал: «О господи!»

Когда я снова глянул вниз, декан стоял на коленях, рабочие разбегались в разные стороны, Хенслоу помогал декану подняться, Палмер пытался остановить своих людей (так он утверждал впоследствии), а мой отец сидел на алтарной ступеньке, закрыв лицо руками. Декан сильно разозлился.

«Послушайте, Хенслоу, я вас очень прошу, смотрите впредь, куда идете, — говорит он. — И почему все пустились наутек, когда всего лишь упало бревно? Не понимаю».

Хенслоу все мямлил, что он был у другой стороны гробницы, но декана его ответ не удовлетворил.

Затем вернулся Палмер и сообщил, что непонятно, откуда раздался такой шум, так как вроде бы ничего не упало. Когда декан перестал себя ощупывать, они все, кроме моего отца — он все так же продолжал сидеть, где сидел, — собрались

в кружок и кто-то зажег свечу, и они заглянули в могилу.

«Нет там ничего, — говорит декан, — что я и говорил! Стойте! Там что-то лежит. И что это? Нотный лист… кусок тряпки… кажется, от платья. Оба современные, никакого интереса не представляют. В следующий раз, я надеюсь, вы обратите внимание на советы образованного человека».

Ну, и что-то вроде этого. И пошел, прихрамывая, прочь к северному выходу, только по дороге закричал на Палмера, почему тот оставил дверь открытой. Палмер ответил: «Простите, сэр» — и пожал плечами, а Хенслоу говорит: «По-моему, мистер декан ошибается. Я сам закрыл за собой дверь. Правда, он так расстроен».

Затем Палмер говорит: «А где Уорби?», тут они увидели, что отец сидит на ступеньке, и подошли к нему. Он уже пришел в себя и утирал пот со лба. Палмер помог ему подняться, что меня очень обрадовало.

Я не слышал, о чем они говорили: было слишком далеко. Но мой отец указал на северный вход в неф, а Палмер с Хенслоу оба выглядели очень удивленными и испуганными. Вскоре отец с Хенслоу ушли, а остальные стали поспешно

класть плиту обратно и замазывать ее цементом. И, когда часы пробили двенадцать, собор открыли вновь, и мы побежали домой.

Мне очень хотелось узнать, отчего мой бедный отец так сильно расстроился. Когда я пришел домой, он сидел на стуле и держал бокал со спиртным, а мама с тревогой смотрела на него. Я не выдержал и выложил, где я был. Но он не рассердился.

«Так ты там был? А ты видел это?»

«Я все видел, папа, — сообщил я. — Только не понял, откуда раздался этот шум».

«Ты не видел, что сбило декана с ног? — говорит он. — Что вылезло из могилы? Нет? Слава Богу».

«А что там было, папа?» — спросил я.

«Да ну, ты должен был это видеть, — говорит. — Разве не видел? Вроде как человек, только весь в волосах и с двумя огромными глазами?»

Тогда он мне больше ничего не рассказал, а позже отказывался отвечать на все расспросы — по-моему, ему было стыдно, что он так сильно тогда испугался. А когда я стал взрослым, он часто вспоминал эту историю и вечно повторял одно и то же: «Он был черный, весь в волосах, с двумя ногами, а в глазах его горел огонь».

Вот вам рассказ об этой гробнице, мистер Лейк.

Посетителям мы его не рассказываем. И я буду вам очень обязан, если вы тоже станете молчать до тех пор, пока я не умру. Я думаю, что Эванс, если вы его спросите, согласится со мной».

Вот такой вот произошел случай. Но прошло уже двадцать лет, и над Уорби, и над Эвансом растет трава, поэтому мистер Лейк с легкостью передал свои записи, датируемые 1890 годом, мне. Он добавил к ним набросок гробницы и копию надписи на металлическом кресте, который был установлен за счет доктора Лайелла в центре северной стороны. Она заимствована из Вульгаты, Исаия 14, и состоит всего из трех слов:

Іві Cubavit Lamia[20]

[20] Сноски: 20
Здесь покоится ламия *(лат.)*. Ламия — привидение-вампир.

История об исчезновении и возникновении

Письма, которые я публикую, были недавно присланы мне человеком, которому известен мой интерес к рассказам о сверхъестественном. В достоверности их сомневаться не приходится. И бумага, и чернила, да и внешний их вид целиком свидетельствуют о том, что дата, приведенная в них, абсолютно верна. Единственное, что невозможно по ним установить, это личность адресанта. Он подписывается лишь инициалами, и, так как конверты от писем не сохранились, неизвестной остается фамилия и адресата, который, по всей видимости, являлся женатым братом автора писем. Другие предварительные объяснения, я думаю, необязательны. К счастью, все становится ясным сразу из первого письма.

Письмо I

Грейт Крисхолл. 22 декабря 1837

Дорогой мой Роберт!
С огромным сожалением из-за того, что упус-

каю возможность весело провести время, и по причине, узнав которую ты станешь переживать вместе со мной, пишу тебе, дабы сообщить, что вынужден отказаться составить тебе компанию на Рождество; но ты согласишься со мной, что я обязан так поступить, когда узнаешь, что несколько часов назад я получил извещение от миссис Хант из Б. о том, что наш дядя Генри внезапно и загадочным образом исчез, посему она умоляет меня немедленно прибыть туда и присоединится к поискам. Несмотря на то что я, да думаю, и ты видели его крайне редко, полагаю, что к подобной просьбе нельзя отнестись легкомысленно. Таким образом, я собираюсь ехать в Б. первым же почтовым поездом.

К вечеру я буду уже на месте. В доме приходского священника я не хочу останавливаться, поэтому пиши мне на адрес гостиницы «Королевская голова». Прилагаю чек на небольшую сумму, которую потрать, пожалуйста, на подарки своим детям. Буду писать тебе каждый день (если мне придется пробыть здесь долго), и не сомневайся, что, как только все прояснится, я тут же приеду к вам. В распоряжении у меня осталось лишь несколько минут.

Сердечно поздравляю вас всех, крайне сожалею, поверь, твой любящий брат,

У. Р.

Письмо II

«Королевская голова». 23 декабря 1837

Дорогой мой Роберт!

Первое, что хочу сообщить тебе, что новостей о дяде Г. до сих пор нет, и посему тебе, кажется, придется отказаться от мысли — не стану говорить от надежды, — что я все-таки появлюсь на Рождество, тем не менее я буду думать о тебе, и прими мои наилучшие пожелания в этот воистину праздничный день. Проследи за тем, чтобы мои племянники и племянницы не истратили ни единой гинеи, отложенной на подарок мне.

С той поры как я здесь нахожусь, я не перестаю винить себя в том, что воспринял историю с дядей Г. несерьезно. Из разговоров местных жителей я пришел к выводу, что надежда на то, что он еще жив, ничтожно мала, но злой ли чей умысел заставил его покинуть нас или Божье провидение, мне не известно. Привожу тебе факты.

В пятницу, 19-го, он, как обычно, около пяти ча-

сов пошел в церковь служить вечерний молебен, после службы секретарь передал ему записку, в которой к нему обращались с просьбой навестить больного, который жил далеко, в двух милях отсюда. Побывав у больного, он отправился в обратный путь около половины седьмого. Больше его никто не видел.

Местные жители сильно переживают — он ведь, как тебе известно, много лет прожил здесь, и хотя, что тоже тебе известно, добрым нравом не отличался и обладал несколько придирчивым характером, много всем помогал и не щадил себя.

Бедняжка миссис Хант, работавшая у него экономкой с тех пор, как покинула Удли, находится в крайне расстроенных чувствах. Такое впечатление, что для нее настал конец света. Я рад, что не принял предложения поселиться у священника и отказался от действительно искренних предложений других местных обитателей — таким образом, я ни от кого не завишу, к тому же здесь мне вполне удобно.

Тебе, разумеется, хочется знать, что было предпринято, дабы найти дядю.

Во-первых, чего и следовало ожидать, расспросы в дядюшкином доме ни к чему не привели; короче говоря, выяснить ничего не удалось. Мис-

сис Ханг я спросил — как до меня то уже делали другие, — не предвещало ли что-нибудь в поведении ее хозяина, что его ожидает внезапный удар, приступ или болезнь, или же, может быть, он сам догадывался, что болен. Но и она, и его лечащий врач отвергли мои предположения. Он чувствовал себя как обычно.

Во-вторых, естественно, все пруды и озера были прочищены, и все поля в округе, которые он проходил в последнее время, тоже были осмотрены, но все безрезультатно. Сам же я имел беседу с приходским служкой и, что более важно, побывал в том доме, в котором его видели в последний раз.

Эти люди никаких подозрений не вызывают. Один болен и лежит в постели, а жена и дети сами, конечно, не в состоянии совершить преступление. И подозревать их в том, что они заманили бедного дядю Г. в ловушку, дабы напасть на него, когда он будет возвращаться, тоже глупо.

Они уже отвечали другим о том, что им известно, но женщина согласилась мне снова все рассказать. Священник выглядел как обычно, у больного задерживаться не стал. «Мой-то не относится к тем людям, — сказала она, — что готовы долго читать молитвы, но если бы все мы здесь молиться умели, то на что бы прожили то,

что в церкви служат?» Уходя, он оставил немного денег, а один из детей видел, как он поднимался по ступенькам через изгородь, ведущим на следующее поле. Одет он был, как всегда: с белыми полосками у воротника, — он, наверное, последний из священников, кто еще их надевал, во всяком случае, в этих местах.

Как видишь, я пишу подробно. Дело все в том, что мне совершенно нечем заняться — работу с собой я не взял, — но зато голова у меня совершенно ясная, и, возможно, мне на ум придет нечто, чего не учли остальные. Поэтому я буду продолжать писать тебе так же подробно и пересказывать даже разговоры. Ты можешь читать мои письма, а можешь и не читать, как тебе будет угодно, об одном тебя прошу — сохрани их. У меня есть еще одна причина писать тебе столь обстоятельно, но она не так уж важна.

У тебя может возникнуть вопрос, обыскал ли я сам поля близ того дома. Кое-что — причем, многое — было уже сделано другими, как я писал выше; но завтра я собираюсь сам побродить по округе. Сейчас поставили в известность Боу-стрит, ответ придет оттуда вечером, но я не думаю, что там станут тратить много времени на поиски. Снега нет, что могло бы нам помочь.

Поля покрыты травой.

Сегодня я был qui vive[21] сам предпринять розыски, но на обратном пути поднялся туман, и я оказался не готов гулять по незнакомым пастбищам, тем более в темноте, когда кусты походят на людей, а мычание коровы в отдалении можно принять за трубный глас.

И поверь мне, если бы из-под деревьев, окаймляющих тропинку, вышел бы сам дядя Генри, держа под мышкой свою голову, я бы не чувствовал себя столь неуютно. Должен признаться, что нечто подобного я и ожидал. Прости, но придется отложить перо в сторону — пришел мистер Лукас, викарий.

Позже. Побыв у меня некоторое время, мистер Лукас удалился, но, помимо вежливого выражения сочувствия, я ничего от него не услышал. Я понял, что он оставил мысль о том, что дядя до сих пор жив, и об этом он, насколько возможно, искренно сожалеет. Также мне очень понятно то, что даже у более чувствительного человека, чем мистер Лукас, дядя Генри не вызывал сильной симпатии.

Кроме мистера Лукаса меня посетил еще один

---

[21] Сноски: 21
Полон энергии *(фр.)*.

гость — будто мой Бонифаций, — хозяин гостиницы «Королевская голова». Он пришел узнать, прекрасно ли я устроился. Дабы описать его должным образом, необходимо обладать пером Боза[22]. Весь он был преисполнен важности, а лицо его выражало печаль.

— Что ж, сэр, — произнес он, — как говаривала моя бедная жена, все мы должны склонить свои головы перед ударами судьбы. Как я догадываюсь, ни клочка кожи, ни даже волоска от нашего уважаемого священ нослужителя так и не нашлось, хотя волосатым человеком, как сформулировано в Священном Писании, его нельзя было назвать.

Я ответил как можно вежливее, что согласен с ним, но не удержался и добавил, что до меня дошли слухи, что с ним было непросто иметь дело. Мистер Бауман минуту пристально созерцал меня, а потом в одно мгновение от трагической интонации перешел к пылкой декламации.

— Стоит мне только подумать, — воскликнул он, — какие выражения употреблял этот человек, и прямо тут, в моей собственной гостинице, бросив мне обвинение. А речь шла о какой-то бочке с пивом, а такое, как объяснял я ему, вполне может

---

[22] Сноски: 22
Чарльза Диккенса. — *Примеч. редактора.*

произойти с человеком, обремененном семейством… тем паче как впоследствии выяснилось, он заблуждался, и сие мне было известно, но я был не в состоянии и слова вымолвить — так глубоко потрясли меня его слова.

Внезапно он замолчал, и в глазах его появилась нерешительность Тогда сказал я:

— Боже ж ты мой, мне очень жаль, что у вас возникли разногласия. Полагаю, прихожанам сильно недостает моего дяди?

Мистер Бауман сделал глубокий вздох.

— Ах да! — выговорил он. — Ваш дядя! Надеюсь, вы поймете меня правильно, когда я сообщу вам, что на мгновение мне отказала память — я забыл, что он ваш родственник. И, естественно, я обязан сказать вам, что убеждение в том, что вы на него походите, крайне нелепо. И все же если бы я так считал, то вы бы первый, уверяю вас, ощутили, что уста мои воздерживаются или, вернее, не воздерживаются доложить о моих соображениях вслух.

Я заверил его, что понимаю его, и хотел задать ему несколько вопросов, но тут его позвали по делу. Кстати, только не бери в голову, что он якобы боится расспросов об исчезновении бедного дяди Генри, хотя, без сомнения, когда пробьет ночная

стража, ему придет на ум, что я так думаю, а значит, завтра последуют разъяснения.

Пора заканчивать, а то почта уйдет.

Письмо III

27 декабря 1837.

Мой дорогой Роберт!

Тебе может показаться странным, что в день Рождества я пишу такое письмо, тем не менее ничего особенного я тебе не сообщу. А может, и сообщу… суди сам. По крайней мере, ничего определенного. Из Боу-стрит сообщили, что ничего там не известно. Столько времени прошло, да погода стоит плохая, поэтому какие-либо следы искать бессмысленно, о мертвом же — боюсь, остается употреблять лишь это слово — никто ничего не слыхал.

Как я и предсказывал, мистер Бауман чувствовал себя сегодня неловко, рано утром я слышал, как он, четко выговаривая слова — по-моему, специально, — разглагольствовал в баре с полицейскими из Боу-стрит на тему того, какую утрату претерпел город в лице их проповедника, вследствие чего необходимо перевернуть каждый

камень (это он произнес очень громко) в целях доискаться истины. У меня возникло подозрение, что на такого рода сборищах он пользуется славой оратора.

Когда я сел завтракать, он явился мне прислуживать и, протягивая булочку, воспользовался предлогом, чтобы тихим голосом произнести:

— Надеюсь, сэр, вы согласитесь, что из-за моих отношений с вашим родственником во мне не возник намек на желание того, что бы я назвал схваткой… Ступай, Элиза, я прослежу, чтобы джентльмен получил все, что потребуется, из моих собственных рук… прощу прощения, сэр, но вам должно быть прекрасно известно, что человек не всегда является хозяином самому себе. И когда сей человек в высшей степени потрясен употреблением выражений, которые — я все же скажу это — употреблять грешно (голос его становился все выше, а лицо все красное), нет, сэр, и, если вы позволите, я бы хотел в нескольких словах объяснить вам истинный смысл яблока раздора. Эта бочка… правдивее сказать, бочонок… пива…

Я понял, что пора его останавливать, и заметил, что это вряд ли поможет нам найти дядю. Мистер Бауман неохотно согласился и продолжал уже

спокойнее:

— Хорошо, сэр, я подчиняюсь вашему требованию: так или иначе разрешению нынешнего вопроса оно не способствует. Только я хотел бы, чтобы вы знали, что я всегда готов, как и вы сами, приложить все усилия, дабы выполнить дело, стоящее перед нами, и, как я уже имел возможность доложить полицейским всего три четверти часа назад, перевернуть каждый камень, чтобы найти хоть какой-нибудь просвет в столь болезненном деле.

И в самом деле, мистер Бауман принял участие в наших розысках, но, хотя я не сомневаюсь, что он искренне желал быть полезным, помощь его оказалась несерьезной. Как выяснилось, он находился под впечатлением, что, прочесывая поля вдоль и поперек, мы несомненно встретим либо самого дядю Генри, либо того, кто ответствен в его исчезновении. Поэтому он постоянно прикрывал глаза рукой, вглядываясь в даль, и привлекал наше внимание, указывая палкой на стада и тружеников. Он вел длительные беседы со всеми встречными старухами, причем строгим и суровым голосом, но каждый раз возвращался к нашей поисковой партии со словами:

— Я выяснил, что к нашему печальному делу

она не имеет никакого отношения. Можете поверить мне, сэр, что вряд ли в этом месте есть кто-то, кто может пролить хоть малый свет на событие, если только она не скрывает что-либо предумышленно.

Ощутимых результатов, как я уже сообщал тебе в начале письма, наш поход не принес. Люди из Боу-стрит уехали то ли в Лондон, то ли еще куда — не знаю.

Вечером мне составил компанию коробейник, расторопный малый. Ему было известно, что происходит, но несмотря на то, что он проводит время на дорогах, он не мог сообщить о подозрительных встречах с бродягами, странствующими моряками или цыганами. Он был полон впечатлений от столичного кукольного театра, который он видел в тот же день в У., и спросил меня, был ли уже этот театр в нашем городе, после чего посоветовал обязательно посмотреть его, если он сюда приедет. Лучшего Панча и лучшей ученой собаки Тоби он не видывал. Как тебе известно, собаки Тоби — последнее нововведение в кукольных театрах. Я видел лишь одну такую, но скоро они появятся везде.

Теперь у тебя, наверное, возникнет вопрос: а зачем я тебе об этом рассказываю?

Мне приходится делать это, так как кукольный театр имеет отношение к следующей абсурдной истории — ничтожной, как ты наверняка скажешь, — которую я, будучи в тревожном состоянии (другой причины этому нет), просто обязан поверить бумаге. А рассказать я хочу о сне, и должен признаться, что более странного сна я в жизни своей не видал. Вероятно, он приснился мне под влиянием россказней коробейника и исчезновения дяди Генри, кто знает? Повторяю, суди сам, я же для этого не в достаточной степени спокоен и беспристрастен.

Начался он с того, что передо мной раздвинулся занавес… я где-то сидел, то ли внутри, то ли снаружи. Рядом сидели люди, но их было немного, все незнакомые, да я и не обращал на них внимания. Насколько я помню, они так и не произнесли ни слова, помню только их устремленные прямо перед собой лица, мрачные и бледные. Передо мной был кукольный театр: кажется, размером больше, чем обычно, основание которого было красно-желтого цвета с нарисованными на нем черными фигурами. Меня охватило напряжение — я ждал, когда раздастся звук свирели и тартарарам. Вместо этого совершенно неожиданно громогласно — другого слова придумать я не в

состоянии — прозвучал погребальный колокол, причем единственный раз. Откуда доносился его звук, я не понял, но издалека: наверное, сзади. Маленький занавес взвился вверх, и представление началось.

Вероятно, кто-либо когда-нибудь и пытался сочинить пьесу, где Панч — серьезный трагический герой, но кем бы он ни был, этот спектакль пришелся бы ему по вкусу. Герой обладал до некоторой степени дьявольским характером. Свои методы обольщения он разнообразил. Одних своих жертв он поджидал лежа, и его кошмарное лицо — желтовато-бледное, — выглядывающее из-за кулис, побудило меня вспомнить Вампира из отвратительного скетча Фьюзели. С другими он был вежлив и льстив… особенно с несчастным иностранцем, который был в состоянии произнести одно «Шалабала…», хотя текст Панча я тоже не разобрал. Но убийство каждого из них заставляло меня содрогаться от страха. Когда палка ударялась об их головы, что прежде меня очень смешило, раздавался такой треск, словно череп раскалывался, а жертвы затем, упав на землю, долго подергивались. Ребенок… это покажется совершенно неправдоподобным… был живым, я в этом уверен. Панч свернул ему шею, и, если

последовавший за этим хрип или взвизг были ненастоящими, тогда я ничего не понимаю в жизни.

По мере доведения до конца очередного преступления сцена ощутимо становилась темнее, и последнее убийство было совершено в кромешной тьме, поэтому жертву не было видно и о смысле происходящего приходилось лишь догадываться. Слышались только тяжелое дыхание и ужасающие сдавленные стоны, после чего из мрака возник Панч и сел на приступку. Он стал обмахиваться и разглядывать свои окровавленные ботинки. Потом он склонил голову набок и захихикал так страшно, что рядом сидящие прикрыли лица руками, я, слава Богу, поступил так же. Но в это время сцена за Панчем осветилась, и на ней оказались декорации, но не дома, как обычно, а с претензией на нечто большее — лесная рощица и отлогий скат холма, над которыми светила, прямо как настоящая, луна. Над всем этим стало подниматься нечто, которое я быстро опознал как человеческую фигуру с чем-то непонятным на голове — поначалу я не мог разглядеть, с чем. Она не стояла на нотах и то ли ползла, то ли тащилась по центру сцены к Панчу. Он сидел к ней спиной, и к этому моменту

я обнаружил (хотя тогда и это не осознал), что впечатление, что перед вами кукольный театр, исчезло. Панч, разумеется, оставался Панчем, но остальные до какой-то степени были живыми и передвигались по собственной воле.

Когда я снова поглядел на него, он предавался злобным размышлениям, но в следующее мгновение что-то привлекло его внимание, и он выпрямился, оглянулся и, очевидно, заметил того, кто приближался к нему. На самом деле он был уже совсем близко. Тут, разумеется, он стал проявлять признаки ужаса: схватив палку, бросился в него и едва-едва успел увернуться от руки своего преследователя, который как раз взмахнул ею, дабы поймать его. Тут в моем сне случился перелом — я смог различить, как выглядит преследователь. Крепкого телосложения, в черном одеянии с белыми полосками у воротника и с белым мешком на голове.

Началась погоня, как долго она длилась, не помню. Герои появлялись то среди деревьев, то бежали по полю, иногда они оба вообще на несколько секунд исчезали, и лишь по доносящимся звукам было понятно, что они все еще пребывают на ногах. Наконец, наступил момент, когда Панч, явно из последних сил, шатаясь, вы-

шел снова и бросился на землю среди деревьев. Его преследователь не заставил себя ждать и сопровождал свое появление бросаемыми по сторонам неуверенными взглядами. Затем, заметив распростертую на земле фигуру, он тоже бросился вниз — причем повернувшись к зрителям спиной — и, быстрым движением сдернув с головы мешок, ударился лицом о лицо Панча. И сцену заволокла тьма.

Раздался один-единственный громкий, дрожащий крик, и я проснулся, обнаружив, что гляжу прямо в лицо… как ты думаешь, кого?.. огромной совы, которая сидела на подоконнике прямо напротив изножия кровати, раскинув наподобие рук свои крылья. Желтые глаза свирепо глянули на меня, и она пропала. Издалека единственный раз прозвонил колокол… по-видимому, как решишь ты, церковных часов, но я с тобой не соглашусь. Вскоре я проснулся окончательно.

Должен тебе доложить, что все это произошло в последние полчаса. Заснуть снова я не в состоянии, посему я встал, оделся потеплее и в первые часы Рождества рассказываю тебе об этой ерунде.

Не упустил ли я чего?

Да, собака Тоби отсутствовала, а спереди вме-

сто «Панч и Джуди» было написано «Кидман и Галлоп», то есть совсем не то, что советовал мне посмотреть коробейник.

Кажется, мне все-таки хочется спать, поэтому кладу письмо в конверт, который запечатываю.

Письмо IV

26 декабря 1837.

Дорогой мой Роберт!

Все кончилось. Тело нашли. Не стану извиняться, что не сообщил тебе об этом вчера, но я был абсолютно лишен возможности написать письмо. События, которые тут произошли, настолько меня поразили, что мне было необходимо выспаться, чтобы обдумать все с ясной головой. А теперь я подробно перескажу тебе события дня — самого загадочного Рождества. Такого со мной не случалось за всю мою жизнь, да и вряд ли случится впредь.

Первое событие не имеет большой важности. Мистер Бауман, как я думаю, весело провел сочельник и посему пребывал в придирчивом настроении. Во всяком случае, встал он не рано и, насколько я могу судить по тому, что слышал, вся

его прислуга была не в состоянии угодить ему. Горничную он довел до слез, при виде которых, как мне кажется, мистеру Бауману не удалось сохранить мужество и хладнокровие. Когда я спустился вниз, он пожелал мне доброго Рождества дрожащим голосом, а чуть позже, когда он, как принято, нанес мне визит во время моего завтрака, то не пребывал в веселом состоянии духа, я бы даже сказал, что его взгляды на жизнь приобрели байронический оттенок.

— Не знаю, согласитесь ли вы со мной, сэр, — заявил он, — но с каждым годом Рождество представляется мне все более вопиющим праздником. Взять, к примеру, то, что происходит прямо у меня на глазах. Вот моя горничная Элиза… уже пятнадцать лет она со мной. И я полагал, что на Элизу я всегда могу положиться, и что вы думаете… сегодня утром… Рождественским утром, в наисвятейший день в году, когда звонят все колокола и все такое… уверяю вас… именно сегодня… спасибо Провидению, что я успел это заметить… эта девица чуть не положила… я почти сказал «положила»… сыр на ваш стол… — Тут я хотел прервать его, но он замахал на меня рукой — Вы, несомненно, скажете: «Да, мистер Бауман, и вы забрали у нее сыр и положили в буфет», что я и

сделал, и вот ключ от буфета, вернее, это не тот самый ключ, но он почти того же размера. Все это так, сэр, но как вы представляете, сие происшествие на меня повлияло? Надеюсь, не будет преувеличением сообщить вам, что земля ушла из-под моих ног. Но когда я то же самое сказал Элизе, причем, заметьте, не сердито, а лишь строго, что я услышал в ответ? «Ах, — говорит, — ну, — говорит, — я надеюсь, что все остались в живых». Понимаете, сэр, такие слова ранят меня, ранят, и я не хочу больше даже думать об этом.

Тут наступила зловещая пауза, во время которой я отважился произнести что-то вроде: «Да, такое раздражает», а потом спросил, в котором часу состоится служба в церкви.

— В одиннадцать, — ответил мистер Бауман с тяжелым вздохом. — Только наш бедный мистер Лукас не сумеет произнести такую речь, как это делал наш прежний проповедник. Между нами, может, и были некоторые разногласия, и все же — какая жалость.

Я видел, каких трудов ему стоит воздержаться от бесконечно обсуждаемого вопроса с бочкой пива, но он справился собой.

— Но вот что скажу я. Пусть проповедник лучше, чем тот, что крепче держится за свои права,

вернее, считает своими правами… однако этот вопрос в настоящий момент я во всяком случае не в состоянии разрешить. Меня могут спросить: «А был ли он красноречивым человеком?», и мой ответ прозвучит следующим образом: «Что ж, возможно, о своем дяде лучше судить вам, а не мне». А если спросят меня: «А умел ли он держать в руках свою паству?», отвечу я: «В зависимости». Но, как я говорю… да, Элиза, девочка моя, иду… одиннадцать часов, сэр, вы можете попросить вам указать скамью, принадлежащую «Королевской голове».

Не сомневаюсь, что Элиза все это время стояла перед дверью, поэтому разговор она засчитает в мою пользу.

Следующее событие произошло в церкви. Я понимал, что перед мистером Лукасом стоит трудная задача — воздать должное рождественскому настроению, но при этом и не забыть о чувстве скорби, которое, как заметил бы мистер Бауман, было сильно распространено. Боюсь, что мистер Лукас оказался не на высоте положения. Я ощущал себя неловко. Орган взвывал, как волк… ну, ты понимаешь, что я имею в виду: воздушная струя дважды подвела во время исполнения рождественского гимна. Теноровый

колокол, по-видимому, из-за невнимания звонарей во время проповеди в течение минуты тихонечко продолжал звонить. Церковный служитель послал на колокольню человека, но он не сумел ничего сделать. Я был рад, когда служба подошла к концу. А перед началом службы тоже произошел странный случай. Я вошел в церковь рано и наткнулся на двух человек, которые несли похоронные дроги на свое место под башню. Из их разговоров я понял, что их вынес по ошибке кто-то, кого в данную минуту не было. Еще я видел, как служитель складывал побитый молью бархатный покров — в общем, все это не создавало праздничного настроения.

Потом я пообедал и, так как выходить мне никуда не хотелось, сел в гостиной у камина с последним выпуском «Пиквика», который все никак не мог прочитать. Я был уверен, что не задремлю над ним, но оказался подобен нашему другу Смиту. По-моему, было уже половина третьего, когда меня разбудили пронзительный свист, хохот и голоса снаружи на рыночной площади. Прибыл кукольный театр — без сомнения, тот самый, который мой коробейник видел в У.

Я был и рад и не рад — мне тут же вспомнился мой неприятный сон, и очень живо, тем не менее

я решил посмотреть зрелище и послал Элизу, снабдив ее кроной, с просьбой к артистам, чтобы они, если это возможно, представляли у меня перед окном.

Спектакль был совершенно новым, владельцы были, как ты и сам догадываешься, итальянцы, Фореста и Кальпиджи. И собака Тоби присутствовала. Собрался весь Б., но зрители не загораживали мне зрелище, и я сидел у большого окна на первом этаже о десяти ярдах.

Как только часы на здании церкви пробили без четверти три, представление началось. Оно было воистину замечательным, и, к своему облегчению, я обнаружил, что, в отличие от моего отвратительного сна, Панч лупил по головам своих невезучих гостей недолго. Меня смешили и Водовоз, и Чужестранец, и Пристав, и даже Младенец. Мешало лишь то, что собака Тоби имела обыкновение подвывать не в тех местах. Я подумал, что что-то ее расстроило, и, вероятно, очень сильно, так как, не помню точно, в какой именно момент, она издала невероятно скорбный вой, спрыгнула с площадки и бросилась удирать через рыночную площадь по направлению к какой-то улочке. Возникла неловкая пауза, но длилась она недолго. Вероятно, было решено не

пускаться за ней в погоню, потому что она потом вернется сама.

Спектакль продолжался. Панч выказал Джуди преданность чувств, и даже в присутствии всех остальных персонажей, и наступил момент, когда были воздвигнуты виселицы и пришло время знаменитой сцены, где появляется мистер Палач. И тут случилось такое, чего я до сих пор никак не пойму. Ты знаешь, как происходит казнь и что на голову преступнику надевается колпак. Если бы ты походил на меня, ты бы не захотел об этом вспоминать, а я бы не стал тебе об этом напоминать. И вот такую же голову я, со своего места сверху, и увидел за ширмой. Остальные зрители сначала не заметили ее. Я ждал, что она исчезнет, но вместо этого глазам зрителей предстало лицо с выражением такого ужаса, какого я не видел за всю свою жизнь. Будто человека, кем бы он там ни был, силой приподняли, а руки его привязали к малюсенькой виселице на сцене. За ним виднелась голова в ночном колпаке. Затем раздался крик и грохот. Балаган повалился назад, некоторое время среди его обломков шевелились ноги, а потом, как говорят, две фигуры — мне-то казалось, что одна — понеслись стремглав через площадь и исчезли в переулке, ведущем в поля.

Все, разумеется, бросились за ними в погоню. Я тоже. Но убегавшие оказались мертвы. Один из них бежал так быстро, что не заметил меловой карьер, с края которого он упал и сломал себе шею. Стали искать второго, но никак не могли найти, тут я догадался спросить, а видел ли кто, как он покидал рыночную площадь. Сначала все уверяли меня, что видели, но потом решили все-таки проверить и обнаружили его под балаганом тоже мертвого.

А в меловом карьере нашли и тело бедного дяди Генри. На голове у него был мешок, а горло искромсано. Из земли торчал кусок мешка, поэтому труп и был обнаружен. Более подробно я рассказывать не в состоянии.

Да, забыл упомянуть, что людей на самом деле звали Кидман и Галлоп. Мне-то их имена знакомы, но здесь никто о них никогда не слышал.

Как только похороню дядю, тут же приеду. При встрече поделюсь с тобой своими мыслями.

Два врача

Я уже привык находить в старых записных книжках разного вида документы, но действительно представляющие интерес среди них редко попадаются. Тем не менее такие находки порой представляют собой ценность. Поэтому никогда не уничтожайте их, сначала не проглядев. До войны я часто покупал старые книжки для записей — отличная бумага и много чистых листов, которые можно использовать для собственных пометок, к тому же листы из книжек легко вынимаются.

Вот такую записную книжку за небольшую сумму я купил в 1911 году. У нее была тугая застежка. И переплет из-за того, что в книжке было много лишних листов, покоробился. Три четверти вложенной бумаги никакой ценности для человечества не имели, но вот одна…

Эти записи, подписанные инициалами и принадлежавшие явно адвокату, были озаглавлены «Самый странный случай, с каким я столкнулся в своей жизни». Был там указан и адрес «Грейс Отель». Все записи являют собой собрание материалов для уголовного дела и состоят из

показаний возможных свидетелей. Но подсудимого или истца — определенно выявить так и не удалось. Досье не окончено, но, даже несмотря на это, нетрудно понять, что случай произошел крайне загадочный, и главным в этой истории является сверхъестественное. Судите сами.

А теперь привожу необходимые объяснения да и саму историю.

Место действия — сельская местность в Ислингтоне; время действия — июнь 1718 года. Погода стоит замечательная. Как-то в полдень доктор Абелл в ожидании кареты прогуливался по саду — предстояло обычное посещение пациентов. К нему подошел его верный слуга Льюк Дженетт, который работал у него вот уже двадцать лет.

Я сказал ему, что желаю с ним поговорить и что разговор наш займет не более четверти часа. Он попросил меня пройти к нему в кабинет — комнату, дверь которой выходила на тропинку, по которой он и бродил. Мы вошли внутрь, и он сел. Я сообщил ему, что обязан искать другое место, хотя и против своей воли. Он поинтересовался, что являлось причиной моего решения, ведь я столько лет пробыл с ним. Я сказал, что он окажет мне услугу, если простит меня, потому что я всегда хочу оставаться любезным (такова

была форма обращения в 1718 году). Насколько я припоминаю, он ответил, что он тоже, но желал бы все-таки знать, почему после столь долгого времени я вдруг решил покинуть его. И говорит: «Тебе же известно, что если ты бросишь меня сейчас, то о том, что я упомяну тебя в своем завещании, даже и разговоров быть не может».

Я же ответил, что учту это.

«В таком случае, — говорит, — объясни мне, на что ты жалуешься, и я все улажу».

На это я, не разумея, как скрыть такое, рассказал то, о чем я уже докладывал, и о своих письменных показаниях, и о постельном белье во врачебном кабинете, и заявил, что в доме, где творится подобное, мне нет места.

На что он лишь мрачно посмотрел на меня и не произнес ни слова, но обозвал меня дураком и сообщил, что следующим утром заплатит причитающуюся мне сумму. После чего, так как карета уже его ждала, он уехал. Поэтому на эту ночь я поместился близ Бэттл Бридж у мужа моей сестры, а рано утром пришел к моему прежнему хозяину, который, дабы я не заходил в дом, оставил причитающуюся мне крону снаружи.

Потом я служил в разных местах, и не подолгу, а его не видал до тех пор, как стал работать у

доктора Куинна в Додд'с Халле в Ислингтоне.

В данном свидетельстве кое-что остается непонятным, а именно упоминание о неких письменных показаниях и о постельном белье. Эти письменные показания отсутствуют. Подозреваю, что из-за необычности их содержания их взяли почитать, а обратно вложить забыли. О чем там шла речь, можно будет догадаться позднее, но пока ни одной подсказки у нас не имеется.

Далее на сцену является ректор Ислингтона, Джонатан Пратт. Его показания представляют собой подробный отчет о положении и репутациях как доктора Абелла, так и доктора Куинна — они оба жили и практиковали в его приходе.

По всеобщему предположению, сообщает Пратт, врач не являются регулярным посетителем утренних и вечерних молебнов и проповедей по средам, но должен признать, что, несмотря на занятость, оба этих человека исполняли свой долг преданных вере прихожан английской церкви. Но в то же время (ежели имеется нужда в моем личном мнении) я обязан сообщить, что делали они это, говоря школьным языком, distinguo[23].

---

[23] Сноски: 23
По-разному *(лат.)*.

Доктор А. вызывал у меня недоумение, доктор же К., на мой взгляд, является обычным, искренним верующим, сильно интересующимся вопросами веры и старающимся приспособить свою практику к получаемым им сведениям. Ну а первый задавал главным образом вопросы, на которое Провидение, как то представляет ся мне, дать ответа не в состоянии. Например, он спрашивал, в каком месте, по моему разумению, пребывают в данный момент те существа, что во время восстания ангелов при сотворении мироздания, не придерживаясь стойких убеждений, все же не преступили границу дозволенного, отказались примкнуть к мятежникам.

На первый его вопрос я, как принято, ответил вопросом же: какие у него имеются основания предполагать о существовании подобных? Ведь о том, что Писание таковых не упоминает, ему, как я не сомневаюсь, известно. Хотя я и так прекрасно понимал, откуда он вычитал эту легенду, выяснилось, что он основывался на тех абзацах из святого Иеронима, где повествуется о беседах дьявола с Антонием. Но он полагал, что в Писании также можно найти цитаты, подтверждающие этот миф.

«К тому же, — заявил он, — вам же известно,

что за границей в это верят повсеместно, более того, если бы вам, как мне, пришлось путешествовать без конца по ночным сельским тропам, вас бы мой вопрос не удивил».

«В таком случае, вы придерживаетесь мнения Джона Мильтона, — ответил я, — и полагаете, что

Мы спим ли, бодрствуем, – во всем, везде
Созданий бестелесных мириады,
Незримые для нас»[24].

«Не знаю, почему Мильтон утверждает, что они незримые, — заявил он, — по всей вероятности, он был слеп, когда это писал. Что же касается остального, да… думаю, что он прав».

«Пусть я не бываю за границей так часто, как вы, хотя бываю я там тоже нередко, особенно в последнее время, — заметил я, — тем не менее за все время, как живу здесь, демонов на сельских тропах я ни разу не встречал. Ну, а если вам повезло более, вашим рассказом наверняка крайне заинтересуется Королевское общество».

Я вспоминаю об этом незначительном разгово-

---

[24] Сноски: 24
Джон Мильтон. «Потерянный рай». *Перевод А. Штейнберга.*

ре потому, что доктору А. он не понравился — из комнаты он выскочил сильно обиженный, бормоча себе под нос, что эти высокопоставленные и сухие священники видят у себя под носом лишь молитвенник да пинту вина.

И подобные наши беседы принимали столь поразительный оборот не единственный раз. Как-то вечером он пришел о прекрасном расположении духа, а потом сел у камина и, закурив, впал в задумчивость, из которой я вывел его, задав весело вопрос, не встречал ли он в последнее время своих причудливых друзей. Он разволновался, глянул на меня совершенно безумным взглядом, словно испугался, и спросил: «Разве вы там были? Я вас не видел. Как вы туда попали? — Потом он сменил тон на более сдержанный: — Что вы там сказали о встрече? Кажется, я задумался и прослушал».

А я ответил, что имею в виду фавнов и кентавров, а вовсе не ведьм на шабаше, но, по-моему, он меня так и не понял.

«Да нет, ни тех, ни других, — произнес он. — Но я смотрю, вы гораздо скептичнее, чем приличествует носящему мантию. Ну а ежели вас заботят ночные тропы, порасспрашивайте-ка мою экономку о тех временах, когда она была

ребенком».

«Ну да, — согласился я, — и еще старух в богадельне да детишек в хижинах. На вашем бы месте я бы обратился к вашему собрату Куинну — может, он даст вам таблетку для прочищения мозгов».

Должен заметить, что в первый и в последний раз он дал понять, что имеет зуб против доктора Куинна и Дженетта, и, как то соответствует моей должности, я попытался убедить его, что он ошибается в них обоих.

Но все же нельзя отрицать, что некоторые уважаемые семейства прихода по совершенно непонятной причине стали оказывать ему холодный прием.

Под конец он сказал, что никому в Ислингтоне он зла не причинял и имеет право жить, как ему заблагорассудится, в любом месте, тем не менее на доктора Куинна он не обижается.

Сейчас я вспоминаю, что, кажется, именно мое последующее замечание навело его на мысль, которую он затем и высказал. Я упомянул о фокусах, которые наблюдал мой браг в Восточной Индии у двора Раджи Майсура.

— Очень удобно, когда человек каким-либо способом приобретает силу оживлять неодушев-

ленные предметы, — отозвался доктор Абелл.

— Наподобие того, когда топор поднимается против того, кто его держит?

— Ну, сей пример мне в голову не пришел, но если вы бы могли заставить книгу прилететь к вам с полки самой да еще приказать ей открыться на нужной странице…

Он сидел близ камина… вечер стоял холодный… и он вытянул руку, вот так, и в ту же минуту каминные приборы — кочерга-то точно, — сильно грохоча, понеслись к нему, и он еще что-то сказал, но я не расслышал. И я заметил ему, что не в состоянии уразуметь, как он не боится, что его действия не повлекут за собой столь тяжелой расплаты, какой ни один христианин и представить себе не может. Он согласился со мной.

«Но я нисколько не сомневаюсь, — возразил он при этом, — что подобного рода сделки очень заманчивы и очень убедительны. И все же вы не одобрите их, доктор? Полагаю, что нет».

Это все, что мне известно о воззрениях доктора Абелла и об отношениях между этими людьми. Доктор же Куинн, как я уже и говорил, был простым, честным человеком, к которому я бы обратился за советом, что я, кстати, и делал. Но, однако, и он время от времени оказывался во вла-

сти мучительных фантазий. Был период, когда его так тревожили сновидения, что он был не в состоянии сохранить их в тайне и пересказывал их содержание всем своим знакомым, в том числе и мне. Однажды я ужинал у него, и он все никак не желал меня отпускать.

«Если вы уйдете, — заявил он, — я буду вынужден лечь спать, и мне опять приснится куколка насекомого».

«Вы, должно быть, в плохом состоянии», — предположил я.

«Не думаю», — и он дернулся, будто испугался своих собственных мыслей.

«Я просто хотел сказать, — объяснил я, — что куколка — предмет безвредный».

«Эта не такая, — сообщил он. — Я даже думать о ней не хочу».

А ради того, чтобы я подольше не уходил, он стал мне объяснять (правда, я сам его заставил), что это сон, который ему снится каждую ночь, причем порой даже несколько раз за ночь.

А снилось ему каждый раз одно и то же: будто просыпается он с огромным желанием вскочить и выбежать на улицу. И тогда он одевался и шел к двери, выходящей в сад. У двери стояла лопата, которую он должен был взять, затем он выходил

в сад, над которым светила луна (во всех его снах всегда стояла полная луна), и начинал копать, причем будто его что-то заставляло это делать. Через некоторое время лопата натыкалась на что-то светлое. Ему казалось, что это какая-то ткань: то ли хлопок, то ли шерсть. И надо было ему убрать эту ткань. И всякий раз глазам его представал все тот же предмет: куколка ночной бабочки, размером с человека, которая с одного конца вот-вот должна была раскрыться.

Он был не в состоянии пересказать, какое облегчение он бы испытал, если бы мог все бросить и убежать в дом, но на подобное спасение он не имел права. Поэтому, издавая стенания, так как прекрасно знал, что его ожидает, он раскрывал этот конец, или ткань, или, как ему порой представлялось, пленку, и оттуда показывалась гладкая розовая кожа. Как только существо начинало шевелиться, кожа лопалась, и перед ним возникало его собственное лицо в предсмертных муках. Рассказ об этом привел его в такое беспокойное состояние, что из чувства сострадания я был вынужден просидеть с ним почти всю ночь и беседовать на отвлеченные темы. Он сообщил мне, что после этих снов он каждый раз просыпается в состоянии, близком к смерти.

Теперь приводится отрывок из бесконечных показаний Льюка Дженнетта.

Я никогда не передавал живущим по соседству сплетни о моем хозяине, докторе Абелле. Когда я служил в другом месте, я действительно рассказывал моим друзьям-слугам о постельном белье, но я ни разу не признался, что это произошло со мной или с ним. К тому же мне не поверили; и, обидевшись, я решил впредь об этом не рассказывать никому. А когда я вернулся в Ислингтон и узнал, что доктор Абелл все еще живет здесь и, как мне сказали, покинул приход, я понял, что мне приличествует вести себя осмотрительно, потому что я сильно боялся этого человека и, конечно, не желал злословить по его адресу.

Мой хозяин, доктор Куинн, был очень справедливым и честным человеком и не причинял никому зла. И я совершенно уверен, что он никогда и пальцем бы не пошевелил, и слова бы не произнес, дабы переманить к себе от доктора Абелла пациентов. Нет, никто не сумел бы уговорить его их принять, если бы он не был уверен, что в противном случае они скорее обратятся к городскому врачу, чем к тому, у которого лечились до сих пор.

Я уверен: доказать, что доктор Абелл бывал в

доме моего хозяина не один раз, можно. У нас новая горничная из Хартфордшира, и она спросила меня, кто тот джентльмен, что искал нашего хозяина, то есть доктора Куинна, а хозяин отсутствовал, и этот человек был сильно поэтому расстроен. И она сказала, что кем бы он там ни был, но ему отлично известно, где и что находится в доме. Он прямиком побежал в кабинет, а потом в приемную доктора, а под конец в спальню. И попросил ее описать мне его, и то, что она мне сказала, совершенно походит на доктора Абелла. Еще она сказала, что этого же человека она видела в церкви и кто-то сказал ей, что он — врач.

И как раз после этого случая моему хозяину стали сниться ужасные сны, и он все жаловался и мне, и другим, что особенно он страдает оттого, что у него неудобные подушка и постельное белье. И он сказал, что хочет купить новое и что купит его сам.

А потом принес домой белье, которое, как он сказал, хорошее, но где он его купил, мы тогда не знали, только увидели, что на нем вышиты корона и птица. Женщины сказали, что оно очень хорошее и необычное, а хозяин сказал, что на нем очень удобно спать. И спать ему с тех пор стало удобно и мягко. И еще, что перьевые подушки —

первого сорта, а голова у него словно в облаке. Да я и сам это заметил — когда я пришел утром, чтобы разбудить его, лицо у него было совсем спрятано в подушке.

С доктором Абеллом, как я вернулся в Ислингтон, я не общался, но однажды он подошел ко мне на улице и спросил, не ищу ли я другую работу, я же ответил, что мое место меня вполне устраивает, а он обозвал меня смешным и заявил, что не сомневается, что вскоре услышит, что я вновь ищу себе место. И он оказался прав.

Продолжает доктор Пратт.

16-го числа меня подняли с кровати прямо на рассвете и сообщили, что доктор Куинн то ли умирает, то ли уже умер.

Пройдя в его дом, я обнаружил, что это правда.

Все люди в доме, за исключением того, кто впустил меня внутрь, находились у него в комнате рядом с кроватью, но к нему никто не прикасался.

Он лежал на спине посередине кровати и выглядел как приготовленный для похорон. Его руки даже были скрещены у него на груди. Необычным было лишь то, что два конца подушки полностью скрывали его лицо. Я немедленно раз-

двинул их и упрекнул слугу в том, что он вовремя не помог своему хозяину. Но он лишь покачал в ответ головой — очевидно, он, как и я, прекрасно понимал, что надежды нет никакой и что перед нами лежит труп.

И разумеется, у всех присутствующих сложилось впечатление, что он не просто умер, а умер от удушья. И само собой было понятно, что смерть его наступила в результате несчастного случая оттого, что края подушки закрыли ему лицо. Каким же образом он, ощутив, что на него давит, не вытянул вперед руки, дабы отодвинуть их? Постельное белье было в порядке, к нему явно никто не прикасался.

Далее мне следовало вызвать врача. Так как я это предвидел, то еще перед выходом из своего дома я послал за доктором Абеллом, но, как выяснилось, дома его не оказалось, поэтому был приглашен ближайший хирург, который, однако, не смог сообщить ничего нового до вскрытия тола.

Что же касается вопроса о проникновении в дом некоего человека со злым умыслом (таковым было следующее предположение), выяснилось, что задвижка на двери была оторвана с силой вместе с частью дверного косяка, но многочис-

ленные свидетели, среди которых присутствовал и кузнец, показали, что дверь была взломана за несколько минут до моего прихода. Более того, комната располагается на верхнем этаже и до окна добраться не так уж легко, да и никаких следов, указывающих на то, что в комнату проник кто-либо именно этим путем, не имелось: ни на подоконнике, ни на мягкой земле под окном.

Заключение хирурга, естественно, входит в отчет о дознании, но, так как в нем ничего не сообщается, за исключением вывода о здоровом состоянии верхних органов и о коагуляции в различных частях тела, приводить его не представляется целесообразным.

К вышеприведенным документам была приложена еще одна старая бумажка. И сначала я решил, что она попала туда по ошибке. Но по размышлении я догадался, по какой причине ее туда поместили.

В ней рассказывается об ограблении гробницы в Миддлсексе, которая стояла в парке, ныне разрушенном, и принадлежала знатному роду, имя которого я не стану указывать.

Поругание могилы было совершено отнюдь не обычным похитителем трупов. Целью взлома гробницы, очевидно, было воровство.

Отчет об этом происшествии страшно читать. И цитировать его я не хочу.

В связи с этим делом один продавец из северной части Лондона был строго наказан за скупку краденых вещей.

Кукольный дом с привидениями

«Подобные предметы, очевидно, часто попадают к вам?» — спросил мистер Диллет, указывая палкой на вещь, описание которой будет приведено несколько позже. Задавая этот вопрос, он лгал, что и сам прекрасно сознавал. Даже такой опытный охотник за сокровищами антиквариата, каким был мистер Читтенден, вряд ли бы даже раз в двадцать лет, да что там, за всю свою жизнь сумел бы наткнуться на такую редкость сам. Вопрос, который задал мистер Диллет, был типичным вопросом коллекционера, и мистер Читтенден понял это в ту же секунду.

— «Подобный предмет», мистер Диллет! Да этой вещи место в музее.

— Смотря в каком музее, есть такие, которые все готовы взять.

— Я встречал похожий очень давно, правда, не столь прекрасный, — задумчиво продолжал мистер Читтенден. — Вряд ли такой предмет попадет на рынок, хотя должен сказать вам, что порой там попадаются превосходные образцы того же периода. Нет, я говорю вам правду, мистер Диллет, когда утверждаю, что при условии ва-

шего полного ко мне доверия вы получите самое лучшее от меня, тем более что мое умение распознавать истинную ценность вещи вам известно, правда, как и мой талант убеждать… в общем, вот что я вам скажу… я бы подвел вас прямо к этому предмету и возвестил: «Вот лучшее, что у меня есть, сэр».

— Конечно, конечно! — воскликнул мистер Диллет и иронически поаплодировал концом палки о пол магазина. — И сколько же с простака американца вы запрашиваете за такую штуку, а?

— Я вовсе не отношусь так уж сурово к покупателю, американец он или кто другой. Понимаете, мистер Диллет, дело обстоит следующим образом… если я чуточку смыслю в происхождении…

— Или чуть более чуточки, — вставил мистер Диллет.

— Ха, ха! какой вы остроумный, сэр. Нет, я хотел сказать, так как в подобных вещах я разбираюсь… да и всякий в состоянии понять, что перед ним подлинник, каждая его деталь… с тех пор, как он попал ко мне, я никому не разрешаю к нему даже притрагиваться… цену за него я хочу назначить иную, чем прежде.

— Какую же: двадцать пять?

— Умножьте вашу цифру на три, и он ваш, сэр.

Семьдесят пять.

— Возьму за пятьдесят, — заявил мистер Диллет.

На какой конкретно сумме остановились эти двое, значения не имеет — кажется, на шестидесяти гинеях. Но через полчаса редкость была упакована, а еще через полчаса мистер Диллет уложил ее к себе в машину и уехал. Мистер же Читтенден с чеком в руке, улыбаясь, проводил покупателя до двери и, все так же улыбаясь, пошел в общую комнату, где жена его накрывала стол к чаю. В дверях он остановился.

— Продал, — сообщил он.

— Слава тебе, Господи! — возвестила миссис Читтенден, ставя на стол заварочный чайник. — Мистеру Диллету?

— Да.

— Хорошо, что ему, а не кому-то другому.

— Не знаю, он ведь неплохой человек, дорогая.

— Возможно, но по моему разумению, хорошее потрясение такому ничуть не помешает.

— Это по твоему разумению, а по-моему, виноваты будем в этом мы. Во всяком случае, мы с этим покончили и обязаны быть ему благодарны.

И семейство Читтенден принялось пить чай.

Ну, а что делает мистер Диллет со своим новым

приобретением? А приобрел он, как вы сами понимаете, тот предмет, название которого стоит в заголовке данной истории. И я постараюсь как можно лучше ее рассказать.

В машине места было немного, поэтому мистеру Диллету пришлось сесть рядом с водителем. Последний был вынужден вести автомобиль очень медленно, так как, хотя Кукольный дом и был аккуратно забит мягкой ватой, его ни в коем случае было нельзя трясти, потому что внутри имелось огромное количество крохотных игрушечек. Таким образом, несмотря на предпринятые меры предосторожности, все десять миль путешествия мистер Диллет сильно волновался. Наконец машина подъ ехала к парадному входу его дома, из которого вышел Коллинз, дворецкий.

— Послушай, Коллинз, помоги мне перенести эту вещь… только очень осторожно. Надо поднять его наверх, ясно? Там столько маленьких штучек, не дай Бог, сломаются. Подожди, надо подумать, куда его поставить. (После размышления.) А поставлю-ка я его прямо к себе, хотя бы для начала. Да… на большой стол.

И дом, чей перенос сопровождался бесконечными восклицаниями, был доставлен в просторную

комнату мистера Диллета на втором этаже, окно которой выходило на подъездную аллею. Потом с дома сняли холст и переднюю сторону, и последующие два часа мистер Диллет был занят извлечением из всех комнат ваты и остального содержимого.

Когда сие на необыкновение приятное занятие подошло к концу, то на огромном четырехтумбовом столе мистера Диллета оказался великолепный и красивый образец кукольного дома, каковой, должен признаться, крайне трудно найти в коллекции готических игрушечных замков в Строуберри Хилл[25]. Вечернее солнце, лучи которого падали сквозь три подъемных окна, освещало его.

Дом был шести дюймов в длину, с левой стороны к нему примыкала часовня или молельня, справа конюшни. Основное здание, как я уже и говорил, было выстроено в готическом стиле: окна в виде стрельчатых арок с заостренным верхом и с орнаментом в виде листьев и с флеронами, подобными тем, какие мы видим на могильных плитах, встроенных в стены церквей. У часовни имелись шпили и контрфорсы,

[25] Сноски: 25

Поместье Горация Уолпола, одного из первых представителей английской «литературы ужасов». — *Примеч. редактора.*

колокол в остроконечной башенке с арочными проемами и витражи в окнах. Когда передняя часть дома снималась, вашим глазам представали четыре комнаты: спальня, столовая, гостиная и кухня, — все они были снабжены соответствующей мебелью.

Конюшня справа была двухэтажной и имела полный комплект лошадей, экипажей и грумов, на ней были часы и готический купол, за которым скрывался колокол часов.

Оснащению дома можно посвятить немало страниц — посчитать сковородки и позолоченные стульчики; рассказать, какие там висели картины, ковры, канделябры; описать, как выглядели кровати с пологом, скатерти, стекло, фарфор и другая посуда, но пусть читатель воображает их себе сам. Я хочу лишь упомянуть о том, что основа или фундамент, на котором стоял дом, был полым и глубоким внутри (поэтому к парадному входу и к террасе с перилами тянулась лестница) и содержал в себе ящик или ящики, где хранились аккуратно сложенные вышитые занавески, одежда для жильцов и, короче говоря, необыкновенной красоты ткани в несметном количестве на все случаи жизни.

— Будто читаешь романы Горация Уолпола;

наверняка этот домик как-то с ним связан, — задумчиво пробормотал мистер Диллет, стоя на коленях перед игрушкой и созерцая ее с благоговейным восторгом. — Восхитительный! Да, мне сегодня явно повезло. Сначала получил пятьсот фунтов за горку, которая мне никогда и не нравилась, а теперь мне свалилось в руки это, причем всего за десятую часть цены, которую бы с меня потребовали в городе. Здорово! Однако начинаешь бояться, что для уравновешивания может произойти что-нибудь неприятное. Где там наш народец?

И он вынул население дома и разложил его в ряд. И опять можно соблазниться возможностью составить полную опись костюмов, но я этого сделать не в состоянии.

Среди куколок были джентльмен и леди в голубом атласе и парче; двое детей: мальчик и девочка; кухарка, няня, лакей; работники конюшни: форейторы, извозчик, два грума.

— Еще кто-нибудь? Да, кажется.

Полог на кровати в спальне был задернут, и, осторожно раздвинув его, он стал нащупывать пальцем кровать. И мгновенно отдернул палец — ему показалось, что он коснулся чего-то… не шевелящегося, а пружинящего, причем будто

живого. Затем он отдернул занавески, которые висели на стержнях, и извлек из кровати седого старого джентльмена в длинной хлопчатобумажной ночной рубашке и в колпаке. Положил он его рядом с остальными. Вот все и в сборе.

Наступило время обеда, поэтому мистер Диллет устроил за пять минут леди и детей в гостиной, джентльмена в столовой, слуг в кухне и на конюшне, а старичка уложил обратно в кровать. Затем он отправился в соседнюю комнату переодеваться, и до одиннадцати часов вечера мы его больше здесь не увидим и не слышим.

Спать он обожал в окружении некоторых драгоценностей своей коллекции. В спальне у него имелись кровать, ванная, шкаф, а в примыкающей гардеробной хранилась всевозможная одежда. Но его четырехтумбовый стол, который сам по себе являлся огромной ценностью, стоял в большой комнате, где он иногда писал, читал и принимал гостей.

В этот вечер он направился к себе в необыкновенно самодовольном расположении духа.

Часов с боем поблизости не было: ни на лестнице, ни в конюшне, ни даже на дальней церковной башне. Тем не менее мистер Диллет вздрогнул: его сладкий сон нарушил звон колокола. Он от-

бил час ночи.

Он был настолько поражен, что, вместо того, чтобы затаить дыхание и широко раскрыть глаза, он просто сел.

Лишь утром он задал себе вопрос, каким образом кукольный дом, стоящий на столике близ кровати, был так отчетливо виден, ведь в комнате было совершенно темно. Но видно было все. Яркая полная луна светила в четверти мили от большого белого каменного здания, но каждая деталь в домике была видна, как на фотографии. Вокруг часовни и самого дома росли деревья. Ему почудился даже запах холодной сентябрьской ночи. Из конюшни раздавались позвякивание и топот, словно лошади переминались с ноги на ногу. И тут в полном потрясении он осознал, что над домом простирается не увешанная картинами стена его комнаты, а глубокое синее ночное небо.

В нескольких окнах горел свет, и он в одну секунду понял, что перед ним находится не четырехкомнатный дом с убирающейся передней частью, а настоящий дом, с огромным количеством помещений, с лестницей, — только создавалось впечатление, что смотришь на него с другой стороны телескопа.

— Хочешь мне что-то показать? — пробормотал он и честно уставился на освещенные окна.

В реальной жизни они бы, несомненно, были закрыты ставнями или задернуты занавесками, но теперь ничто не закрывало их и все происходящее внутри было видно.

Свет горел в двух комнатах — на первом этаже справа от входной двери и на верхнем слева; первая была освещена полностью, во второй горел тусклый огонек. В нижней комнате помещалась столовая; стол был накрыт, но с трапезой было уже покончено, стоять оставались лишь вино да рюмки. Мужчина в голубом атласе и женщина в парче находились в комнате одни, они вели серьезный разговор, сидя рядом друг с другом и положив локти на стол. Время от времени они замолкали и, казалось, к чему-то прислушивались. Один раз он поднялся, подошел к окну, раскрыл его, высунулся наружу и приложил руку к уху.

На серванте в серебряной лампе горел вощеный фитиль. Отойдя от окна, мужчина, по всей видимости, покинул и комнату. А леди, взяв лампу, застыла на месте, прислушиваясь. По выражению ее лица создавалось впечатление, что она старается сдержать грозящий овладеть ею страх, и ей это удалось. Ее широкое, плоское, хит-

рое лицо было полно ненависти. Но вот мужчина вернулся, и она, забрав у него что-то крошечное, поспешно вышла из комнаты. Он тоже пропал из виду, но на секунду или две. Медленно распахнулась парадная дверь, и он вышел наружу и остановился на верхней ступеньке крыльца, глядя по сторонам. Затем он поднял голову к освещенному верхнему окну и погрозил кулаком.

Наступила пора бросить взгляд и на верхнее окно. В комнате стояла кровать с пологом. В кресле сидела нянька или какая-то другая служанка, она явно дремала. Старик на кровати не спал; можно было подумать, что он волнуется — он все время шевелился и выбивал пальцами по одеялу неслышную мелодию. Дверь за кроватью отворилась.

На потолок упал луч света, и внутрь вошла леди. Поставив свечу на стол, она подошла к камину и разбудила няньку. В руке она держала старинную бутылку для вина, уже откупоренную. Нянька забрала у нее бутылку, налила из нее немного жидкости в крошечную серебряную кастрюльку, добавила пряности и сахар из вазочек на столе и поставила греть на огонь.

Тем временем старик на кровати что-то невнятно говорил леди, она с улыбкой подошла к нему,

взяла за запястье, словно проверяя пульс, и прикусила губу, будто ее охватил ужас. Он с беспокойством посмотрел на нее, а потом указал на окно и что-то сказал. Она кивнула и сделала то же самое, что делал до нее мужчина: открыла окно и прислушалась — но, может быть, только для виду, — затем отрицательно покачала головой, и старик, кажется, вздохнул.

Тут на огне закипел посеет[26], нянька перелила его в серебряную чашечку с двумя ручками и понесла к кровати. Старик, очевидно, не желал его пить, так как стал отмахиваться, но леди с нянькой наклонились над ним и, по-видимому, стали уговаривать. Должно быть, он вскрикнул, потому что они силой усадили его и поднесли чашку к губам. Когда он в несколько глотков выпил содержимое чашки, они снова уложили его. Леди ушла, с улыбкой пожелав ему спокойной ночи, и забрала с собой и чашку, и бутылку, и серебряную кастрюльку. Нянька вновь устроилась в кресле, и наступила полная тишина.

Вдруг старик на кровати вздрогнул и, вероятно, издал крик, так как нянька вскочила с кресла и шагнула к кровати. У него был ужасающий вид:

---

[26] Сноски: 26
Молочно-винный напиток. — *Примеч. редактора.*

лицо покраснело, чуть ли не почернело, глаза стали белыми, руками он схватился за сердце, а на губах выступила пена.

Нянька бросилась к двери, распахнула ее и, по всей видимости, стала звать на помощь, затем бросилась обратно к кровати и начала лихорадочно приводить его в чувство — укладывать и тому подобное. Но стоило леди, ее мужу и нескольким слугам вбежать в комнату с выражением ужаса на лицах, как старик обмяк в руках у няньки, и черты лица его, искаженные агонией и мукой, стали медленно разглаживаться.

Через несколько минут слева от дома показались огни, и к входу подъехал экипаж с факелами. Из кареты проворно выскочил человек в черном и с белым париком на голове, в руках у него был небольшой кожаный саквояж. Он взбежал по ступеням.

В дверях его встретили мужчина и его жена — она стискивала в руках носовой платок, а он с трагическим выражением лица пытался сохранять самообладание. Вновь прибывшего они провели в столовую, где он положил свой саквояж на стол и, повернувшись к хозяевам, внимательно выслушал джентльмена с леди. Он беспрестанно покачивал головой, а потом

слегка помахал руками, отказываясь, по всей вероятности, от приглашения к ужину и ночлегу. Некоторое время спустя он медленно сошел вниз по лестнице, сел в карету и уехал в ту же сторону, откуда и прибыл.

Мужчина в голубом следил за ним с крыльца, на жирном белом его лице медленно появилась неприятная улыбка. Как только экипаж скрылся, всю сцену заволокла тьма.

Но мистер Диллет все еще сидел — он правильно догадался, что продолжение следует. И в доме вновь появился свет. Но теперь в другом месте. Теперь загорелись другие окна: одно на самом верху, другие, с разноцветными стеклами, в часовне. Каким образом мистеру Диллету удалось разглядеть, что делается внутри часовни, не очень понятно, но он разглядел. Часовня была обставлена столь же тщательно, как и дом, — мелкие красные подушечки на сиденьях, готического стиля пологи над ними, западная галерея и украшенный башенками и шпилями орган с золотыми трубами. На выложенном черной и белой мозаикой полу стояли похоронные дроги, по их четырем углам горели свечи. На дрогах лежал покрытый черным бархатом гроб.

И тут он увидел, что складки бархата шевелят-

ся. Одна сторона покрова поднялась, откинулась, и на обозрение явился черный гроб с серебряными ручками и с табличкой с именем. Один подсвечник покачнулся и упал. Что будет дальше, лучше не гадать. Скорее, скорее отвести взгляд, что мистер Диллет торопливо и сделал.

Он глянул на освещенное окно на верхнем этаже — там в кроватках на колесиках лежали мальчик и девочка, рядом стояла кровать с пологом для няньки. Сама нянька в данный момент отсутствовала, но в комнате находились папа и мама, на сей раз в трауре; правда, поведение их скорбным было назвать нельзя. На самом деле они смеялись и оживленно болтали, иногда друг с другом, а иногда с детьми. Когда те отвечали, родители снова начинали хохотать. Потом отец на цыпочках удалился из комнаты, прихватив с собой висевшее на крючке около двери белое покрывало. Дверь за собой он закрыл.

Минуты через две она открылась, в ней возникла завернутая в простыню голова. Зловещая фигура непонятной формы двинулась к кроваткам, потом вдруг остановилась, подняла руки и стащила с себя простыню. Глазам присутствующих явился, разумеется, отец. Дети страшно перепугались: мальчик спрятался под одеяло,

а девочка бросилась в объятия к матери. Далее последовали попытки их успокоить — родители посадили их к себе на колени, ласкали их, показывали им белую простыню (мол, ничего в ней страшного нет), ну, и тому подобное. В конечном итоге дети снова улеглись по кроватям, а родители с одобряющими жестами оставили их. Затем в комнате появилась нянька, и вскоре свет там погас.

Но мистер Диллет продолжал наблюдать, боясь шелохнуться.

И вновь осветил комнату свет, но совершенно иной — то была не лампа и не свеча, — сквозь щели вокруг двери начал пробиваться бледный, неприятный свет. И дверь опять стала открываться. Мистер Диллет не желает в точности вспоминать того, кто на этот раз возник в дверях. Он говорит, что оно напоминало жабу, но размером с человека и с жидкими седыми волосами на голове. Некоторое время оно возилось у кроваток. Были слышны крики — слабые, так как происходило все вдалеке, но, несомненно, полные ужаса.

В доме началась сильная суета: в различных окнах появлялись огоньки, хлопали двери, были видны мелькающие фигуры. Часы на конюшенной башенке пробили час, и вновь всю сцену

заволокла тьма.

И рассеялась она лишь еще один раз. У ступенек дома в два ряда стояли фигуры в темном, все они держали в руках факелы. Вниз по крыльцу стали сходить еще темные фигуры — они несли гробы, маленькие. Факельщики и гробы тихо двинулись по направлению влево.

Ночь почти прошла. Никогда еще она не тянулась так медленно для мистера Диллета. Он осторожно лег, но глаза закрыть был не в состоянии. Рано поутру он послал за доктором.

Доктор поставил диагноз «расстроенные нервы» и прописал морской климат.

И мистер Диллет на своем автомобиле отправился в тихое местечко на Восточном побережье, ненадолго останавливаясь по пути.

Первым, кого он встретил на море, был мистер Читтенден — как выяснилось, ему был дан подобный совет свозить отдохнуть жену.

При этой встрече мистер Читтенден посмотрел на мистера Диллета косо, и не без причины.

— Вообще-то, я не слишком удивлен в том, что вы слегка расстроены, мистер Диллет. Что? Да, хочу доложить, мне очень неприятно, что мы с моей бедной женой ответственны за ваше состояние, но и мы пережили то же самое. Подумайте

минуточку, мистер Диллет, что мне было делать: выбросить эту очаровательную вещь совсем или же предупреждать покупателей: «Я продаю вам настоящую драму из реальной жизни прежних веков, которая происходит каждую ночь ровно в час»? Интересно, что бы вы сами ответили? Вызвали бы парочку блюстителей закона, которые посадили бы мистера и миссис Читтенден в рессорный экипаж и отправили в ближайший сумасшедший дом, а все проживающие по соседству говорили бы друг другу: «Да, этого следовало ожидать. Он так пил!», а я ведь, можно сказать, абсолютный трезвенник, что и вам известно. Вот в такой я оказался ситуации. Что? Забрать его обратно? О чем вы-то думаете? Нет, я сделаю другое. Я верну вам ваши деньги, за исключением тех десяти фунтов, которые я сам за него заплатил. А вы уж делайте с ним, что хотите.

В тот же день позже они вели беседу приглушенными голосами в помещении, которое столь неприятно зовется «курилкой».

— Что вам известно о нем и откуда он взялся?

— Честно говоря, мистер Диллет, мне ничего о нем не известно. Хранился он, разумеется, в чулане какого-то загородного дома… да об этом любой в состоянии догадаться. Но мне кажется,

менее чем в ста милях отсюда. Где именно, понятия не имею. Это всего лишь мои предположения. Человек, который мне его достал, не входит в число моих постоянных поставщиков, и я потерял его из виду; но, по-моему, он занимается поисками именно в этом районе, это все, что я могу вам сообщить. Только знаете, мистер Диллет, меня все время мучает один вопрос. Этот старик… который подъезжал к двери… я все думаю: врач он или нет, а вы как считаете? Моя жена полагает, что врач, а я убежден, что нотариус — у него с собой были бумаги, и одна из них была свернутой.

— Согласен, — ответил мистер Диллет. — Если поразмыслить, то было завещание старика, которое следовало подписать.

— Я так и думал, — заключил мистер Читтенден, — и, по всей вероятности, по новому завещанию дети были лишены наследства, а? Так, так! Преподали мне урок. Никогда больше не буду покупать кукольных домиков и на картины не стану больше тратить деньги… а что касается отравления дедушки, у меня бы на такое духу не хватило. Живи сам и давай жить другим — вот мой девиз, который считаю не таким уж плохим.

И, преисполненный возвышенных чувств, мистер Читтенден удалился к себе. Мистер

же Диллет на следующий день отправился в местный институт, где надеялся найти хоть какую-нибудь разгадку столь мучившей его тайны.

При виде длинных рядов публикаций Кентерберийского и Йоркского общества и приходских регистрационных журналов он впал в отчаяние. Среди гравюр, висевших на лестнице и в коридорах, ни одна даже не напоминала дом его ночного кошмара. Совершенно несчастный, он в конце концов добрел до заброшенной комнаты, где обнаружил покрытый пылью макет церкви в пыльном же стеклянном ящике, на котором имелась надпись:

> Макет церкви Святого Стефена, Коксхэм. Подарен Дж. Миеуетером, эсквайром, поместье Илбридж, 1877. Выполнено его предком Джеймсом Миеуетером, ум. 1786.

И церковь эта чем-то напомнила ему его ужас. Он заметил на стене карту и подошел к ней. Оказалось, что поместье Илбридж находится в приходе Коксхэм. А Коксхэм, в свою очередь, являлось названием одного из приходов, регистрационный журнал которого стоял в тех рядах, которые он уже смотрел. И вскоре он нашел за-

пись о захоронении Роджера Милфорда, 76 лет, 11 сентября 1757 года и Роджера и Элизабет Меуетеров, 9 и 7 лет, 19-го числа того же месяца. Стоило обратить внимание на эту подсказку, пусть даже и ненадежную.

И днем он отправился в Коксхэм. В восточной части северного нефа церкви находится часовня Милфордов, и на северной ее стене имеются таблички с указанием имен тех же людей. Упоминание Роджера-старшего сопровождено указанием его выдающихся качеств, а именно *«отец, мировой судья, человек».* Мемориальная табличка установлена его любящей дочерью Элизабет, *«которая не надолго пережила своего столь заботящегося о ее благосостоянии родителя и двух своих возлюбленных детей».* Эта фраза являла собой дополнение к главной надписи.

Мемориальная табличка, датируемая годом позже, возвещала о смерти Джеймса Меуетера, мужа Элизабет, *«который на закате жизни практиковался, и не безуспешно, в тех искусствах, за которые, если бы он сумел продолжить свои опыты, более компетентные судьи назвали бы его британским Витрувием; но, мучимый карой Божьей, которая лишила его любящей жены и цветущих отпрысков, ушел он в рассвете лет,*

пребывая в изолированном, но изысканном уединении. Его благодарный племянник и наследник с набожной скорбью лишь данным кратким перечислением его достоинств в состоянии отдать ему должное».

О детях было написано более скромно. Оба они умерли ночью 12 сентября.

Мистер Диллет не сомневался, что именно в поместье Иллбридж произошла та самая драма. В одном старом альбоме для зарисовок на одной из старинных гравюр ему, однако, удалось найти подтверждение своей правоты. Но поместье Иллбридж выглядит совершенно иначе в наши дни. Оно являет собой постройку елизаветинских времен сороковых годов — красный кирпич с каменной облицовкой по углам и с орнаментом. А в четверти мили от него, в низине парка, окруженной древним ромбовидным плющом и густой рощицей, сохранились остатки площадки с террасой — она целиком заросла высокой травой. Валяются куски каменных перил и виднеются поросшие плющом и крапивой кучки обработанного камня с орнаментом в виде листьев. Кто-то сказал мистеру Диллету, что раньше тут располагался старый дом.

Когда он выехал из деревни, часы на здании

поместья пробили четыре. Мистер Диллет вздрогнул и закрыл уши руками — он уже не в первый раз слышал звук этого колокола.

Ожидая приглашения с другого берега Атлантики, аккуратно упакованный кукольный дом до сих пор покоится на сеновале конюшни мистера Диллета, куда Коллинз перенес его в тот день, когда мистер Диллет отправился на побережье.

> Вероятно, станут говорить, и, скорее всего, справедливо, что сей рассказ – всего лишь вариация на тему моей прежней истории под названием «Меццо-тинто». Мне остается только надеяться, что многочисленные изменения помогут сделать сей лейтмотив приемлемым.

Необычный молитвенник
I

Первую неделю января мистер Дэвидсон проводил в своем загородном поместье в полном одиночестве. Близкие родственники катались на лыжах за границей, а друзья, любезно согласившиеся их заменить, серьезно заболели, и такое стечение обстоятельств побудило его перейти к решительным действиям. Ему был крайне необходим хоть кто-нибудь, кто сжалился бы над ним.

— Но все уже нашли себе компанию, — размышлял он, — да и заботиться о самом себе мне придется всего лишь три-четыре дня, а посему я с таким же успехом могу приступить к ознакомлению с архивом Левенторпов. Отправлюсь-ка я в округу Голсфорда и изучу эти места. Надо осмотреть руины Левенторпского поместья и церковные захоронения.

Первый день его пребывания в лонгбриджской гостинице «Лебедь» был таким ненастным, что ему удалось добраться лишь до табачной лавки.

Второй, сравнительно солнечный, он по-

святил путешествию в Голсфорд, который его интересовал некоторым образом, но ощутимых результатов эта поездка не принесла.

А вот третий — истинная драгоценность для январского дня — был настолько хорош, что грешно было оставаться взаперти. У хозяина он выяснил, что летом приезжие обычно садятся на утренний поезд, следующий в западном направлении, и едут до одной из станций, откуда совершают пешую прогулку по долине Тент, с посещением Стэнфорда Сент-Томаса и Стэнфорда Магдалены — на необыкновение живописных деревень. Такой досуг вполне устраивал мистера Дэвидсона, и вот в 9.45 мы видим его с картой местности в руках в вагоне третьего класса, следующим до Кингсбурна.

В купе с ним находился только один попутчик — патриархального вида старичок, которому явно хотелось поболтать. Поэтому мистер Дэвидсон после необходимых антифонов и обсуждения погоды спросил, как далеко тот направляется.

— Нет, сэр, сегодня не далеко, сэр, — ответил старичок. — До Кингсбурна. Это через две остановки. Да, Кингсбурн называется.

— И я туда еду, — сообщил мистер Дэвидсон.

— Да, неужто, сэр; а вам знакомы эти места?

— Нет, я туда еду, чтобы просто прогуляться пешком обратно до Лонгбриджа. Полюбуюсь окрестностями.

— Да, неужто, сэр? Да, хороший денек сегодня для прогулок.

— Да, несомненно. А от Кингсбурна вам далеко еще ехать?

— Нет, сэр, от Кингсбурна мне недалеко. Дочку еду навестить, сэр. Она в Брокстоне живет. Это в двух милях по полям от Кингсбурна, так это место называется, вот. Он, наверное, есть у вас на карте, сэр?

— Да, наверное. Сейчас посмотрим… Брокстон, вы сказали?

Вот Кингсборн, да; а в каком направлении Брокстон… рядом со Стэнфордом? А, вижу: Брокстон Корт, в парке. А деревни нет.

— Нет, сэр, деревни Брокстон нет. Там лишь имение да часовня в Брокстоне.

— Часовня? Верно, она здесь тоже указана. Прямо рядом с имением, кажется. Это фамильная часовня?

— Да, сэр, она совсем рядом с имением, один шаг. Да, семье принадлежит. Дочка моя, сэр, понимаете ли, жена ихнего управляющего, поэтому она там и живет да приглядывает за домом, пока

семья в отъезде.

— Значит, там сейчас никто не живет?

— Да, сэр, и давно уже. Старый джентльмен, он жил там, когда я еще пареньком был, а леди после него почти до девяноста лет дожила. А потом она умерла, и теперь все им принадлежит. У них есть другое место, кажется в Уорикшире, и они ничего не делают с имением, только полковник Уайлдмэн приезжает охотиться, да молодой мистер Кларк — он их поверенный — бывает по нескольку тут недель, смотрит, как дела, ну, и муж дочкин — он управляющий.

— А кто часовню посещает? Живущие в округе, наверное?

— Да нет, нет, туда никто не ходит. Да и некому ходить-то. Все, кто живет там, ходят в церковь Стэнфорда Сент-Томаса, а зять мой, он теперь ходит в Кингсбурнскую церковь, потому что джентльмены в Стэнфорде, у них теперь григорианцы поют, а зятю моему это не нравится. Говорит, что ослиные крики он каждую неделю может слышать, а по воскресеньям ему хочется послушать что-нибудь более приятное. — Старичок прикрыл рот рукой и засмеялся. — Так зять мой говорит,

что ослиные крики… — Ну и т. д. da capo[27].

Мистер Дэвидсон тоже смеялся, стараясь делать это как можно искреннее, и раздумывал над тем, а не включить ли в прогулку и посещение Брокстон Корта и часовни — по карте было видно, что из Брокстона он сможет прогуляться по долине Тент совсем легко по главной дороге Кингсбурн-Лонгбридж. Соответственно, когда радость при воспоминании bon mot[28] зятя утихла, он вернулся к обсуждению темы и установил, что и имение, и часовня славятся как «старинные места» и что старичок просто жаждет проводить его туда, а дочь его будет прямо-таки счастлива все ему показать.

— Но там немного, что можно посмотреть, сэр. Семьи нет, зеркала все закрыты, и картины тоже, а занавески и ковры спрятаны. Правда, если я попрошу ее, она, может, и покажет парочку, потому что она следит, чтобы моль их не побила.

— Да мне это и не важно, благодарю. Если бы она показала мне часовню… ее я хотел бы увидеть.

— Ну, это-то она вполне может сделать, сэр. У

---

[27] Сноски: 27
С начала *(итал.)*.

[28] Сноски: 28
Словца *(фр.)*.

нее есть ключ, понимаете, она там часто пыль вытирает. Красивая часовня, да. Мой зять, он говорит, слава Богу, там грегорианцы не поют. Боже ж ты мой! Как вспомню про этих ослов, так прямо смех разбирает. «Я могу их каждый день слышать», — говорит, и точно может, сэр, что верно, то верно.

Прогулка через поля от Кингсбурна до Броксто-на оказалась приятной.

Дорога, главным образом, тянулась по верховьям, откуда глазам представали пастбища и поля, темно-синие леса — все они резко обрывались справа у окраины вспаханного поля, тянувшегося к огромной реке на западе.

Последнее поле окружали заросли, и, как только прохожий оказывался в этих кустах, тропа круто шла вниз, и мгновенно становилось очевидным, что весь Брокстон целиком занимает очень узкую низину.

Вскоре прямо под ногами они увидели каменные трубы, из которых не шел дым, и крыши с каменной черепицей. Еще через несколько минут они вытирали ноги у черного входа в Брокстон Корт.

Непонятно, где раздался лай собак управляющего, и миссис Портер немедленно закричала,

чтобы они смолкли. Затем она поприветствовала своего отца и пригласила обоих гостей пройти внутрь.

II

Несмотря на то что имение оказалось совершенно заброшенным, экскурсии по дому мистер Дэвидсон не сумел избежать.

Картины, ковры, мебель — все было зачехлено и убрано, как и говорил старый мистер Эйвери, и восхищение, к выражению которого готовился наш друг, пришлось высказать по отношению к размерам помещений и расписного потолка, на котором сбежавший из Лондона от чумы художник изобразил Торжество Закона и Подавление Мятежа.

Сей потолок вызвал у мистера Дэвидсона неподдельный интерес. Портреты Кромвеля, Айртона, Брэдшоу, Питерса и других, мучения которых были выписаны весьма детально, очевидно, были частью грандиозного замысла, поэтому художник очень постарался.

— Эта картина нарисована по требованию старой леди Сэдлер, той самой, что часовню построила. Говорят, она первая помчалась в Лондон,

чтобы на могиле Кромвеля поплясать, — сообщил мистер Эйвери и задумчиво добавил: — Удовольствие-то она, наверное, получила, но не знаю, стал бы я только ради этого платить за билет до Лондона и обратно. Мой зять, он тоже так считает. Он говорит, что не знает, пожелал ли бы он тратить деньги только на это. Знаешь, Мэри, я рассказывал джентльмену в поезде, что твой Гарри говорит о григорианцах, поющих в Стэнфорде. Ну мы и посмеялись, правда, сэр?

— Да, вот уж действительно, ха-ха! — Мистер Дэвидсон вновь постарался отдать должное юмору управляющего. — Но, — добавил он, — если у миссис Портер есть время показать мне часовню, я бы хотел, чтобы она это сделала сейчас, дни так коротки, а мне бы хотелось до темноты вернуться в Лонгбридж.

Даже если в «Сельской жизни» о Брокстон Корте никогда не упоминалось (а я предполагаю, что не упоминалось), я не склонен в данный момент заниматься описанием его достоинств, а вот часовня заслуживает нескольких слов. Расположена она ярдах в ста от дома и окружена деревьями. При ней имеется небольшое кладбище. Это каменное здание семидесяти футов в вышину, готического стиля, но того стиля, каким

его представляли в семнадцатом веке. В целом она напоминает некоторые часовни оксфордского колледжа. Исключение составляют особый алтарь — примерно такой же, как в приходских церквях, — и причудливая куполообразная колокольня на юго-западном ее углу.

Когда западная дверь часовни распахнулась, мистер Дэвидсон не смог сдержать восклицания восторженного изумления при виде совершенства и роскоши интерьера. Резьба на оградах, кафедра, сиденья, стекло — все относилось к одному периоду, а когда он зашел в неф и увидел орган с золотыми чеканными трубами, его чаша наслаждения оказалась переполненной. Окна в западной галерее были частично покрыты гербами, а скульптуру на алтаре можно было сравнить с работой лорда Скадамора в Дорском аббатстве.

Но я сочиняю не археологический обзор.

Пока мистер Дэвидсон был занят изучением органа (считается работой Далламса, по-моему), старый мистер Эйвери проковылял к алтарю и стал поднимать с синих бархатных подушек на сиденьях пыльное покрывало. Очевидно, эти кресла предназначались для семейства.

Мистер Дэвидсон услышал, как тот тихо с удивлением произнес:

— Ой-ой-ой, вот уж действительно!

Миссис Портер подошла к отцу, и они стали разговаривать приглушенными голосами. Мистер Дэвидсон понял, что произошло что-то необычное, поэтому он спустился вниз по ступенькам галереи и присоединился к ним. Алтарь был в таком же состоянии, как и все остальное в часовне, то есть в абсолютном порядке, лишь восемь молитвенников на подушках сидений были раскрыты.

Этот факт привел миссис Портер в раздраженное настроение.

— Кто же это мог сделать? — воскликнула она. — Ключ только у меня, дверь тут одна, на окнах решетки, причем на каждом… не нравится мне все это, отец, не нравится.

— Что случилось, миссис Портер? Что-то не так? — полюбопытствовал мистер Дэвидсон.

— Да нет, сэр, все в порядке, вот только эти книги. Каждый раз, как я прихожу сюда прибирать, я закрываю их и кладу сверху покрывало, чтобы уберечь их от пыли, и делаю это с тех пор, как начала здесь работать, — мне мистер Кларк так велел. А они опять открыты, и все время на одной и той же странице… вот я и спрашиваю, кто мог такое сделать, если и окна, и дверь за-

перты, к тому же, когда приходишь сюда одна, как это приходится делать мне, становится не по себе, сама-то я не пугаюсь… меня не так-то легко запугать, вот что хочу я сказать. И крысы тут не водятся… да и никакая крыса такого сделать не в состоянии, вы согласны со мной, сэр?

— Да уж, крыса на такое вряд ли способна, но все звучит очень странно. Вы говорите, что они всегда открыты на одном и том же месте?

— Всегда, сэр, на одном и том же, на псалме. И поначалу на это я внимание не обратила, а потом я заметила строчку, напечатанную красной краской, и теперь она все время бросается мне в глаза.

Мистер Дэвидсон подошел к сиденьям и взглянул на открытые книги. Действительно, все на одной странице: Псалом CIX, и в начале его, как раз между номером и *«И сказал Господь Господу моему…»*, была пометка, выделенная красной печатью *«На 23 апреля»*. Несмотря на то что содержание «Книги общей молитвы» он знал плохо, этих знаний было вполне достаточно, чтобы определить, что перед ним довольно необычное и явно неположенное добавление к тексту. И хотя ему было известно, что 25 апреля является днем святого Марка, он никак не мог понять,

какое отношение к этому празднику имеет столь жестокий псалом. Охваченный дурными предчувствиями, он все же отважился перелистать страницы и взглянуть на титульный лист.

Прекрасно сознавая, что подобное изучение требует тщательности, он потратил на рассматривание его десять минут. Там стояла дата: 1653 год; печатника звали Энтони Кэдмэн.

Потом он решил посмотреть содержание с указанием, какому псалму соответствует какой день, и да, там оказалась то же самое непонятное добавление: *«На 25 апреля 109-й Псалом»*.

Эксперт уделили бы данному молитвеннику, несомненно, гораздо больше времени, но наш герой, как я уже и говорил, экспертом не являлся. Тем не менее он внимательно осмотрел переплет — очень красивый, из тисненой синей кожи, с гербами, которые красовались на некоторых окнах нефа.

— И как часто, — наконец спросил он миссис Портер, — вы находили эти книги открытыми?

— Точно не скажу, сэр, но очень часто. Отец, ты помнишь, как я тебе рассказывала, что увидела это в первый раз?

— Помню, дорогая, ты еще так растревожилась, что и понятно. Пять лет назад это было, я приехал

к тебе в Михайлов день, и ты пришла к чаю и говоришь: «Отец, книги под покрывалом опять раскрыты», а я и не понял, что моя дочь хочет мне сказать, сэр, и говорю: «Книги?», да, так я и говорю; и так все и выяснилось. Но Гарри говорит… это мой зять, сэр… «Кто бы это мог быть, — говорит, — кто делает такое, дверь лишь одна, а ключ у нас, — говорит, — и окна в решетках, все до одного. Ну ладно, — говорит, — если бы я их поймал, во второй раз они бы сюда не полезли», — говорит. И точно не полезут, это уж точно, сэр. Пять лет назад это было, и так все и повторяется, как ты сама об этом и говоришь, дорогая. Молодой мистер Кларк, он об этом не задумывается, так ведь он тут и не живет, понимаете, и ему не надо приходить сюда и убираться, верно?

— Вы, как я предполагаю, странного ничего не замечаете, когда находитесь здесь, миссис Портер? — спросил мистер Дэвидсон.

— Нет, сэр, не замечаю, — ответила миссис Портер, — и это-то и непонятно, потому что мне кажется, будто здесь кто-то есть… нет, в другом месте, за оградой… и пока я вытираю пыль в галерее и со скамей, он глаз с меня не сводит. И все же никого страшнее себя, как говорится в пословице, я не видела и, надеюсь, и не увижу.

III

Последующий разговор (он был недолог) ничего нового не добавил к положению вещей. Дружески распрощавшись с мистером Эйвери и его дочерью, мистер Дэвидсон предпринял восьмимильную прогулку. Крошечная долина Брокстон вскоре привела его к более широкой Тента и к Стэнфорду Сент-Томас, где он и перекусил.

Нет нужды сопровождать его всю дорогу до Лонгбриджа. Но, когда перед обедом он переодевал носки, он вдруг замер и в полголоса произнес: «Клянусь Юпитером, это странно!» Только в эту минуту он осознал, что в 1653 году, то есть за семь лет до Реставрации и за пять до смерти Кромвеля, за подобное издание молитвенника, не говоря уже и о пользовании им, грозило уголовное разбирательство. Каким же отважным был тот человек, который поставил на титульный лист и свое имя, и дату. Но тут, правда, мистер Дэвидсон засомневался, было ли указано там имя — в те трудные времена заниматься книгопечатанием было крайне опасно.

Тем же вечером, когда он сидел в приемной «Лебедя» и изучал расписание поездов, к го-

стинице подъехал крохотный автомобиль, из которого вылез крохотный человечек в шубе. Остановившись на ступеньках, он стал давать указания своему шоферу — говорил он с каким-то лающим иностранным акцентом. Наконец, он вошел внутрь, и мистер Дэвидсон увидел, что у него черные волосы и бледное лицо с чуть заостренной бородкой и с золотым пенсне; одет он был очень опрятно.

Человечек сразу отправился к себе в номер, и мистер Дэвидсон встретился с ним вновь лишь за обедом. Так как в тот вечер обедали только они двое, новый постоялец без труда нашел предлог, дабы завести беседу. Его сильно интересовал вопрос, зачем мистер Дэвидсон приехал в эти места в столь неподходящее время года.

— Вы не знаете, далеко ли отсюда до Арлингуорта? — так прозвучал один из первых его вопросов. Таким образом, стало сразу понятно, что его привело сюда — мистер Дэвидсон вспомнил, что видел на станции объявление о распродаже в Арлингуорт Холле старой мебели, картин и книг. Стало быть, это перекупщик из Лондона.

— Нет, — ответил он, — я там никогда не бывал. Кажется, он за Кингсбурном… миль двадцать, по-моему. Насколько я понимаю, там предстоит

распродажа. — Его собеседник пытливо оглядел его, и мистер Дэвидсон рассмеялся. — Нет, — сказал он, словно отвечая на вопрос, — не бойтесь, я не являюсь вашим конкурентом. Завтра я уезжаю.

Обстановка разрядилась, и перекупщик, которого звали Хомбергер, признался, что его интересуют книги и что он надеется найти что-нибудь в старой библиотеке поместья, что возместило бы его расходы на дорогу.

— Ведь мы, англичане, обладаем редким талантом, — заявил он, — собирать редкости в самых неожиданных местах, верно?

Далее он рассказывал о различных находках, сделанных им или другими.

— После распродажи хочу немножко побродить по округе, и, может, мистер Дэвидсон, вы подскажете, что стоит повидать?

Но мистер Дэвидсон несмотря на то, что заметил в Брокстон Корте несколько довольно заманчивых запертых книжных шкафов, оставил свои советы при себе. Дело было в том, что мистер Хомбергер ему не понравился.

На следующий день, когда он уже ехал в поезде, загадка прошедшего дня чуть-чуть перестала быть загадкой. Совершенно случайно он вынул

из чемодана ежедневник на новый год — он купил его недавно — и решил посмотреть, какие же знаменательные события произошли 25 апреля.

Там было написано:

> День святого Марка. В 1599 году родился Оливер Кромвель

Сие вкупе с росписью на потолке наводило на размышления. И старая леди Сэдлер обрела более реальный облик в его воображении. Она стала ему видеться женщиной, чья любовь к Церкви и Королю постепенно сменилась огромной ненавистью к власти, которая заставила замолчать первую и убила второго. Интересно, какую черную мессу она и подобные ей совершали год за годом в этих столь отдаленных местах? И каким образом удавалось ей обманывать власти? Возникает еще один вопрос: а не взаимосвязано ли столь упорное открывание книг на одной и той же странице с некоторыми деталями на ее портрете, который он видел? Было бы любопытно 25 апреля оказаться в часовне Брокстона и посмотреть, а не случится ли там чего-нибудь сверхстранного. И почему бы ему не приехать сюда самому, ему с каким-нибудь своим близким другом. И он решил, что так и поступит.

Понимая, что в публикациях молитвенников он ничего не смыслит, он пришел к выводу, что необходимо в этом вопросе разобраться получше, но скрыв тому истинные причины. Хочу сообщить сразу, что сие его занятие принесло свои плоды. Один писатель начала девятнадцатого века, чьи рассуждения о книгах были довольно пустыми и напыщенными, заявлял, что слышал об особом антикромвельском издании молитвенника во времена самого расцвета Английской республики. Правда, он не утверждал, что видел эту книгу сам, и посему ему никто не поверил. Более внимательно изучив эту историю, мистер Дэвидсон обнаружил, что сие утверждение основано на письмах от человека, жившего близ Лонгбриджа. По этой причине мистер Дэвидсон склонился к мысли, что имеются в виду брокстонские молитвенники — это взволновало и заинтересовало его.

Шли месяцы, приближался день святого Марка. Планам посещения Брокстона ничего не препятствовало, также ничто не мешало поездке и его друга, которого он уговорил ехать с ним и кому единственному мог доверить свой секрет. В Кинсбурн они направлялись тем же самым поездом в 9.45, что вез его и в январе; до Брокстона они доби-

рались той же самой дорогой через поля. Только на сей раз они часто останавливались и обрывали первоцвет; а отдаленные леса и вспаханные земли были уже других красок, поднимались всходы, и, как говорила миссис Портер, «от щебета птиц совершенно невозможно собраться с мыслями».

Мистера Дэвидсона она узнала в ту же минуту и проводила друзей в часовню, чье совершенство столь же поразило нового гостя, мистера Уитама, как и мистера Дэвидсона до него.

— В Англии другой такой нет, — объявил он.

— Книги опять раскрыты, миссис Портер? — спросил Дэвидсон, когда они направились к алтарю.

— Да, Господи, думаю, да, сэр, — сказала миссис Портер, поднимая покрывало. — Батюшки! — тут же воскликнула она. — Да они закрыты. В первый раз с ними такое случается. Но уверяю вас, джентльмены, я тут ни при чем, я их всегда закрываю. Вот на прошлой неделе я прямо перед уходом накрыла их покрывалом, тогда еще джентльмен фотографировал окно наверху, и все они были закрыты, и даже ленточки я завязала. А ведь если подумать, раньше я ленточки не завязывала, и похоже, что именно это и помогло. Что ж, такое лишь доказывает, что терпение и

труд все перетрут.

Тем временем двое мужчин изучали книги, и Дэвидсон сказал:

— Простите, миссис Портер, но я боюсь, случилось несчастье. Это не те книги.

Пересказать подробно, какие слова выкрикивала миссис Портер и какие вопросы задавали джентльмены, займет много времени. Суть заключалась в следующем.

Один джентльмен в начале января приехал ознакомиться с часовней. Он долго ее осматривал, а потом сказал, что приедет весной фотографировать. И как раз неделю назад он подкатил на своем автомобильчике, и был у него с собой тяжелый ящик с диапозитивами, и она закрыла его в часовне, потому что он что-то сказал о долгой вспышке, и она испугалась, как бы чего не загорелось, а он говорит, нет, никакого огня не будет, просто фотокамера долго работает; и был он там очень долго, и, когда она его выпустила, он уехал со своим ящиком и оставил свою визитную карточку, и, о господи, господи, только подумать, должно быть, он поменял книги и забрал старые с собой в этом ящике.

— А каким он был, этот человек?

— О господи, маленький такой джентльмен,

если его только можно так назвать… вел он себя… с черными волосами, если волосы это были, и золотые очки, если золотые… не знаешь теперь, что и думать. Может, он вовсе и не англичанин, хотя говорил-то он по-английски, да и имя на визитной карточке вполне обычное.

— Вот как, а можно поглядеть на карточку? Так, Т У. Хендерсон, живет неподалеку от Бристоля. Ну вот что, миссис Портер, совершенно ясно, что этот мистер Хендерсон, как он себя называет, забрал ваши восемь молитвенников, а взамен подложил другие. А теперь послушайте меня. Мужу своему вы, конечно, обо всем расскажите, но больше об этом не говорите никому. Если вы дадите мне адрес вашего поверенного — мистера Кларка, так кажется? — я напишу ему и объясню, что произошло и что вы ни в чем не виноваты. Но вы же понимаете, что мы все обязаны хранить в секрете и по какой причине? Потому что человек, укравший эти книги, обязательно попытается их продать — они очень дорого стоят, — а единственный способ поймать его — это смотреть в оба и молчать.

Посредством повторения этого совета в различных выражениях им удалось уговорить миссис Портер хранить молчание. Уступить им при-

шлось лишь в одном — через несколько дней ожидался мистер Эйвери.

— Но насчет отца вы не сомневайтесь, — сказала миссис Портер. — Отец не из болтливых.

У мистера Дэвидсона, правда, было иное мнение по этому вопросу, но поблизости от Брокстона никто не проживал, а мистер Эйвери и сам догадается, что ежели кто об этом узнает, то Портерам придется искать другую работу.

Напоследок миссис Портер был задан вопрос, приезжал ли так называемый мистер Хендерсон один или с кем-нибудь еще.

— Нет, сэр, ни с кем. Сам вел автомобиль… и багаж… так, там была камера и ящик… я помогла ему занести их в часовню, и обратно я тоже помогла ему их вынести… ах, если бы я только знала! А когда он доехал до большого тиса у памятника, я заметила на крыше машины длинный белый сверток, а раньше, когда он приехал, я его не видела. А сидел он впереди, сэр, а внутри лежали только книги, сзади. А вы и вправду верите, сэр, что его зовут Хендерсон? Боже ж ты мой, какой ужас! Только подумать, сколько бед можно причинить ни в чем не повинному человеку… да я б его сюда и не впустила!

Они оставили миссис Портер всю в слезах. По

дороге домой они решали вопрос, как лучше следить за возможными местами распродаж. Этот Хендерсон-Хомбергер (о том, что им был один и тот же человек, сомнений не возникало), очевидно, привез с собой необходимое количество молитвенников в четверть листа — ненужные копии из церквушек при колледжах и еще откуда-нибудь, купленные единственно из-за их переплетов, абсолютно идентичных старым, — и, воспользовавшись случаем, подменил их на оригиналы. Прошла неделя, но на рынках книги не появлялись. По-видимому, он решил потратить некоторое время, чтобы узнать истинную ценность книг, и лишь потом осторожно «выставить их на продажу». За этот промежуток Дэвидсон с Уитамом прекрасно изучили книжный деловой мир и научились разбивать его по районам. Их единственное слабое место заключалось в том, что им было неизвестно, под каким именем или именами Хендерсон-Хомбергер известен в этом мире. Но и эту проблему можно было разрешить.

Тем не менее все их планы оказались ни к чему.

IV

Теперь перенесемся в одну лондонскую контору. Сегодня 25 апреля. Вечер, двери заперты, внутри два инспектора полиции, швейцар и юный служащий. Двое последних, оба очень бледные и сильно взволнованные, сидят на стульях. Их допрашивают.

— Так, как долго, вы утверждаете, вы работаете у этого мистера Пошвица? Шесть месяцев? А чем он занимался? Посещал распродажи в различных местах и приносил домой свертки с книгами. Он держал где-нибудь магазин? Нет? Продавал их по случаю, а иногда и частным коллекционерам. Правильно. И когда он уезжал в последний раз? Более недели назад? Сказал он, куда ездил? Нет? Сказал, что уедет из дома и на работе его не будет… то есть здесь, так?.. за два дня; вам же надо было приходить, как обычно. А где он живет? Ага, вот адрес… Норвуд Уэй… ясно. Семья имеется? Не здесь? Так, что вы можете рассказать о том, что произошло здесь после его возвращения? Вернулся во вторник, правильно? А сегодня суббота. Привез с собой какие-либо книги? Один пакет; где он? В сейфе? Ключ у вас есть? Нет; да,

он, разумеется, открыт. Как он выглядел, когда вернулся… веселый? Хорошо… что значит «странный»? Сказал, что, кажется, заболел, да… так он сказал? Странный запах у него в носу, никак не мог от него избавиться; попросил докладывать ему о том, кто захочет его видеть прежде, чем впускать? На него это было непохоже? То же самое происходило в среду, четверг, пятницу. Подолгу отсутствовал; сказал, что пойдет в Британский музей. Часто туда ходил по вопросам своего дела. Когда был в конторе, все ходил взад и вперед. Кто-нибудь заходил к нему в эти дни? В основном когда он отсутствовал. Кто-нибудь застал его? Ну да, мистер Коллинсон? Кто такой мистер Коллинсон? Старый покупатель… знаете его адрес? Хорошо… дадите потом. Теперь… что произошло сегодня утром? Вы оставили мистера Пошвица в двенадцать и пошли домой. Кто-нибудь видел вас? Вы швейцар? Оставались дома, пока вас не вызвали сюда. Хорошо.

— Теперь швейцар; у нас записано ваше имя… Уоткинс, так? Отлично, выслушаем ваше заявление, только не торопитесь, нам требуется его записать.

— На дежурстве я задержался, так как мистер Пошвиц попросил меня остаться и подать ему

ленч, который был доставлен, как обычно. Я находился в вестибюле с одиннадцати тридцати и видел, как мистер Блай (служащий) ушел около двенадцати. После этого никого не было, только ленч мистера Пошвица принесли в час, и разносчик ушел через пять минут. Я устал ждать и пошел наверх, на второй этаж. Дверь в контору была открыта, я вошел и остановился у зеркальной двери. Мистер Пошвиц стоял у стола и курил сигару; положив ее на камин, он вынул из кармана брюк ключ и подошел к сейфу. Я постучал в стекло, надеясь, что он меня впустит и заберет поднос, но он не обратил внимания, а все возился с дверью сейфа. Наконец он ее открыл и, склонившись, стал вынимать из сейфа сверток. И потом, сэр, я увидел, что сверток был из старой белой фланели, четырех-пяти футов в длину. Он прямо выпал из сейфа и ударил мистера Пошвица по плечу — тот как раз наклонился; и мистер Пошвиц выпрямился, схватил сверток и вскрикнул. И боюсь, что вы мне не поверите, сэр, но я увидел на верхнем конце свертка что-то вроде лица — это сущая правда. Я и сам был очень удивлен, честное слово, а чего я только не видал за свою жизнь. Да, я могу его описать, сэр. Цветом оно было как вот эта стена (стена была

выкрашена в землистого цвета клеевую краску), и шея перевязана какой-то лентой. А глаза такие высохшие… будто два огромных паука в дырках. Волосы? Нет, волос видно не было; голова была завернута во фланель. Я уверен, что это было не то, чем оно должно было быть. Нет, я видел это лишь мельком, но запомнил так отчетливо, словно сфотографировал… о чем сильно жалею. Да, сэр, оно упало прямо на плечо мистеру Пошвицу, и это лицо скрылось у него в шее… да, сэр, именно там, где теперь рана… будто хорек вцепился в кролика. И он упал и покатился, а я, конечно, попытался открыть дверь, но, как вам уже известно, сэр, она была заперта изнутри, и все, что я смог сделать, это всем позвонить, и приехал врач, и полиция, и вы, джентльмены, и вам известно все, что и мне. Если у вас больше нет ко мне вопросов, я был бы рад отправиться домой, я очень плохо себя чувствую из-за всего этого.

— Ну, — произнес один из инспекторов, когда они остались одни, — и…

— Ну? — вопросил другой инспектор после недолгого молчания. — Каково заключение врача? Вот оно. Да. Состав крови будто после укуса очень ядовитой змеи; смерть почти мгновенная. Я даже рад этому, он так ужасно выглядел. За-

держивать этого Уоткинса смысла не имеет — с ним и так все ясно. А что делать с этим сейфом? Пойдем посмотрим на него еще раз; кстати, мы так и не глянули, что там в свертке, с которым он возился, когда все это приключилось.

— Только осторожнее, — посоветовал другой, — а вдруг там и впрямь змея? И посвети по углам сейфа. В нем достаточно места, чтобы маленький человек мог поместиться, вот только вентиляция?

— Может быть, — медленно произнес первый, осветив сейф электрическим фонариком, — может быть, много воздуха тут и не требуется. Ой, мамочка! Отсюда прямо бьет тепло! Как из печки, правда-правда. Слушай, а что это за пыль разбросана по всей комнате, будто сугробы? Она должна была развеяться, когда дверь открыли… ее должно было унести сквозняком… понимаешь? Что ты об этом думаешь?

— Думаю? То же, что и об остальном всем деле. Насколько я понимаю, еще один таинственный случай в Лондоне. Думаю, что ящик для фотографий, полный старыми молитвенниками, вряд ли нам поможет. Этот сверток предназначен как раз для них.

Высказывание сие было естественным, но по-

спешным. Все предыдущее повествование, тем не менее, доказывает, что для разрешения этого дела материала было предостаточно; и, когда месье Дэвидсон и Уитам добрались до Скотланд-Ярда, все концы сошлись с концами и круг замкнулся.

К облегчению миссис Портер, владельцы Брокстона пришли к решению не возвращать книги в часовню; кажется, они хранятся в городском банковском сейфе. У полиции имеются свои методы скрывать определенные дела от прессы; в противном случае вряд ли бы рассказ Уоткинса о смерти мистера Пошвица ускользнул бы от журналистов.

Соседская межа

Те, кто очень любит читать или сам пишет, при виде любого скопления книг немедленно к ним бросаются. Такие люди не в состоянии пройти мимо книжного прилавка, магазина, даже обычной полки в спальне, чтобы не ознакомиться с заголовками. Ну, а когда они оказываются напротив чужой семейной библиотеки, хозяину не приходиться мучить себя мыслями, чем бы занять гостя. Такой гость мгновенно начинает ставить разбросанные книги на место и приводить в порядок книжные ряды, которые служанка, вытирая пыль, оставила в угрожающем состоянии. Подобному занятию я как раз и посвящал серый дождливый августовский день в Беттон Корте. Случайно раскрыв издание ин-октаво восемнадцатого века, дабы взглянуть «о чем там бишь она», я через пять минут пришел к выводу, что чтение ее заслуживает, дабы с ней уединиться…

— Вы начали свой монолог в истинно викторианской манере, — заметил я, — продолжение ожидается таким же?

— Вспомните, будьте добры, — ответил мой друг, глядя на меня поверх очков, — что я —

викторианец, как по происхождению, так и по образованию, и что викторианское древо может принести отнюдь не викторианские плоды. К тому же подумайте, сколь много умной и зрелой чепухи о викторианском веке написано ныне. Возьмем, к примеру, эту статью, — продолжал он, положив на колени бумаги, — «Пораженные годы» в литературном приложении к «Таймс»… в состоянии? Разумеется, в состоянии; но ах, душа моя и тело, будьте любезны, передайте ее мне, она на столе рядом с вами.

— Я-то предполагал, что вы собираетесь прочитать мне что-нибудь, что сами написали, — сказал я, не пошевелившись, — но, конечно…

— Да, разумеется, — ответил он. — Хорошо, начну со своего рассказа. Но мне бы очень хотелось потом объяснить, что я имею в виду. Ладно… — И, поправив очки, он взял исписанные листы бумаги. — …с ней уединиться. В Беттон Корте давным-давно были слиты вместе две загородных библиотеки, и ни один из последующих работников обоих фондов даже не потрудился, чтобы сделать хоть какой-нибудь отбор или списать дубликаты. Хочу сразу заметить, что не собираюсь рассказывать о том, какие редкости могли оказаться там: ни об ин-кварто Шекспира, пере-

плетенном в один переплет с политическими трактатами, ни о чем либо подобном. А хочу вам поведать о происшествии, которое случилось там со мной… это происшествие я совершенно не в состоянии объяснить, так как все случившееся абсолютно не укладывается в рамки моего привычного образа мыслей.

Как я уже и говорил, был дождливый августовский день, и ветреный, и теплый. За окном качались мокрые от дождя огромные деревья. Меж ними проглядывала земля зеленых и желтых красок (поместье находится высоко на холме), а вдали за пеленой дождя синели горы. В вышине беспокойно и безнадежно неслись к северо-западу низкие облака. Я отложил свою работу — если это можно было назвать работой — и застыл у окна, глядя на все, что я описал: и на зеленую крышу дома справа, с которой стекала вода, и на церковную башню, что высилась рядом со зданием. Все благоприятствовало тому, чтобы спокойно продолжать работу — погода явно прояснится не скоро. Поэтому я вернулся к полкам, вытащил восемь или девять томов, озаглавленных «Трактаты», и положил их на стол, дабы просмотреть повнимательнее.

Большая их часть относилась ко времени прав-

ления королевы Анны. Там были «Последний мир», «Последняя война», «Манеры иностранцев», а также «Письма к члену собрания», «Проповеди, прочитанные в церкви Святого Михаила», Куинхита, «Вопросы, заданные обвиняемым преподобным отцом Лордом, епископом Уинчестерским (или Уинтонским) духовенству» — все было написано крайне живым и достаточно остроумным языком, и я склонился к мысли устроиться в кресле у окна и уделить им времени поболее, чем я намеревался сначала. Помимо прочего я устал. Часы на церковном здании пробили четыре, и действительно было четыре, так как в 1889 году часы в летнее время еще не переводили на час назад.

Итак, я устроился. Сначала я проглядел какие-то памфлеты времен войны и загордился собой, так как среди неопознанных узнал по стилю Свифта. Но военные памфлеты требовали более обширных знаний географии Нидерландов. Посему я обратился к религии и прочитал несколько страниц, сообщавших о том, что именно сказал Обществу по распространению знания христианства кентерберийский декан по случаю празднования его годовщины в 1711 году. Когда я приступил к письму от некоего священ-

нослужителя из захолустья епископу К-рскому, я почувствовал, что утомился, и поэтому несколько секунд бесстрастно глазел на следующий отрывок, не понимая его сути:

«С подобным оскорблением (а я полагаю, что имею полное право употреблять именно сие слово) умоляю вас, Ваше Преосвященство (если то вам известно) приложить все усилия ваши, дабы покончить с ним раз и навсегда. Но я не сомневаюсь, что вам оно известно единственно по (словам деревенской песенки):

Тот, кто в Беттонском лесу гуляет,
Знает сам, зачем гуляет и рыдает».

Тут я, разумеется, выпрямился и стал водить пальцем по строчкам, чтобы убедиться в том, что прочитал их правильно. Но я не ошибся. Из оставшейся части памфлета ничего дополнительного выяснить не удалось.

В следующем абзаце тема определенно менялась. *«Но на эту тему я уже достаточно говорил»* — так начинался он.

К тому же священнослужитель оказался настолько осмотрительным, что не только не указал свое имя, но и воздержался от инициалов, хотя и опубликовал свое письмо в Лондоне.

Такая загадка любого заинтересует, а меня, сильно увлекающегося работами по фольклору, она сильно взволновала. И я решил разгадать ее… то есть выяснить, что скрывается за этими словами.

К тому же мне повезло: я наткнулся на этот абзац не в какой-нибудь библиотеке отдаленного колледжа, а прямо в Беттоне — месте событий.

Часы на здании церкви пробили пять, и прозвучал гонг. Что означало приглашение к чаю. Я поднялся из глубокого кресла и повиновался зову.

В поместье обитали лишь мы с хозяином. Вскоре появился и он, весь промокший в ходе выполнения обязанностей владельца поместья и переполненный местными новостями, которые мне пришлось выслушать прежде, чем я сумел задать ему вопрос, существует ли в приходе место, известное как Беттонский лес.

— Беттонский лес, — ответил он, — в миле отсюда, как раз на гребне беттонского холма, и мой отец вырубил его окончательно, когда решил, что лучше выращивать пшеницу, чем корчевать дубы. А зачем вам Беттонский лес?

— Затем, что в старом памфлете, который я как раз читаю, — объяснил я, — приведены две

строчки из деревенской песенки, где он упоминается. И похоже, что с ним связана какая-то история. Некто говорит, что кому-то известно не больше, чем

Тот, кто в Беттонском лесу гуляет,
Знает сам, зачем гуляет и рыдает.

— Боже ты мой, — воскликнул Филипсон, — хотел бы я знать, может, именно поэтому… Я должен порасспросить старого Митчелла.

Он что-то еще пробормотал себе под нос и принялся задумчиво пить чай.

— Что именно поэтому?.. — поинтересовался я.

— Да я хотел сказать, что именно поэтому отец и вырубил этот лес. Хотя я и сказал, что для того, чтобы иметь больше земли для пашни, но точно я не знаю. Он ведь так и не посадил там ничего, сейчас там все заросло травой. Но есть один старик, который может кое-что вспомнить… старый Митчелл. — Он посмотрел на часы. — Клянусь, пойду к нему прямо сейчас и расспрошу. Вас с собой я взять не могу, — продолжал он, — он не станет рассказывать незнакомым о том, что считается странным.

— Хорошо, только подробно запомните все, что он расскажет. Ну а я, если прояснится, пойду

погуляю, а если нет, продолжу смотреть книги.

Но погода прояснилась, во всяком случае достаточно для того, что дойти до ближайшего холма и полюбоваться сверху округой. Расположение местности мне было не известно — я впервые приехал к Филипсону и пребывал там первый день. Поэтому я спустился в сад и в прекрасном настроении пробрался сквозь мокрые кусты.

Смутный порыв — смутный ли? — которому я сопротивляться не стал, побудил меня свернуть влево, где тропа расстраивалась. Через десять минут прогулки меж влажных кустов лавра и бирючины я оказался перед каменной аркой в готическом стиле в каменной же стене, которая окружала целый участок. На двери висел замок, и я, когда вошел внутрь, предусмотрительно оставил висеть его на створке ворот. Дорога привела меня к узкой ложбине между живой изгородью, тянущейся вверх. Ложбину эту, примерно в полмили длиной, я прошел неторопливым шагом и вышел в поле. И оказался в месте, откуда было прекрасно видно и поместье, и деревню, да и всю округу. Оперевшись на калитку, я бросил взгляд в западном направлении вниз.

Полагаю, нам всем хорошо известны пейзажи… Биркета Фостера или кого-то еще, более раннего

художника… которые в виде оттисков гравюр на дереве украшают томики поэзии, обычно лежащие на столах в гостиных наших отцов и дедов… книги в «дерматиновых тисненых переплетах» — кажется, так это называется. Хочу признаться, что обожаю их, в особенности те, на которых селянин, оперевшись на калитку в живой изгороди у подножия склона, обозревает шпиль деревенской церквушки, окруженной почтенного возраста деревьями, и плодородную равнину, всю пересеченную изгородями; а вдали виднеются горы, за которыми опускается (а может, и поднимается) дневное светило, освещая облака своими угасающими (или нарождающимися) лучами. Все слова, которые я сейчас использовал, вполне годятся для описания той картины, которую увидел я. И, если бы я обладал временем поболее, то использовал бы еще более возвышенную лексику, например дол, роща, хижина и поток. Во всяком случае, мне они представляются красивыми, эти пейзажи, и тот, который обозревал я, вполне им соответствовал. Он словно прямиком перенесся из «Перлов священных песен», составленных какой-то там леди и преподнесенных в подарок на день рождения Элеонор Филипсон в 1852 году ее возлюбленной подругой Миллисент Гр-

эйвз. И вдруг я вздрогнул, будто меня ужалили. Сильный резкий звук пронзил мое правое ухо и проник в голову. Он напоминал визг летучей мыши, только в десять раз сильнее — создавалось впечатление, что с мозгами что-то происходит. Затаив дыхание, я закрыл ухо рукой и весь затрепетал. Минуту-две, как мне почудилось, кровь во мне бурлила, затем я пришел в себя. Но перед уходом я решил запомнить увиденное. Но, когда я вновь бросил взгляд на пейзаж, вид изменился. Солнце опустилось за холм, и поля потемнели. Как только церковные часы пробили семь, меня перестали очаровывать покой мягкого вечера, ароматы цветов и лесов и то, как бы сказал кто-нибудь на ферме в миле-двух оттуда, «как чисто звучит после дождя беттонский колокол!». Взамен этого мне почудились пыльные кресты, ползущие пауки, совы на башне, заброшенные могилы с их жутким содержимым… будто время летит и летит вперед, а с ним улетучивается и моя жизнь. И в это мгновение мое левое ухо так близко, словно губы прикоснулись к нему, пронзил тот же безумный крик.

На этот раз сомнений не было — звук доносился снаружи. «Беззвучный вопль», — пронеслось у меня в голове. Я никогда за всю свою жизнь

не слыхал более страшного крика, но он звучал бесстрастно и, как мне показалось, безумно. И от этого крика исчезло всякое чувство радости, всякое ощущение наслаждения покоем. Оставаться тут я был не в состоянии. Поблизости, разумеется, никого не было видно, но я был убежден, что, если я задержусь хоть на минуту, этот беспредметный беспредельный крик раздастся вновь, а в третий раз я слышать его не желал. Я поспешно двинулся обратно по равнине и спустился вниз с холма. Но, подойдя к арке в стене, я остановился. Не заблужусь ли я, шагая по этим мокрым тропам теперь, когда становится все темнее и сырее! Нет, дело было не в том, что я просто испугался — этот крик на холме привел меня в такое состояние, что любая птичка в кусте или кролик могли довести меня до пароксизма страха. И я двинулся по дороге вдоль стены, и правильно сделал — вскоре я добрался до ворот и сторожки, откуда увидел, как по направлению к деревне поднимается Филипсон.

— И где же вы были? — спросил он.

— Я был на холме за равниной, что за каменной аркой в стене.

— Ах, вот как? Значит, вы были совсем рядом с бывшим Беттонским лесом — он находится как

раз на вершине и в поле.

Поверь мне, читатель, только в эту минуту я сложил два и два вместе. Рассказал ли я немедленно Филипсону о том, что произошло со мной? Нет. Прежде я никогда не сталкивался с тем, что зовется сверхъестественным, или аномальным, или нематериальным, и, хотя я и понимал, что это происшествие следует обсудить, меня в тот момент это не волновало — по-моему, я где-то читал, что обычно так оно и случается.

Поэтому я лишь произнес:

— А вы видели того старика?

— Старого Митчелла? Да, видел, и он мне кое-что рассказал. После обеда доложу. История действительно странная.

Таким образом, после обеда он начал подробно пересказывать тот диалог, который между ними произошел.

Митчелл, которому вскоре должно было исполниться восемьдесят, сидел в кресле. А его замужняя дочь, с которой он жил, готовила им чай.

Сперва последовали обычные приветствия.

— Митчелл, расскажите мне о лесе.

— Каком лесе, мастер Реджинальд?

— О Беттонском. Вы его помните?

Митчелл медленно поднял руку и обвиняющим жестом вытянул палец:

— Ваш отец, мастер Реджинальд, покончил с Беттонским лесом, вот что я вам скажу.

— Мне прекрасно это известно, Митчелл. И не надо глядеть на меня так, будто я в этом виноват.

— Вы виноваты? Нет, я говорю, это ваш отец сделал еще до вас.

— Верно, и уж если говорить правду, то посоветовал ему это сделать ваш отец, и я хочу знать почему.

Митчелл слегка удивился.

— Вообще-то, — сказал он, — мой отец служил лесорубом у вашего отца, а до него у вашего деда, и если он и не знал, как подобает себя вести, то с обязанностями своими справлялся. А если он и дал ему такой совет, то на это у него были свои причины, почему бы нет?

— Ну, конечно, да, вот я и хочу знать, какие у него были причины.

— Послушайте, мастер Реджинальд, почему вы думаете, что я знаю эти причины, когда все это было так давно?

— Разумеется, это было очень давно, и вы вполне могли все забыть, если вы вообще их

знали. Значит, мне придется пойти к старому Эллису — может, он вспомнит.

Это произвело эффект, на который я и надеялся.

— Старый Эллис! — проворчал он. — Впервые слышу, чтобы старый Эллис на что-нибудь годился. Я-то думал, что вы и сами это знаете, мастер Реджинальд. Неужто вы думаете, что старый Эллис знает больше о Беттонском лесе, чем я, да и кто он такой, хотел бы я знать. Его отец лесорубом не работал, он земли пахал — вот кем он был, и это все знают. Вам все об этом могут сказать, вот так-то.

— Хорошо, Митчелл, но если вам что-то известно о Беттонском лесе, но рассказать вы мне об этом не хотите, то что мне тогда остается делать — пойти к другому, а старый Эллис жил здесь тогда же.

— Он восемнадцать месяцев здесь не жил. Да и кто говорит, что я ничего не расскажу вам о Беттонском лесе? Пожалуйста, только странная это история, и не стоит она того, чтобы о ней знали у нас в приходе. Лиззи, побудь пока на кухне. Нам с мастером Реджинальдом надо поговорить наедине. Только вот что скажите мне, мастер Реджинальд, а почему это вы решили меня спро-

сить сегодня об этом?

— Ну, хорошо. Ходят слухи, что в Беттонском лесу кто-то гуляет. И я подумал, а не связано ли это с тем, что его когда-то вырубили, — вот и все.

— Да, вы правильно поступили, мастер Реджинальд, раз такое услышали; и никто в приходе не расскажет вам лучше об этом, чем я, не говоря уже о старом Эллисе. Так вот, значит, самая короткая дорога к ферме Аллена проходила через лес, и, когда мы были маленькими, моя бедная матушка несколько раз в неделю ходила на ферму за молоком, потому что мистер Аллен держал эту ферму по разрешению вашего отца, и он был хорошим человеком и тем, у кого была семья, разрешал брать молоко. Но сейчас это не важно. И бедная моя матушка очень не любила ходить через лес, потому что много нехорошего говаривали об этом месте, ну то, что вы только что сказали. Но время от времени, когда ей приходилось идти поздно после работы, шла она короткой дорогой через лес, и приходила она сильно взволнованная, честное слово.

Я помню, как они с отцом об этом говорили, и он говорил: «Послушай, Эмма, ничего плохого оно тебе не сделает», — а она говорила: «Да! Но ты себе даже представить не можешь, что это такое,

Джордж. Оно проходит прямо мне в голову, — говорит, — и это меня прямо с толку сбивает, будто я не знаю, где я. Видишь ли, Джордж, — говорит она, — ты-то там не ходил в сумерках. Ты ведь там только днем ходишь?» А он говорит: «Естественно, я же не дурак!»

И так они и продолжали.

Шло время, и мне кажется, что все это ее изматывало; понимаете, ходить за молоком до полудня смысла не было, а детей вместо себя она не посылала — боялась, что мы напугаемся. И нам она ничего не рассказывала. Говорила: «Нет, достаточно, что мне плохо. Не хочу, чтобы кто еще такое пережил, да и говорить об этом не следует». Однажды, я помню, она говорит: «Сначала что-то шуршит в кустах и быстро-быстро идет, то ли ко мне, то ли за мной, смотря, какой час, а потом кричит, и тебя будто пронзает от уха до уха, и если я иду совсем поздно, то оно два раза кричит; только, слава Богу, три раза я никогда не слышала». И тогда я спросил ее, говорю: «Получается, что кто-то все время бродит туда-сюда, да?», а она говорит: «Да, и чего ей только надо, не понимаю». А я говорю: «Так это женщина мама?», а она: «Да, говорят, это женщина».

Ну вот, и мой отец сказал вашему отцу, что

лес — плохой лес. «И дичи в нем нет, и птицы гнезда не вьют там, — говорит, — и вам он ни к чему». Ну, после таких вот разговоров ваш отец пришел на мать мою поглядеть, и увидел он, что она не из тех глупых женщин, что впадают в панику по любому случаю, и тогда он решил, что что-то там есть, после чего порасспрашивал соседей, и что-то такое он решил и написал на бумаге — вы ее точно найдете у себя, мастер Реджинальд. А потом отдал приказ, и лес был выкорчеван. Все днем они сделали, помнится, а я там после трех никогда не бывал.

— А объяснения они какие-нибудь нашли, Митчелл? Кости там какие-нибудь или еще что?

— Ничего они не нашли, мастер Реджинальд, только след от изгороди да канаву в самом центре, примерно там, где сейчас боярышник растет. Да и если бы кто там и был, они бы его нашли. Только не знаю, стало ли от этого лучше. Народ здешний эти места не любит, точно так же, как и прежде.

— Вот что я выяснил у Митчелла, — заключил Филипсон, — так что остались мы при том же. Хочу поискать эту бумагу.

— А почему ваш отец никогда вам об этом не рассказывал? — спросил я.

— Вы же знаете, что он умер еще до того, как я пошел в школу. Я полагаю: не хотел пугать такой историей нас, детей. Как-то раз мы убежали в эту долину и вернулись очень поздно, зимой это было, так нянька меня долго трясла, а потом даже ударила; но никто нас не останавливал, когда мы днем ходили в лес, если нам хотелось… только нам не хотелось.

— Гм! — буркнул я. — А вы сможете найти эту бумагу?

— Да, — ответил он, — смогу. Она наверняка в буфете, который стоит прямо за вашей спиной. Там есть пара связок, отложенных специально, я иной раз их просматриваю, и там есть конверт с надписью *Беттонский лес*, но, так как Беттонского леса больше не существует, я думал, что ничего интересного внутри нет, вот я его и не открывал. Что ж, сделаю это сейчас.

— Но прежде подумайте, — произнес я (мне все еще не хотелось рассказывать о том, что пережил я, но решил, что время для этого наступило), — может быть, Митчелл был прав, когда говорил, что вырубка леса ничего не дала.

И я поведал то, что вам уже известно. Нет нужды сообщать, что Филипсона мой рассказ крайне заинтересовал.

— Так это происходит до сих пор? — воскликнул он. — Поразительно. Слушайте, а может, сходим туда сейчас вместе и посмотрим, что там происходит?

— Ни за что на свете, — отказался я, — если бы вы сами это пережили, то вам бы очень захотелось находиться миль за десять от этого места. Ладно, что об этом говорить. Лучше откройте конверт и прочтите, что написал ваш отец.

Так он и сделал, внутри оказалось три или четыре исписанных листа. Начинались записи с цитаты из «Гленфинласа» Скотта, которая показалась мне удачно выбранной:

Где бродит, говорят, кричащий дух.

Далее следовал пересказ разговора отца моего хозяина с матерью Митчелла, из которого я переписал лишь следующее:

Я спросил ее, не видала ли она что-либо, что могло, по ее мнению, издавать эти звуки. Она ответила, что не раз, когда шла она через лес очень поздно, ей приходилось постоянно оборачиваться, так как из кустов доносился шорох, и казалось ей, что видит она кого-то в лохмотьях, простиравшего перед собой руки и очень быстро

идущего, и тогда она бежала к приступке через изгородь и по дороге не единожды все платье себе изодрала.

Затем он обратился еще к двум людям, но они боялись ему что-либо рассказывать. Они думали, что, помимо прочего, потеряют тем самым уважение в приходе. Однако одну из них, миссис Эмму Фрост, он все-таки уговорил повторить то, что рассказывала ей ее мать.

Ходят слухи, что была титулованная леди, которая дважды выходила замуж, и первого ее мужа звали Браун, а может, и Брайан («Да, в поместье до того, как оно перешло к нашей семье, проживали Брайаны», — вставил Филипсон), и она перенесла межу своего соседа и отхватила огромный кусок лучшего пастбища в Беттонском приходе, а оно принадлежало по закону двум детям, и никто не заступился за них, и говорят, что потом дела ее шли все хуже и хуже, и тогда она совершила подлог и получила тысячи фунтов в Лондоне, и в конце концов было доказано, что бумаги фальшивые, и ее судили и приговорили к смертной казни, но она как-то избежала ее. Но никто не смог снять проклятие с тех, кто перенес межу, поэтому говорят, что она не может покинуть

Беттон, пока кто-нибудь не восстановит границу.

Документ кончался записью следующего содержания:

Я очень сожалею, что никак не могу узнать, кому принадлежали ранее поля, примыкающие к лесу. Если бы я смог найти их потомков, я бы сделал все возможное, чтобы возместить им убыток за все прошедшее время, потому что нет сомнений в том, что лес таинственным образом кто-то тревожит, и именно так, как о том говорят местные жители. Так как в данный момент мне неизвестно, каковы размеры присвоенной незаконно земли и кто ее истинные хозяева, я вынужден извлекать из общей сумму дохода ту часть, которая относится к этому участку земли, и ежегодно передавать сумму за пять акров на общественные нужды прихода и на благотворительность. Надеюсь, что и потомки мои станут придерживаться моего обычая.

Вот и все, что касается бумаги мистера Филипсона-старшего. Те же, кто, как и я, почитывают архив Государственного Суда, смогут уточнить ситуацию. Они наверняка припомнят, что между 1678 и 1684 годами состоялось несколько судебных заседаний, где в роли истца, а потом

обвиняемой выступила леди Айви, прежде Теодозия Брайан; она пыталась обосновать право на большой и очень ценный участок земли в Шадуэлле декану и епархии Святого Павла, и как на последнем заседании под председательством Лорда Главного судьи Джеффриса было полностью доказано, что документы, на которых она основывала свои притязания, оказались подложными и выполненными по ее указаниям; и после того, как ее обвинили в лжесвидетельстве и подлоге, она исчезла совсем… причем так, что никто не был в состоянии сообщить, куда она делась.

Не считаете ли вы, что та история, которую я рассказал, свидетельствует о том, что ее до сих пор можно услышать в том месте, где она совершила свой самый ранний и самый удачный подвиг?

— Вот подробный отчет о моем поразительном приключении, — заключил мой друг, складывая бумаги. — А теперь…

Но у меня было столько к нему вопросов, как, например, нашел ли его друг истинного владельца земли, восстановил ли он межу, слышны ли крики до сих пор, как называется памфлет и какого он года и тому подобное, что наступил вечер, а потом и ночь, так что возможности обратиться

вновь к литературному приложению к «Таймс» у нас не оказалось.

Приношу благодарность исследованиям сэра Джона Фокса в его книге «Процесс леди Айви» (Оксфорд, 1929), теперь нам известно, что героиня моего рассказа умерла в своей постели в 1695 году, после того — совершенно непонятно как — с нее сняли обвинение о подлоге, хотя вина ее была бесспорна.

Вид с холма

Как приятно в первый день отпуска — а он предстоит долгий — ехать в вагоне первого класса. А поезд тащится лениво по английским незнакомым краям и останавливается на каждой станции. На коленях раскрытая карта, и по ней можно определять названия деревень с их церковными башнями, которые располагаются и по правой, и по левой стороне. Какая чудесная истома охватывает от полной тишины, присущей полустанкам, лишь гравий скрипит под чьими-то ногами. Хотя, возможно, такое путешествие лучше предпринимать после заката, а пассажир, о котором я рассказываю, совершал свое неторопливое путешествие солнечным днем во второй половине июня.

Поезд завез его в самое захолустье. Не стану вдаваться в подробности, лишь сообщу, что ежели разделить карту Англии на четыре части, то местечко это можно найти на юго-западе.

Науками он занимался гуманитарными, и семестр как раз подошел к концу. А ехал он к своему новому другу, гораздо старше его. Познакомились они в городе на каком-то официальном заседании

и обнаружили, что обладают схожими вкусами и привычками, чем они друг другу и приглянулись, результатом сего знакомства явилось приглашение сквайра Ричардса мистеру Фансшоу, который и ехал в поезде.

Путешествие закончилось около пяти часов. Развеселый носильщик сообщил Фансшоу, что машина из Холла уже приезжала на станцию и джентльмену была оставлена записка, где говорилось, что шофер должен что-то прихватить в полмили отсюда, так что, может быть, джентльмен подождет, когда он вернется?

— Но вижу, что у вас с собой велосипед, — продолжал носильщик, — наверняка вам приятнее будет прокатиться до Холла самому. Прямо по этой дороге, затем первый поворот налево — всего две мили, — а ваш багаж я отправлю с машиной. Вы меня простите, это, конечно, не мое дело, но вечерок такой хороший. Да, сэр, удачная стоит погода для сенокоса… не могли бы вы предъявить билет на велосипед? Спасибо, сэр, очень вам обязан, вы не заблудитесь… и так далее.

После дня, проведенного в поезде, стоило прокатиться две мили до Холла, дабы взбодриться и ощутить желание выпить чая.

Вид усадьбы также обещал приятное времяпре-

провождение, которое так требовалось Фансшоу после длительных заседаний комитетов и собраний в колледже. Сам дом не был восхитительно стар или удручающе нов. Побеленные известью стены, подъемные окна, старые деревья, ровные газоны — все это Фансшоу отметил сразу, когда подъехал к поместью. Сквайр Ричардс, дородный господин за шестьдесят, ожидал его на крыльце с выражением истинной радости на лице.

— Сначала чай, — возвестил он, — или, может быть, вы предпочитаете чего-нибудь покрепче? Нет? Прекрасно, чай нас ждет в саду. Идемте, велосипед ваш уберут. В такой денек я предпочитаю пить чай под липой близ ручья.

Лучшего места для подобного занятия было не найти. Середина лета, тень и аромат раскидистой липы, прохладная струящаяся вода в пяти ярдах. Долго они там сидели.

Около шести мистер Ричардс выпрямился, выбил свою трубку и произнес:

— Послушайте, жара спала, можно и прогуляться, если вы, конечно, хотите. Замечательно. Тогда предлагаю вам пройтись по парку и подняться на холм, оттуда простирается прекрасный вид. Прихватим с собой карту, и я вам все покажу. Хотите, возьмите свой велосипед, а можем поехать

и на машине, ежели вы не желаете идти пешком. Если двинемся сейчас, вернемся к восьми, причем не спеша.

— Идемте. Только я возьму палку. А у вас нет случайно бинокля? Свой я неделю назад одолжил одному человеку, а он уехал Бог знает куда и забрал его с собой.

Мистер Ричардс впал в размышление.

— Да, — сообщил он, — есть, только сам я им не пользуюсь и понятия не имею, подойдет ли он вам. Он очень старый и вдвое тяжелее, чем нынешние. Я дам вам его, только сам не понесу. Кстати, что вы будете пить после обеда?

Заявление о том, что годится что угодно, было отклонено, и удовлетворительное соглашение было принято по пути к парадному холлу, где мистер Фансшоу нашел свою палку, а мистер Ричардс после задумчивого пощипывания нижней губы отправился к ящику в столе, выудил из него ключ, затем подошел к обитому панелями буфету, раскрыл его, извлек с полки коробку и поставил ее на стол.

— Бинокль тут, — объяснил он, — но на этой коробке довольно хитрый замок, а я забыл, как его открывать. Попытайтесь-ка сами.

И мистер Фансшоу попытался. Замочная сква-

жина отсутствовала, коробка была сплошной, тяжелой и гладкой — где-то явно надо было что-то нажать. «Углы вряд ли, — подумал он, — черт, какие же они острые», — еще подумал он и сунул палец в рот.

— Что случилось? — спросил сквайр.

— Да ваша омерзительная коробка Борджиа поцарапала меня, пропади она пропадом, — поведал Фансшоу.

Сквайр бесстрастно фыркнул.

— Тем не менее вы ее открыли, — заметил он.

— Действительно! Что ж, тогда не жаль той капли крови… а вот и бинокль. Правда, очень тяжелый, как вы и говорили, но силенок у меня хватит.

— Так идем? — сказал сквайр. — Пошли, пройдем садом.

Они прошли сад и миновали парк, который был разбит на склоне крутого холма. Этот холм, как Фансшоу заметил еще в поезде, возвышался над всей округой. Он представлял собой отрог от большей гряды, пролегавшей ниже. По пути сквайр — большой знаток земляных работ — указывал различные места, где он обнаружил или предполагал обнаружить следы войны или чего-либо подобного.

— А здесь, — сказал он, остановившись на более или менее ровном участке, окруженном большими деревьями, — находится римская вилла Бакстера.

— Бакстера? — переспросил мистер Фансшоу.

— Я и забыл, вы же ничего о нем не знаете. Именно этому старику принадлежал раньше мой бинокль. Кажется, он сам его и сделал. Он жил в деревне, был часовщиком и сильно интересовался античностью. Мой отец позволял ему рыться, где только захочется, и, когда тот что-то находил, одалживал ему для раскопок пару рабочих. У него имелась удивительная коллекция разных предметов, и, когда он умер — по-моему, то ли десять, то ли пятнадцать лет назад, — я купил всю коллекцию и передал в городской музей. Бинокль тоже был частью коллекции, но я, естественно, оставил его себе. Если вы удосужитесь взглянуть на него, то увидите, что работа явно любительская… во всяком случае, корпус; линзы-то, конечно, он делал не сам.

— Да, за такое мастерство хорошего рабочего можно и уволить. Только зачем он сделал его таким тяжелым? А что, этот Бакстер действительно обнаружил здесь римскую виллу?

— Действительно, мы стоим на ее площадке,

поросшей дерном. Она слишком груба и проста, чтобы стоило ее отсюда перемещать, но в ней есть, само собой, орнамент; а всякие штучки, найденные здесь, и глиняная посуда оказались в прекрасном состоянии. Оригинальным типом был старина Бакстер, он, по-моему, обладал редчайшим талантом отыскивать подобное. Для нашей археологии он оказался просто неоценим. Закрывал свой магазинчик на несколько дней и бродил себе по округе, отмечая места на военно-геодезической карте, где, по его предположению, что-то имелось. После его смерти многие эти места были проверены, и в каждом случае его предположения подтвердились.

— Какой замечательный человек! — воскликнул мистер Фансшоу.

— Замечательный? — резко переспросил сквайр.

— Ну, я хочу сказать, удобно иметь такого рядом, — пояснил мистер Фансшоу. — А что, он был негодяем?

— Этого я не знаю, — ответил сквайр, — но даже если он был и замечательным, то ему все равно не везло. Да и не любили его, и я его не любил, — добавил он через минуту.

— Да? — вопросительно произнес Фансшоу.

— Да, не любил, но хватит о Бакстере. К тому же начинается очень крутой подъем, а я не в состоянии шагать и болтать одновременно.

Вечер стоял жаркий, и подниматься по скользкой траве было утомительно.

— Я сказал вам, что поведу вас кратчайшим путем, — напомнил сквайр, — и лучше бы я этого не делал. Во всяком случае, по возвращении ванна нам не повредит. Вот мы и пришли, а вот и скамья.

Вершину холма венчали несколько шотландских пихт, а на краю, с которого открывался прелестный вид, стояла широкая, крепкая скамейка, на ней они оба и разместились, вытерли лбы и отдышались.

— Теперь можете глядеть в бинокль, — проговорил сквайр, когда они снова были в состоянии разговаривать. — Но лучше поглядите сначала так. Боже мой! Никогда еще эти края не выглядели так красиво.

Сейчас, когда я сочиняю этот рассказ, в темные окна моей комнаты стучит зимний ветер, а примерно в ста ярдах бормочет море. И мне трудно собраться с мыслями и чувствами, чтобы передать моему читателю то ощущение от июньского вечера и от чудного английского пейзажа,

о котором упоминал сквайр.

Внизу простиралась широкая равнина, ее пересекали высокие холмы, чьи вершины — зеленые или опушенные лесами — освещало солнце, которое закатывалось, но еще не закатилось. И вся долина цвела, хотя реку, текущую по ней, видно не было. Можно было различить крохотные рощицы и зеленую пшеницу, изгороди и пастбища. Малюсенькое плотное облако задевало краем вечерний поезд. Затем взгляд падал на красные фермы и серые жилища. Ближе к дому скапливались коттеджи, и, наконец, появлялся сам Холл, прильнувший к холму. Из труб поднимался тонкий голубой дым. В воздухе веяло ароматом сена, а где-то неподалеку рос шиповник. Лето достигло своей кульминации.

Несколько минут они молча созерцали вид, затем сквайр начал указывать главные места — холмы и долины — и объяснять, где находятся какие городки и деревни.

— Если глянете в бинокль, — сообщил он, — то сможете разглядеть Фулнакерское аббатство. За тем зеленым полем, потом за лесом за ним, а потом за фермой на холмике.

— Да, да, — сказал Фансшоу. — Я его вижу. Какая красивая башня!

— Вы, наверное, смотрите не в ту сторону, — возразил сквайр, — от той башни мало чего осталось, насколько я помню, вы, по-видимому, смотрите на Олдборнскую церковь. Но если она вам кажется красивой, вас легко очаровать.

— Башня красивая, — настаивал Фансшоу, не отрывая бинокля от глаз, — Олдборнская она или какая другая. И, должно быть, она — часть очень большой церкви… похоже, что это — центральная башня… у нее по углам четыре огромных шпиля и еще четыре поменьше между углами. Я должен обязательно ее посмотреть. Далеко она отсюда?

— Олдборн в девяти милях, а может, и меньше, — объяснил сквайр. — Я-то давно там не бывал, но что-то не помню, чтобы она меня поразила. Лучше я вам кое-что еще покажу.

Фансшоу опустил бинокль, но продолжал глядеть в направлении Олдборна.

— Нет, — заявил он, — так я ничего не вижу. Так что вы собирались мне показать?

— Смотрите влево… его нетрудно разглядеть. Видите, бугорок на холме, на нем еще такой густой лес? Он на одной линии с тем одиноким деревом на гребне.

— Вижу, — доложил Фансшоу, — и даже могу

без труда сказать, как он называется.

— Да ну? — засомневался сквайр. — Скажите.

— Ну, Холм Висельника, — прозвучал ответ.

— Как вы догадались?

— Да как не догадаться, если там стоит макет виселицы, на которой висит чучело человека.

— Что, что? — резко вопросил сквайр. — Ничего подобного на этом холме нет, один лишь лес.

— Напротив, — заявил Фансшоу, — вся верхушка покрыта травой, а посередине стоит эта ваша ненастоящая виселица, и, когда я впервые глянул туда, мне показалось, что на ней что-то есть. Но сейчас там ничего нет… или есть? Плохо видно.

— Ерунду городите, Фансшоу, никакой ненастоящей виселицы или чего-либо в этом роде на этом холме не имеется. А этот густой лес… совсем молодой. Я там сам был около года назад. Дайте-ка мне бинокль, хотя не думаю, что что-нибудь увижу. — Через некоторое время: — Нет, так я и думал, ничего такого я там не вижу.

Тем временем Фансшоу разглядывал холм, который находился примерно в двух-трех милях.

— Странно, — удивился он, — без бинокля там только лес. — И он забрал бинокль. — Какой странный эффект. Я отчетливо вижу виселицу… и траву… и там люди… и телеги, вернее, телега, и на

ней тоже люди. А когда я убираю бинокль, ничего там нет. Наверное, свет как-то необычно сегодня преломляется. В другой раз надо будет прийти сюда пораньше, когда солнце светит вовсю.

— Вы говорите, там люди и телега? — недоверчиво спросил сквайр. — Да что они там делают в это время дня, тем более если деревья вырублены? Лучше посмотрите снова.

— Да, я действительно думал, что вижу их. Да, я бы сказал, что их осталось там немного, как раз расходятся. А теперь… клянусь Юпитером, на виселице явно кто-то висит. Только этот бинокль такой тяжелый, не могу долго держать его прямо. Кстати, поверьте мне, никакого леса там нет. Завтра покажете мне дорогу на карте, и я туда отправлюсь.

Некоторое время сквайр продолжал предаваться размышлениям. Наконец он пошевелился и произнес:

— Да, наверное, это будет самое лучшее. А теперь нам пора возвращаться. Нас ожидают ванна и обед.

По дороге домой он был неразговорчив.

Вернулись они через сад, вошли в парадный холл, где оставили свои палки. Тут же они обнаружили пожилого дворецкого Паттена, явно

встревоженного.

— Прошу прощения, мастер Генри, — начал он незамедлительно, — но, кажется, произошло несчастье. — И он указал на открытую коробку из-под бинокля.

— И ничего более страшного, Паттен? — спросил сквайр. — Неужели я не имею право взять свой собственный бинокль и одолжить его другу? Причем купленный за свои же деньги, насколько тебе известно. На распродаже имущества старого Бакстера, так как?

Паттен поклонился, но слова его хозяина явно не убедили его.

— Хорошо, мастер Генри, раз вы знаете, где он. Просто я подумал, что обязан предупредить вас, потому что, насколько я помню, эта коробка стояла на полке с той поры, как вы купили ее, и простите, но после того, что случилось…

И он заговорил тише — Фансшоу слов его не расслышал. Сквайр ответил несколькими фразами и резким смешком, а потом пригласил Фансшоу посмотреть комнату, которую ему приготовили. И в этот вечер ничего, что имело бы отношение к данной истории, на мой взгляд, не произошло.

За исключением того, что ночью Фансшоу овладело предчувствие, что на свет божий выпущено

нечто, чего выпускать было не должно. Эта мысль посетила его во сне. Он шел по саду, чем-то ему знакомому, и остановился у декоративной горки, сложенной из обломков каменной церковной кладки и скульптурных изображений. Одна из них привлекла его интерес — капитель с вырезанными на ней картинами. Он знал, что должен ее вытащить. Сначала с легкостью, которой и сам удивился, он раскидал камни, загораживающие ее, а потом вытащил столб. И тут же к его ногам со звоном упала жестяная табличка. Он поднял ее и прочитал:

«Ни в коем разе не трогайте этот камень.

С уважением, Дж. Паттен»

Как часто бывает во сне, он почувствовал, что сей запрет крайне важен, и с беспокойством, равносильным страданию, стал оглядываться в поисках камня.

Но тот пропал. А на его месте появилось отверстие в нору, и он наклонился и заглянул в нее. Внутри что-то зашевелилось, и, к неописуемому его ужасу, перед ним возникла рука — чистая правая рука в чистом рукаве с манжетой. Казалось, она жаждет поздороваться. Он подумал, не будет

ли невежливо с его стороны проигнорировать руку. Но пока он раздумывал, рука стала волосатой, грязной и тощей, мало того, на сей раз она явно пыталась схватить его за ногу. Тут ему стало не до этикета, он закричал, рванулся и проснулся.

Вот такой приснился ему сон, Фансшоу казалось (такое тоже часто случается), что во сне что-то еще происходило с ним до этого, и тоже важное, но не столь поразительное. Проснувшись, он некоторое время лежал, вспоминая подробности сна, и особенно рисунки на капители, на которые он почти не обратил внимание. Во сне что-то в них было не так — в этом он не сомневался, но что именно, он так и не вспомнил.

То ли из-за этого сна, то ли из-за того, что шел первый день его отпуска, рано вставать он не стал. И бросаться в путешествие по округе тоже. Утро он посвятил наполовину ленивому и наполовину поучительному образу жизни — проглядывал тома трудов местного Археологического общества, где имелось огромное количество статей мистера Бакстера о находках кремневых орудий труда, римских раскопках, монастырских развалинах — в общем, по всем разделам археологии. Написаны они были странным, напыщенным полуграмотным языком. Этому человеку бы да

образование, подумал Фансшоу, какой бы ученый из него получился, хотя, возможно, он и был таковым (сие заключение осенило его чуть позже), но из-за склонности к противоречию и полемике, причем в такой нравоучительной манере, словно он обладал наивысшим знанием, его работы производили неприятное впечатление. И художником он, по всей видимости, был приличным. К одной из статей был приложен рисунок предполагаемых реставрационных работ и расширения монастырской церкви, и задумано это было превосходно. Самой выдающейся деталью церкви была красивая центральная башня со шпилями. Она напомнила Фансшоу башню, которую он видел с холма и которая, по словам сквайра, принадлежала Олдборнской церкви. Но надпись под рисунком гласила, что это не Олдборнский монастырь, а Фулнакерский. «Ага, — подумал он, — по всей вероятности, Олдборнская церковь была построена монахами из Фулнакера, и Бакстер перерисовал Олдборнскую башню. Нет ли каких примечаний? Вот оно что — опубликовано после его смерти… найдено среди бумаг».

После ленча сквайр поинтересовался у Фансшоу, что он собирается делать.

— Часа в четыре сяду на велосипед, — ответил

Фансшоу, — и поеду в Олдборн, а по пути назад навещу Холм Висельника. Придется сделать круг миль в пятнадцать, я прав?

— Да, примерно, — подтвердил сквайр. — Тогда вы будете проезжать мимо Ламбсфилда и Уонстоуна, там тоже есть на что поглядеть. В Ламбсфилде на окна церкви, а в Уонстоуне на камень.

— Прекрасно, — сказал Фансшоу, — по дороге где-нибудь перекушу. А можно я возьму бинокль? Я прикреплю его ремнем к багажнику.

— Разумеется, — согласился сквайр. — Надо будет купить еще один, получше. Съезжу сегодня в город и поищу.

— А зачем вам еще один? — удивился Фансшоу.

— Не знаю; хорошо иметь лишний, да и… в общем, старина Паттен считает, что этим не стоит пользоваться.

— А что, он здесь решает все?

— Ну, у него по этому поводу свои соображения… не знаю, говорит ли он что-то о старом Бакстере. Я обещал ему, что выслушаю его потом. Чем-то он встревожен со вчерашнего вечера.

— Почему? Ему тоже приснился страшный сон?

— Кажется. Его сегодня прямо не узнать: совершеннейшая развалина. Сказал, что не спал всю ночь.

— А может, он расскажет, когда я вернусь?

— Ладно, я попрошу его подождать. А если вы приедете поздно? А вдруг у вас лопнет шина где-нибудь в восьми милях отсюда и вам придется возвращаться пешком, что тогда? Эти велосипеды… я попрошу, чтобы нам приготовили на вечер холодные закуски.

— Что именно мы будем есть, все равно, поздно ли я вернусь или рано. А для починки велосипеда у меня все имеется с собой. Ладно, я поехал.

Когда Фансшоу катил свой велосипед по дороге в девять часов вечера, он думал о том, что сквайр, наверное, не в первый раз просит накрывать на стол к ужину.

Что сквайр и подтвердил, когда встретил его в холле, причем повторил это несколько раз — он был очень доволен, что его недоверие к велосипедам оказалось верным. Вид же его взмокшего, усталого, голодного и измученного друга совершенно не вызвал в нем сочувствия. Вся его жалость выразилась в следующих словах:

— Вероятно, сегодня вам потребуется выпить чего-нибудь покрепче? Бокал сидра с сахаром и

пряностями сойдет? Отлично. Слышишь, Паттен? Сидр со льдом, и побольше. — Затем Фансшоу: — Только не торчите в ванной всю ночь.

В половине десятого они сели за стол, и Фансшоу стал рассказывать о своих успехах, если его путешествие было можно назвать успешным.

— До Ламбсфилда я добрался без приключений и осмотрел эти окна. Они интересные, но там столько надписей, которые никак не прочитаешь.

— Даже с биноклем? — спросил сквайр.

— Такой бинокль в церкви ни к чему… да и вообще он не приспособлен для того, чтобы глядеть в него в помещении. А я ходил в основном по церквям.

— Гм! Хорошо, продолжайте, — попросил сквайр.

— Однако окно я сфотографировал, и фотографию можно будет увеличить. Камень в Уонстоуне ничего особенного, по-моему, собой не представляет; правда, я не разбираюсь в старине подобного рода. Кто-нибудь рыл насыпь, на которой он стоит?

— Бакстер хотел, но фермер ему не позволил.

— Наверное, стоит это все-таки сделать. А затем я поехал в Фулнакер и Олдборн. А знаете, стран-

но… но эта башня, которую я видел с холма… Олдборнская совсем на нее не похожа, а в Фулнакере все сооружение не превышает тридцати ярдов, хотя центральная башня там и имеется. Я не говорил вам… или говорил, что на рисунке Бакстера воображаемого Фулнакера имеется точно такая же башня, какую видел и я?

— Может быть, вам это только показалось, — вставил сквайр.

— Вовсе нет. Рисунок действительно *напомнил* мне виденное собственными глазами, но сначала я был уверен, что это Олдборн, лишь потом посмотрел на подпись.

— Бакстер прекрасно разбирался в архитектуре. Вероятно, он придумал свою башню, исходя из того, что от нее осталось.

— Да, очень может быть, но я сомневаюсь, что даже профессионалу удалось бы так точно ее воспроизвести. В Фулнакере же ничего не осталось, лишь основания столбов. Очень все это странно.

— Ну а Холм Висельника? — полюбопытствовал сквайр. — Паттен, ты тоже послушай. Я рассказал Паттену о том, что вы видели на холме.

— Да, мастер Генри, рассказали, и меня это не очень-то и удивило, если поразмыслить.

— Ладно, ладно. Потом объяснишь. Сначала

послушаем мистера Фансшоу. Продолжайте, Фансшоу. Возвращались вы через Акфорд и Торфилд, как я полагаю?

— Да, и осмотрел обе церкви. Потом добрался до поворота, ведущего к вершине Холма Висельника, и увидел, что если поднимусь вверх по полю, то потом смогу перейти на нужную дорогу на этой же стороне. Наверху я оказался в половине седьмого и справа, как я и предполагал, обнаружил калитку, за которой простиралась зона лесонасаждений.

— Слышишь, Паттен? Он говорит, «зона».

— Так я думал… зона. Но ошибся. Вы были совершенно правы, а я безнадежно ошибался. *Абсолютно* не понимаю. Там сплошная чаща. И я стал продираться сквозь этот лес, волоча за собой велосипед. Я все ждал, что вот-вот выйду на это открытое место, и тут начались мои несчастья. Во всем виноваты колючки. Сначала сдулось переднее колесо, потом заднее. Я остановился, чтобы хотя бы найти проколы и пометить их, но даже это мне не удалось. Поэтому я продолжал тащиться вперед, и, чем дальше я забредал, тем больше мне не нравилось это место.

— Много дыр на покрышках, Паттен? — спросил сквайр.

— Нет, мастер Генри, их легко будет починить…

— Ладно, не важно. Дальше, Фансшоу.

— Теперь я понимаю, почему туда никто не ходит. Мне там чудилось все то, что и может привидеться в таком лесу: треск веток позади, будто кто-то следует за тобой, чей-то следящий за тобой взгляд и даже рука, касающаяся твоего плеча. В тот момент я резко обернулся, но никакой ветки или куста поблизости не оказалось. И когда я очутился в самой середине участка, я почувствовал, что некто наблюдает за мной сверху… и с недобрыми намерениями. Я остановился, вернее, замедлил шаг и посмотрел вверх. И в то же мгновение упал и сильно ободрал ноги… что вы думаете, об огромный камень с большим квадратным отверстием сверху. А в нескольких от него шагах стояли еще два таких же. Они образовывали треугольник. Вы знаете, зачем они там стоят?

— Думаю, да, — ответил сквайр, слушавший этот рассказ с мрачным вниманием. — Сядь, Паттен.

Он вовремя это сказал, потому что старик стоял, тяжело опершись на руку, и рука его дрожала. После слов хозяина Паттен шлепнулся на стул и

произнес дрожащим голосом:

— Вы ведь не стали заходить между этими камнями, не стали, сэр?

— Я *не* стал, — подчеркнуто ответил Фанс-шоу. — Возможно, я и осел, но как только солнце стало садиться, я взвалил велосипед на плечо и понесся оттуда прочь. Мне показалось, что я попал на какое-то дьявольски страшное кладбище, и я искренне радовался тому, что оказался там в такой день, когда солнце заходит поздно. Боже, как я бежал. По дороге все вокруг меня цепляло и специально хватало велосипед за ручки, спицы, багажник и педали, во всяком случае, мне так казалось. Я раз пять упал. Наконец я добрался до изгороди и калитку искать не стал.

— С моей стороны калитки *нет*, — пояснил сквайр.

— Все равно, я не желал терять время. Каким-то образом перекинул через нее велосипед и сам нырнул вслед за ним вперед головой, в последнюю минуту то ли ветка, то ли еще что добралось до моего локтя. Тем не менее из леса я выбрался. И не знаю, какое чувство сильнее охватило меня: радости или злости. Затем пришлось чинить шины. Инструменты у меня всегда с собой, и с починкой я всегда могу справиться, но на этот раз

у меня ничего не получалось. Из леса я выскочил в семь, и на одно колесо у меня ушло пятьдесят минут. Как только я находил прокол, заклеивал его и надувал шину, она сдувалось вновь. И я был вынужден идти пешком. Этот холм примерно в трех милях отсюда?

— Да, если идти полями, по дороге же шесть.

— Так я и подумал. И решил, что даже на велосипеде мне придется ехать больше часа. Вот и все. Теперь очередь за вами и Паттеном.

— За мной? Мне-то рассказывать нечего, — уточнил сквайр. — Кстати, вы были недалеки от истины, когда решили, что находитесь на кладбище. Там таких должно быть несколько, верно, Паттен? Думаю, их там оставили после того, как они разрушились.

Паттен кивнул и явно хотел что-то сказать.

— Вот как, — заметил Фансшоу.

— Паттен, ты выслушал, что произошло с мистером Фансшоу, — начал сквайр. — Что ты об этом думаешь? Связано это каким-либо образом с мистером Бакстером? Налей себе портвейна, и мы тебя послушаем.

— Теперь мне получшало, мастер Генри, — сообщил Паттен, проглотив содержимое бокала. — Если вы и впрямь желаете знать, о чем думаю

я, я положительно согласен рассказать вам об этом. Да, — продолжал он, оживляясь, — должен заявить, что то, что мистер Фансшоу сегодня испытал, очень связано с человеком, которого вы упомянули. И я думаю, мастер Генри, что имею все права говорить, потому как много лет поддерживал с ним знакомство и примерно в это же время десять лет назад был приведен к присяге на следствии по опознанию трупа, а вы тогда, ежели вспомните, мастер Генри, за границей путешествовали, и семью некому было представлять.

— Следствие? — переспросил Фансшоу. — Следствие по опознанию трупа мистера Бакстера?

— Да, сэр, по… того самого человека. А случилось это вот почему. Покойный, как вы уже, наверное, и сами догадались, был особенным человеком в своих привычках… так, во всяком случае, мне казалось, но это и всякий мог бы вам сказать. Он жил совсем один — ни кола ни двора, как говорится. И как он убивал свое время, мало кому точно известно.

— Он жил таким анахоретом, что никто толком и не узнал, когда именно он прекратил свое существование, — пояснил сквайр своей трубке.

— Прошу прощения, мастер Генри, только я как раз к этому и подбираюсь. Но когда я сказал,

что он убивал свое время… то есть мы знаем, как любил он повсюду шарить и рыскать и сколько всяких вещей он собрал… по всей округе говорили о бакстеровском музее, и частенько, когда был он в настроении, да и мне выпадал свободный часок, показывал он мне куски горшков, да и другую всячину, которые, как он считал, остались еще со времен древних римлян. Хотя вы ведь побольше меня в этом разбираетесь, мастер Генри; я хотел только сказать, что знаю, каким он мог быть интересным, когда разговаривал, но что-то в нем было такое… ну, к примеру, никто никогда не видал его ни в церкви, ни даже в часовне на службе. И от этого сплетни пошли. Священник наш, он лишь однажды приходил к нему. «Не спрашивайте меня, что ответил мне этот человек». это единственное, что сказал он. А потом, как он ночи проводил, особенно в это время года? Снова и снова наши работники встречали его, когда отправлялись на свою работу, а он проходил мимо них, ни слова не говоря, и выглядел, как они говорят, будто шагал прямиком из сумасшедшего дома. Все глаза закатывал. Да таскал с собой корзину для рыбы и ходил одним лишь только путем. И поговаривать стали, что чем-то нехорошим он занимается… неподалеку от того

места, где вы сегодня в семь часов были, сэр.

И после такой вот ночи мистер Бакстер, закрывал он магазин, и старая леди, что прислуживала ему, не приходила — он так приказывал; а она-то знала, каков он на язык, и приказам его повиновалась. Но вот как-то раз случилось, что в три часа дня дом его был закрыт, и шум оттуда доносился страшный, и дым из окон валил, а Бакстер так там кричал, будто от боли. Ну, и человек, что по соседству жил, побежал к нему через задний двор и сломал дверь, и другие еще прибежали. Так вот, говорил он мне, что в жизни своей он такой страшной вонью не дышал… запах такой на кухне был. И вроде бы Бакстер чего-то там кипятил в горшке и опрокинул его себе на ногу. И лежал он на полу и пытался не кричать, но это было ему не под силу, и, когда увидел он, что люди вошли… и в каком же он был состоянии, что же он кричал, как язык его не покрылся волдырями хуже, чем нога, — да и понятно. Ну и подняли они его, посадили на стул и побежали за доктором, а один из них поднял горшок, так Бакстер как закричит, чтобы не трогали его. Тогда он и не стал его трогать, но увидел, что в горшке несколько старых коричневых костей. Потом говорят ему: «Скоро доктор Лоренс придет, мистер Бакстер,

он вас вылечит». И тогда он снова разозлился. В комнату-то надо ему идти, и доктора он не впустит — не дай Бог, увидит, какой у него беспорядок… надо все это чем-нибудь накрыть… чем угодно… хоть скатерть принести из гостиной; так они и сделали. Но, должно быть, в этом горшке что-то ядовитое было, потому как Бакстер лишь через два месяца встал на ноги. Простите, мастер Генри, вы что-то сказать хотите?

— Да, хочу, — подтвердил сквайр. — Я вот все гадаю, почему ты мне раньше об этом не рассказывал. Правда, сказать я хотел, что старик Лоренс говорил мне, что оказывал помощь Бакстеру. Странным субъектом его назвал. Однажды Лоренс был у него в спальне и увидел там черную бархатную маску. Он ее в шутку надел и пошел к зеркалу. Но посмотреть на себя ему не удалось, потому что старый Бакстер заорал с кровати: «Снимите ее сейчас же, дурак! Вы что, жаждете посмотреть сквозь глаза мертвеца?» И он так испугался, что снял ее, а потом спросил Бакстера, что тот имеет в виду. А Бакстер настоял на том, чтобы он ее убрал, и утверждал, что человек, у которого он ее купил, уже умер и еще какую-то чепуху вроде этой. Но Лоренс уверял, что он почувствовал, что маска сделана из кожи с черепа.

На распродаже бакстеровских вещей он приобрел перегонный аппарат, но воспользоваться им не смог — испорчен был, как он его ни чинил. Но продолжай, Паттен.

— Хорошо, мастер Генри, да я уже почти и кончил, и поздно… что там другие-то слуги подумают? Так вот, эта история с ошпариванием произошла за несколько лет до того, как мистер Бакстер умер, и он выздоровел и вновь принялся за свое. Одним из последнего, что он сделал, был этот бинокль, который вы вчера достали. Корпусто к нему он давно смастерил и стекла добыл, но для того, чтобы его доделать, надо было что-то еще, не знаю что именно, но как-то раз взял я корпус и говорю: «Почему вы его не доделаете, мистер Бакстер?»

А он в ответ: «Когда я его сделаю, вы узнаете, да, да; такого бинокля ни у кого не будет, когда я его заполню и запечатаю», тут он замолк, а я говорю: «Вы так говорите, мистер Бакстер, будто это бутылки с вином „заполню и запечатаю“… зачем это надо делать?»

«Я сказал „заполню и запечатаю“?» — переспрашивает. Просто я сам с собой разговариваю».

И вот пришло то же время года, и стоял хороший вечер, и я проходил мимо его магазина,

когда домой возвращался, а он стоял на крыльце, довольный такой, и говорит: «Все в порядке и отлично — я закончил лучшую свою работу и завтра пойду с ним погулять».

«Что закончили? Бинокль? — спрашиваю. — Можно на него поглядеть?»

«Нет, нет, — не разрешил он. — Я его положил на ночь в кровать, и если покажу его вам, то придется вам отвечать за подсматривание, вот так-то».

И это были последние слова, что я от него слышал, джентльмены.

Это было 17 июня, а через неделю странная штука приключилась, из-за которой нас потом на следствии «душевнобольными» объявили, потому что те, кто с Бакстером по работе сталкивались, и не подозревали, чем он на самом деле занимался. Но Джордж Уильямс, который по соседству жил да и сейчас живет, проснулся ночью оттого, что во дворе мистера Бакстера что-то грохотало и шумело, и он вылез из кровати и подошел к окну, чтобы посмотреть, может, какие-нибудь грубые покупатели пришли. И ночь стояла светлая, и он увидел, что никого там нет. Он все стоял и слушал, и услышал он, как мистер Бакстер спускается по своей лестнице в

доме очень медленно, шаг за шагом, будто его кто-то толкал, или тянул, или держал. Потом он услышал, как дверь отворилась, и мистер Бакстер вышел наружу, одетый, как обычно, вытянув руки по швам. И он разговаривал сам с собой и мотал головой из стороны в сторону, и так он шел, будто его кто-то заставляет так идти.

Джордж Уильямс открыл окно и услышал, как тот говорит: «Смилуйтесь, джентльмены!», и вдруг он заткнулся так внезапно, будто кто-то ему рот закрыл, и мистер Бакстер откинул назад голову так, что шляпа у него с головы слетела. И такое у него было жалкое лицо, что Уильямс не выдержал и окликнул его: «Эй, мистер Бакстер, вам плохо?» — и хотел предложить ему позвать доктора Лоренса, но только тот ответил: «Лучше занимайтесь своим делом. Закройте окно».

Но голос его звучал так хрипло и слабо, что он был не уверен, что это вообще Бакстер говорил. И так как на улице никого больше не было, Уильямс обиделся на него за такие слова и отпрянул от окна, пошел и сел на кровать. И услышал, как мистер Бакстер пошел вверх по дороге, и через минуту или две он не выдержал и снова выглянул наружу и увидел, как тот идет все так же странно. И еще он помнит, что мистер Бакстер так и не

остановился, чтобы шляпу свою поднять, а она все равно была у него на голове. И, мастер Генри, больше мистера Бакстера никто не видел, кажется, неделю, а может, и больше. Многие говорили, что он уехал по делу или сбежал, потому что попал в какую-нибудь переделку; но его повсюду знали, и ни на вокзале, ни в других местах его не встречали, а потом стали пруды осматривать, но ничего не нашли, и в конце концов Фэйкс, лесник, спустился с холма в деревню и говорит, что Холм Висельника весь птицами усеян, что странно было, потому что раньше такого не случалось. И тогда все переглянулись, и один говорит: «Я готов туда пойти», — а другой: «Я тоже, если ты пойдешь», ну, и где-то с полдюжины их и отправились туда в тот же вечер и доктора Лоренса взяли с собой, и, как вы и знаете, мастер Генри, лежал он там между тремя камнями со сломанной шеей.

Бессмысленно воображать беседу, которая за этим последовала. Ее никто не помнит.

Но перед уходом Паттен спросил Фансшоу:

— Простите, сэр, но я так понял, что вы брали сегодня бинокль с собой? Так я и думал. Разрешите задать вопрос, пригодился ли он вам?

— Да. Смотрел на кое-что в церкви.

— Так вы его в церковь заносили, сэр?

— Да, заносил. В Ламбертскую церковь. Между прочим, я оставил его на багажнике, кажется, на конном дворе.

— Не важно, сэр. Завтра я его заберу, и, может быть, вы окажете любезность посмотреть в него.

Соответственно, перед завтраком, после безмятежного и заслуженного сна, Фансшоу пошел с биноклем в сад и направил его на отдаленный холм. И тут же опустил его, оглядел, покрутил линзы, снова поглядел, затем снова, потом пожал плечами и положил бинокль на стол.

— Паттен, — произнес он, — он не работает. Сквозь него ничего не видно, будто кто-то закрыл стекло черной облаткой.

— Испортили мой бинокль? — вопросил сквайр. — Крайне вам благодарен: единственный мой бинокль.

— Сами попробуйте, — предложил Фансшоу. — Я ничего с ним не делал.

Таким образом, после завтрака сквайр вышел с биноклем на террасу и замер на ступеньках. Предприняв несколько безрезультатных попыток, он нетерпеливо воскликнул: «Господи, до чего же он тяжелый!» — и в то же мгновение уронил его на камни. Линзы разбились, корпус треснул, и

на каменную плиту вытекла лужица какой-то жидкости. Она была черная, как чернила, а вонь от нее стояла неописуемая.

— Заполнен и запечатан, так кажется? — проговорил сквайр. — Если бы я заставил себя это потрогать, то наверняка бы нашел печать. Так вот что получилось после кипячения и перегонки? Старый похититель трупов!

— Что вы хотите этим сказать?

— Неужели вы не понимаете, друг мой? Вспомните, что он говорил доктору о глазах мертвеца. Это еще один способ глядеть сквозь них. Только им не очень-то понравилось, что их кости сварили — так я думаю, — и в результате они забрали его туда, куда ему совсем не хотелось идти. Ладно, принесите-ка лопату, и устроим этой штуковине благопристойные похороны.

Когда торф над останками бинокля был сровнен, сквайр, протянув лопату почтительному зрителю, Паттену, заметил Фансшоу:

— Жаль, что вы внесли его в церковь — можно было бы побольше увидеть. У Бакстера они неделю были, как я вычислил, но, по-видимому, не много он успел разглядеть.

— Не уверен, — ответил Фансшоу. — Вспомните рисунок Фулнакерского монастыря.

Предупреждение любопытствующим

Предлагаю читателю перенестись в Сибург — местечко на восточном побережье. Оно не очень изменилось со времени моего детства. К югу простираются болота, испещренные дамбами, отчего в памяти возникают начальные главы «Больших надежд»; к северу тянутся поля, сливающиеся с пустошью; за пустошью уходят вверх можжевельники, и еще выше растет утесник. Вдоль побережья тянется улица, на которой стоит большая церковь из песчаника с широкой гладкой западной башней и с колокольней на шесть колоколов. Как хорошо я помню их звон в жаркое августовское воскресенье, когда наша группа медленно поднималась по белой пыльной крутой дороге к церкви — она стоит на вершине низкого холма. В те жаркие дни они звонили ровно и чуть потрескивая, но, когда воздух становится более влажным, их звон тоже становится мягче. К маленькой станции вдоль той же дороги спускались рельсы. Неподалеку от станции находилась веселая белая ветряная мельница, а чуть поодаль, у южной окраины городка, где простирается покрытый галькой берег, имелась

еще одна; повыше к северу третья. Домики из красного кирпича с шиферными крышами… но к чему обременять вас столь обычными деталями? Просто они так и просятся на бумагу, когда начинаешь вспоминать о Сибурге. Как бы мне хотелось писать всегда нужные слова. Но я их забыл. Я не очень-то умею живописать.

Покинув городок и море, пройдите мимо станции и сверните по дороге направо. Дорога песчаная и тянется вдоль железнодорожных путей, и, если вы никуда не будете сворачивать, она уведет вас ввысь. Слева (теперь вы двигаетесь на север) болото, а справа (там, где море) растут старые пихты, побитые ветром, очень толстые и кривые, как и все деревья близ моря. Ежели вы увидите их из поезда прямо на горизонте, вы тут же поймете, что приближаетесь к ветреному местечку. На вершине моего холмика пихты выпрямляются и бегут к морю, потому что в ту сторону стремится и гребень, который оканчивается четко обозначенной насыпью, откуда открывается обзор на ровные травянистые поля, и вершину которого венчает пихтовая рощица. В жаркий весенний день здесь очень неплохо посидеть и полюбоваться синим морем, белыми мельницами, красными домиками, яркой зеле-

ной травой, церковной башней и дозорной на юге вдали.

Как я уже и говорил, впервые я побывал в Сибурге, будучи ребенком. Между тем моим в нем пребыванием и более поздним прошло много лет. И все же он занимает много места в моих воспоминаниях, и любые о нем истории меня крайне интересуют. И вот одна из них… услышал я ее вдали от Сибурга и совершенно случайно от человека, которому я обязан… порядком, потому что он доверил мне ее содержание.

— Эти места я знаю более или менее (так он сказал). В Сибург я обычно ездил весной поиграть в гольф. Мы с другом, Генри Лонгом, — возможно, вы его знали («Слегка», — ответил я) — останавливались в «Медведе», снимали номер на двоих и наслаждались жизнью.

Но после его смерти я туда больше не езжу. И вряд ли поеду, особенно после того, что произошло с нами, когда мы посетили его в последний раз.

Это было в апреле 19.. года. И в гостинице в то время мы проживали одни. Поэтому все общие помещения были практически пустыми, вот почему мы сильно удивились, когда после обеда дверь нашего номера отворилась и из-за

нее высунулась голова молодого человека. Он был нам знаком. Такой анемичный, похож на кролика… светлые волосы и светлые глаза… но противным он не был. Поэтому, когда он спросил: «Извините, это частная комната?», мы не стали огрызаться, а просто ответили «Да». А потом то ли Лонг, то ли я… не важно… сказал: «Входите, пожалуйста». — «Можно?» — спросил он, кажется, с облегчением. Ему явно было скучно одному, и, так как он оказался разумным и не стал тратить время на россказни о своей семье, мы попросили его чувствовать себя как дома. «Вероятно, в других помещениях сейчас уныло», — заметил я. Он согласился и сказал, что мы так добры, ну и так далее. Он уселся и стал делать вид, что читает книгу. Лонг раскладывал пасьянс, а я писал. Через несколько минут мне стало ясно, что гость наш здорово нервничает, и это его состояние передалось мне, ну, я и отложил свое писание и начал с ним разговаривать.

После нескольких слов, не помню каких, он стал очень откровенным.

— Может, я кажусь вам странным, — так начал он, — но дело в том, что я в сильном потрясении.

Тогда я посоветовал ему принять бодрящий напиток, что мы и сделали. Нас прервал официант,

и, когда дверь открылась, я подумал, что этот парень больно пугливый, но потом он опть принял скорбный вид. В этих местах он никого не знал, случайно выяснил, кто мы (ему кто-то в городе сообщил), и, если мы не возражаем, он очень нуждается в нашем совете. Ну мы, разумеется, оба ответили: «Конечно» или «Да, да», Лонг отложил свои карты, и мы приготовились слушать.

— Все началось более недели назад, — сообщил он, — когда я ехал на велосипеде во Фростон — в пяти-шести милях отсюда — поглядеть на церковь. Меня очень интересует архитектура, а у этой церкви очень красивая паперть с нишами и оградами. Как только я ее сфотографировал, человек, подметавший двор, подошел ко мне и спросил, не хочу ли я осмотреть церковь внутри. Я ответил «Да», и он вытащил ключ и впустил меня туда. Хотя внутри ничего интересного не оказалось, я сказал ему, что церквушка красивая и очень чистая, но, — добавил я, — лучше всего паперть.

В тот момент мы были уже снаружи, и он сказал: «Да, паперть красивая; а вы знаете, сэр, что означает тот герб?»

На гербе было три короны, и, хотя в геральдике я мало чего смыслю, я ответил, что знаю: старин-

ный герб королевства Восточной Англии.

«Верно, сэр, — произнес он, — а вы знаете, что означают три короны?»

Я сказал, что точно не помню.

«Что ж, раз вы ученый, — проговорил он, — я расскажу вам кое-что, чего вы не знаете. Эти три священных короны были погребены в земле на побережье, чтобы остановить германцев от высадки… да вы мне не верите. Но уверяю вас, если бы хоть одна из священных корон не хранилась бы все еще здесь, германцы постоянно бы приплывали сюда. Приплывали на своих кораблях и убивали мужчин, женщин и детей прямо в кроватях. И я правду вам говорю, правду, а ежели вы мне не верите, можете священника спросить. Вот он как раз идет. Спросите его».

Я оглянулся. Действительно, приближался священник — старичок приятной наружности, и прежде, чем я успел убедить моего собеседника, который сильно разволновался, что я ему верю, священник вмешался в наш разговор: «Что случилось, Джон? Добрый день, сэр. Любуетесь нашей церквушкой?»

Потом мы чуть-чуть поговорили, и старик успокоился. Тогда священник опять спросил его, в чем дело.

«Да ничего особенного, — ответил тот, — просто я говорил джентльмену, чтобы он вас спросил о священных коронах».

«Да, любопытная история, — заметил священник. — Только я не знаю, интересно ли будет джентль мену послушать старую легенду?»

«Ему интересно, — заявил старик. — Вам он поверит, сэр, вы же сами знали Уилльяма Эйджера, и отца, и сына».

Тут и я вставил слово о том, как бы я хотел все услышать, и через несколько минут мы со священником шли по деревенской улочке.

Перебросившись парой фраз с местными жителями, он привел меня к себе в дом и провел в кабинет. По дороге он выяснил, что я и в самом деле сильно интересуюсь фольклором, а не просто заезжий турист. Поэтому он с готовностью рассказал мне эту легенду — удивительно, как она до сих пор оставалась неизвестной.

Его мнение по этому поводу было следующим: «В этих краях всегда верили в три священные короны. Старики говорят, что они захоронены в трех разных местах на побережье как защита от датчан, французов и германцев. Согласно поверьям, одну из них давным-давно выкопали, другую унесло морем, а третья по сю пору сторо-

жит страну от захватчиков. Так вот, в обычных путеводителях или книгах по истории вы прочтете, что в 1687 году корону короля Восточной Англии Редвальда откопали в Рендельсхаме, и, к несчастью, она исчезла прежде, чем ее успели описать или зарисовать. Рендельсхам находится не на побережье, но и не так уж далеко от него, и добраться до него не трудно, что важно. Я уверен, что это та самая корона, которую, по легенде, выкопали. Надеюсь, что я сообщу для вас не новость, что на юге когда-то располагался саксонский королевский дворец, ныне пребывающий на дне морском? Вот вам и вторая корона. А третья хранится между этими двумя».

«А известно, где она?» — спросил, естественно, я.

Он ответил: «Да, старикам-то известно, только они не говорят». Но произнес он эти слова с такой интонацией, что я не решил задать определенный вопрос.

Вместо этого, секунду помолчав, я спросил: «А что имел в виду старик, когда говорил о Уилльяме Эйджере? Он имел какое-нибудь отношение к коронам?»

«Конечно, — подтвердил он, — вот вам еще одна любопытная история. Эти Эйджеры — ро-

довая фамилия в наших краях, только я так и не выяснил, были ли эти люди с титулом либо просто очень богатые… эти Эйджеры считают или считали, что ветвь их семьи обязана охранять эту корону. Я знал старого Натаниэля Эйджера… сам я родился и воспитывался неподалеку… и он во время войны 1870 года все время проводил под открытым небом. Сын его, Уилльям, делал то же самое во время южноафриканской войны. А молодой Уилльям, его сын, который умер совсем недавно, снимал комнаты в домике рядом с берегом. И я не сомневаюсь, что это его занятие и привело его к столь скорому концу — у него был туберкулез, а он постоянно торчал на страже по ночам и в непогоду. На нем и закончился этот род. Как он горевал при мысли о том, что он последний, но поделать ничего не мог — ближайшие его родственники проживали в колониях. Я написал им, умоляя приехать по очень важному делу, касающемуся семьи, но ответа не получил. Таким образом, последняя корона, если она и в самом деле существует, осталась без охраны».

Вот какую легенду поведал мне священник, и можете представить, как она меня заинтересовала. Уйдя от него, я думал только о том, как бы мне найти то место, где зарыта корона. Лучше бы

я оставил ее в покое.

Но пути Господни неисповедимы. Обратно я ехал на велосипеде мимо церковного кладбища, и в глаза мне бросилась новая могила, на ней стояло имя Уилльяма Эйджера. Само собой, я остановился и подошел к могиле. Там было написано: *«Этого прихода, умер в Сибурге в 19.. году, в возрасте 28 лет»*. То есть это оказалось правдой. Оставалось осторожно порасспросить народ и выяснить, где находится его домик. Только я не знал, у кого лучше узнать об этом. И опять мне повезло: та же дорога привела меня к лавке древностей… вы ее знаете… и там я наткнулся на старые книги, и среди них оказался старинный молитвенник 1740 года в необычном красивом переплете… я сейчас его принесу, он у меня в комнате.

И он вышел, мы же в полном изумлении успели до его возвращения перекинуться лишь парой фраз. Он вернулся запыхавшийся и протянул нам книгу, раскрытую на титульном листе, на котором корявым почерком было написано:

> *Натаниэль Эйджер – имя мое, и Англия – мое место рождения,*
>
> *В Сибурге я живу, и во Христе мое Спасение,*

Когда умру и в могиле буду лежать, и тело мое сгниет,

Надеюсь, Господь не допустит того, что дело мое умрет.

Этот стих был датирован 1754 годом. Далее были другие записи Эйджеров:

Натаниэля, Фредерика, Уилльяма и так далее, последним был Уилльям, 19.. год.

— Теперь понимаете, как мне вроде бы повезло, — сказал он. — Тогда я тоже так считал, но не теперь. И я спросил продавца об Уилльяме Эйджере, ну и он, конечно, вспомнил, что тот жил в домике у Норт Филда, где и умер. Я сразу понял, о каком домике идет речь — он там только один был. Затем надо было познакомиться с теми, кто там жил, и я пошел туда. Тут мне помогла собака — она так начала гавкать на меня, что они немедленно выбежали и стали ее от меня оттаскивать, потом, разумеется, начали извиняться, и мы разговорились. Я упомянул Эйджера и наврал, будто знал его или думал, что знал, тогда женщина выразила сожаление оттого, что он умер таким молодым, а все потому, что в холодную погоду все время торчал на улице.

Тогда я спросил: «А по ночам он к морю ходил?», и она ответила: «Нет он ходил по вон тому холму, с деревьями». Мне все стало ясно.

А мне кое-что известно о том, как проводить раскопки таких курганов — я и прежде этим занимался. Но в тех случаях у меня имелось разрешение владельца, и делал я это днем и не один. К тому же, прежде чем начать копать этот холм, необходимо было его осмотреть. Да еще у этих старых пихт такие корни, с которыми не просто справиться. Но почва оказалась песчаной, такую рыть легко; помимо прочего я нашел кроличью нору, которую можно легко было превратить в туннель. Самым трудным было ускользнуть из гостиницы в позднее время. Когда я придумал, как мне копать курган, я сообщил гостиничной прислуге, что меня пригласили в гости на всю ночь. В общем, я вырыл туннель — в подробности вдаваться не стану… главное — то, что корону я добыл.

Мы само собой стали удивленно и заинтересованно восклицать. Я, вообще, давно знал о короне Рейдельсхама и часто сокрушался о ее судьбе. А англо-саксонскую корону никто никогда и не видывал-то. Но у нашего парня взгляд был тоскливым.

— Да, — возвестил он, — но самое ужасное, что я не знаю, как вернуть ее теперь на место.

— На место? — закричали мы. — Сэр, да вы же нашли самую поразительную вещь в этих краях. Да ей место в сокровищнице британской короны в Тауэре. Если вас волнует владелец земли, или казначейство, или еще что, мы вам обязательно поможем. Да в таком деле формальности и не потребуются.

Чего-то мы еще говорили, но он все равно закрыл лицо руками и бормотал одно:

— Как мне вернуть ее на место?

Наконец Лонг сказал:

— Простите, возможно, я покажусь вам наглецом, но вы уверены, что нашли ее?

Я и сам хотел задать тот же вопрос, ведь, если подумать, вся эта история может показаться бредом сумасшедшего. Мне не хотелось обижать беднягу. Но он воспринял этот вопрос спокойно… правда, спокойствие его было каким-то отчаянным, так бы я сказал. Он сел и ответил:

— Да, в этом не сомневайтесь, она у меня в номере, в мешке. Хотите, пойдем посмотрим, сюда я не хочу ее приносить.

Такую удачу мы не могли упустить. И пошли с ним. Он обитал почти рядом. Коридорный

как раз собирал обувь; во всяком случае, мы так подумали, потом-то мы уже не были в этом уверены. Наш гость — Пакстон его звали — совсем разволновался, он быстро влетел к себе и поманил нас за собой, потом он включил свет и запер дверь. Там он развязал свой мешок, вынул из него что-то завернутое в чистый носовой платок, положил его на кровать и развернул. Теперь я могу с уверенностью утверждать, что видел настоящую англо-саксонскую корону. Она была серебряной — какой, говорят, была и рендельсхамская, — усыпанная драгоценностями, в основном геммами и камеями, и очень простой, почти грубой работы. В общем, она очень походила на те, которые изображены на монетах и в рукописях. Позже девятого века датировать ее было нельзя. Меня она, конечно, сильно заинтересовала, и я хотел взять ее в руки, но Пакстон меня остановил.

— Не трогайте хоть вы ее, — попросил он, — я сам покажу ее вам.

И со вздохом, который было страшно слышать, он взял ее и стал поворачивать, чтобы нам было видно каждую ее деталь.

— Нагляделись? — наконец произнес он, и мы кивнули.

Он опять завернул ее и засунул в свой мешок, потом молча уставился на нас.

— Пошли к нам, — предложил Лонг, — расскажите, что за несчастье с вами приключилось.

Он поблагодарил и сказал:

— Только вы идите первыми и посмотрите сначала… свободен ли путь.

Мы его не очень-то поняли, потому как наше поведение подозрительным никому показаться не могло — в гостинице практически никого не было. Тем не менее мы крадучись… не знаю, зачем мы это делали — чужое нервное состояние так заразительно. В общем, сначала мы выглянули и оглянулись, и нам почудилось (причем почудилось обоим), что, когда мы вышли в коридор, мимо нас проскользнула тень или больше чем тень… звуков она не производила.

— Все в порядке, — прошептали мы Пакстону (нам казалось, что шептать обязательно) и двинулись, пятясь, к нашему номеру; он шел между нами.

Когда мы добрались до места, я хотел выразить исступленный восторг от увиденного, но когда взглянул на Пакстона, то заметил, что он чувствует себя не в своей тарелке, и решил предоставить первое слово ему.

— Так что же делать? — так он начал.

Лонг подумал (как объяснил он мне потом), что в такой ситуации следует притвориться тупицей, и предложил:

— Может, найти владельца земли и известить…

— Ни в коем случае! — завопил Пакстон. — Вы меня извините, вы были так добры ко мне, но разве вы не понимаете, что она должна вернуться на место, а ночью я туда идти не в состоянии, а днем невозможно. Вероятно, вы не замечаете, но все дело в том, что с тех пор, как я к ней прикоснулся, я не один.

Я начал было нести какую-то чушь, но Лонг остановил меня взглядом. И сказал:

— Кажется, я замечаю, но все-таки… не было бы лучше… если бы вы нам объяснили ситуацию?

Тут все и началось: Пакстон оглянулся и поманил нас к себе поближе, а потом тихо заговорил. Мы слушали его очень внимательно, потом сравнили все, что запомнили. Я все это записал и уверен, что повторил его рассказ слово в слово. Он рассказал:

— Это началось, когда я еще только осматривал холм. Он все отталкивал и отталкивал меня. Там все время был кто-то… мужчина… у пихты. Днем,

как вы понимаете. Передо мной он не оказывался никогда. Я видел его лишь краешком глаза то слева, то справа, а когда я поворачивался, он пропадал. Я, например, ложился и лежал подолгу, чтобы изучить землю, и никого не было, а как только вставал, он вновь появлялся. А потом он стал подавать мне знаки… вот кладу я этот молитвенник… в последнее время я все время его специально закрывал… возвращаюсь, а он на столе, открытый на титульном листе, где все имена, и бритва сверху лежит, чтобы он не закрылся. Наверное, он не смог открыть мой чемодан, а то еще что-нибудь бы произошло. Он же легкий и слабый, но не хотел бы я столкнуться с ним лицом к лицу. Когда я рыл туннель, было еще хуже, и если бы я не был таким упрямым, то давно бы все бросил и убежал. Будто кто-то все время царапал мне спину; сначала я думал, что земля на меня сыплется, но чем ближе я подвигался к короне, то все сильнее он меня царапал. И когда я нашел ее и вытащил, сзади меня послышался крик… каким же он был неутешным! И угрожающим. Он мне всю радость испортил в тот момент. И, если бы я не был таким кретином, я бы положил ее на место и оставил все, как есть. Но я не сделал этого. А дальше все превратилось в кошмар. Мне

несколько часов потребовалось, чтобы выбраться наружу и спокойно дойти до гостиницы. Сначала я засыпал туннель и заметал следы, а он все время мне мешал. Знаете, иногда его видишь, а иногда и нет — как ему хочется. Он вроде бы рядом, но его нет. Он может перевоплощаться. Так вот оттуда я убрался до рассвета, добрался до станции и поехал до Сибурга на поезде. И хотя было уже светло, лучше не стало. Эти изгороди, кусты, заборы… в общем, темные леса… я себя спокойно ни минуты не ощущал. А потом я стал встречать людей, идущих на работу, и все они как-то странно на меня смотрели — может, потому, что удивлялись, что я иду так рано; но мне кажется, что не только поэтому… видите ли, они глядели не на меня. И носильщик на вокзале тоже. И проводник после того, как я вошел в купе, еще минуту держал дверь открытой, словно кого-то еще впускал, понимаете? Уверяю вас, я это не придумал. — И он невесело засмеялся. Затем продолжил: — И даже если я верну ее на место, он меня не простит — это я знаю наверняка. А как я был счастлив две недели назад.

Он плюхнулся на стул и, кажется, заплакал.

Мы не знали, что и сказать, но понимали, что обязаны прийти ему на помощь, поэтому мы его

успокоили — что было, на наш взгляд, единственным выходом, — что, если он так настаивает на необходимости вернуть корону на место, мы ему поможем. И должен заметить, что после того, что мы услышали, это решение казалось верным.

Если с этим беднягой происходило такое, так, может быть, эта корона действительно обладает властью охранять побережье?

Мы выглянули из окна — стояла яркая полная луна, пасхальная луна. Лонг решил взять на себя коридорного. Ему надо было сообщить, что мы уйдем на часик погулять, и, если задержимся, пусть не волнуется и идет спокойно спать. Мы были постоянными постояльцами гостиницы и не причиняли прислуге неудобств, к тому же были всегда щедры на чаевые; таким образом, коридорный был успокоен и отпустил нас на берег, а сам, как выяснилось позже, остался нас ждать. Пакстон перебросил через руку пальто, под которым пряталась завернутая корона.

Вот мы и двинулись выполнять столь диковинное дело, даже не успев поразмыслить, что мы вообще собираемся делать. Я рассказал об этой части наших приключений коротко, чтобы стало по-настоящему понятно, с какой поспешностью мы пришли к решению и начали действовать.

— Быстрее всего туда добраться через вершину холма и церковный двор, — сообщил Пакстон, когда мы вышли из гостиницы и замерли на месте.

Вокруг никого не было — никого абсолютно. В это время года в Сибурге тихо и спокойно.

— Вдоль дамбы у домика идти не стоит: там собака, — добавил Пакстон, когда я предложил кратчайший путь: по набережной и через два поля. К мнению его стоило прислушаться.

И мы поднялись по дороге к церкви и свернули в церковный двор. Должен признаться, я все ждал, что появится кто-нибудь, кто покоится в этом дворе и знает, чем мы занимаемся; но они наверняка знали, что один из них нас сторожит, скажем так, поэтому мы их не видели. Но чувствовали, что находимся под надзором. Очень сильно это ощущалось. Особенно когда мы вышли со двора и ступили на узкую тропинку и по краям нас обступила высокая изгородь. Мы мчались мимо этих кустов, как по «долине смертной тени», и скоро оказались в открытом поле. Затем снова пришлось миновать изгороди, и я все мечтал поскорее попасть на открытое место — так бы я видел, идет ли за мной кто-нибудь. Затем мы прошли пару калиток и, свернув влево, выбрались на гребень, который и оканчивался тем самым

курганом.

Когда мы к нему подошли, Генри Лонг почувствовал, да и я тоже — правда, очень неясно, — что там кто-то есть и нас ждет, причем его присутствие ощущалось сильнее, чем того, кто следовал за нами. О том, в каком жутком состоянии пребывал Пакстон, я не в состоянии рассказать: он пыхтел, как раненый зверь, и мы оба боялись взглянуть ему в лицо. Мы и не подумали, что с ним будет, когда доберемся сюда: он был вроде так уверен, что все получится. И так и оказалось.

Если бы вы видели, как он бросился к этой норе и забрался в нее — через несколько минут из нее торчала лишь половина его тела. А мы стояли с пальто и с носовыми платками в руках и, должен признаться, пугливо оглядывались. Никого не было. Темные пихты за нами тянулись одной линией к горизонту; справа, примерно в полмили от нас, виднелись еще деревья и церковная башня; слева домики и ветряная мельница; впереди тихое спокойное море; а с поблескивающей дамбы, где стоял домик, раздавался еле слышный собачий лай. По морю тянулась лунная дорожка, над нами беспрестанно шептались пихты, и рядом чуть бормотало море. И в то же время создавалось сильное впечатление, что совсем

близко находится враг — будто собака на цепи, которая вот-вот сорвется.

Пакстон высунулся из норы и протянул руку.

— Давайте ее сюда, — прошептал он, — только сначала разверните.

Мы сорвали с нее платки, и он забрал корону. Когда он схватил ее, на нее упал свет луны. Сами мы до нее даже не дотронулись, и думаю, что к лучшему. Еще через мгновение Пакстон выбрался наружу и стал закапывать дыру прямо руками, которые уже кровоточили. От нашей помощи он отказался. Заделать нору так, будто ее никто никогда и не рыл, потребовало много времени, и все же — каким образом, я понятия не имею — ему это удалось.

Наконец все было сделано, и мы отправились обратно.

Мы были уже примерно в двухстах ярдах от холма, когда Лонг вдруг сказал ему:

— Послушайте, вы забыли там свое пальто. Так не пойдет. Видите?

И действительно, оно там лежало — длинное темное пальто прямо у бывшего туннеля. Но Пакстон не остановился, лишь покачал головой и показал нам свое пальто, которое он держал в руке. И, когда мы догнали его, он произнес рав-

нодушным голосом, будто ничего его больше не волновало:

— Это не мое пальто.

И правда, когда мы снова обернулись, эта темная штука пропала.

Вышли мы на дорогу и быстро понеслись по ней. В гостиницу мы вернулись около двенадцати и вошли внутрь, пытаясь улыбаться — и Лонг, и я, — со словами, как чудно прогуляться в столь прекрасный вечерок. Коридорный стоял на стреме и начал читать нам нотации, поэтому нам и пришлось это сказать. Перед тем как закрыть входную дверь, он кинул еще один взгляд по направлению к морю и поинтересовался:

— Полагаю, сэр, вы немного встретили народу?

— Нет, вообще-то ни души, — ответил я, и Пакстон как-то странно на меня посмотрел.

— Да, а мне показалось, что кто-то последовал за вами от дороги к станции, джентльмены, — заявил коридорный. — Но так как вы были втроем, он ничего вам не сделает.

Я промолчал — не знал, что и ответить, а Лонг весело произнес: «Спокойной ночи», и мы пошли наверх, пообещав, что через несколько минут выключим свет и ляжем спать.

Попав в номер, мы стали стараться изо всех сил

приободрить Пакстона.

— Корона на месте, в целости и сохранности, — говорили мы. — Конечно, было бы лучше, если бы вы и не прикасались к ней (с чем он мрачно согласился), но ничего страшного с ней не произошло, и мы теперь никого туда не подпустим, если, конечно, найдется такой сумасшедший. И разве у вас не полегчало на душе?

— Признаюсь честно, — сообщил я, — что я стал думать так же, как и вы… ну, что за нами кто-то следует. Но ведь он был с нами не все время, верно?

Но все наши слова не помогали.

— Вам беспокоиться не о чем, — возвестил он, — мне же нет прощения. Я обязан заплатить за святотатство. Мне известно, что вы сейчас скажете. Церковь поможет. Да, но должно пострадать тело. Да, сейчас я не чувствую, что он ждет меня снаружи. Но… — И замолчал.

Затем он стал нас благодарить, и мы его туг же отправили к себе. Естественно, мы сказали ему, что на следующий день он может побыть у нас в номере и что будем очень рады, если он присоединится к нам. Кстати, играет ли он в гольф? Да, играет, но завтра ему что-то не хочется в него играть. Тогда мы посоветовали ему встать

утром поздно и, пока мы будем играть, посидеть у нас в комнате, а попозже все вместе пойдем погулять. Он с покорностью и piano[29] выслушал нас, согласный на все наши предложения, но думал он совсем о другом, чего никак нельзя было предотвратить или смягчить.

Вы, наверное, удивляетесь, почему мы не настояли на том, чтобы препроводить его до дому и сдать на руки каким-нибудь братьям или другим родственникам. Дело было в том, что у него никого не было. В городе у него имелась квартира, но недавно он решил переехать на время в Швецию, поэтому сдал квартиру и отправил в Скандинавию свои пожитки — через две-три недели он собирался уехать. Во всяком случае, мы ничего не могли придумать лучше, чем лечь спать — или поспать хотя бы немного, как то произошло со мной, — и утром посмотреть, что будет.

В то прекрасное апрельское утро и Лонг, и я чувствовали себя совсем не так, как хотелось бы; Пакстон тоже выглядел иначе, когда мы встретились с ним за завтраком.

— Первая мало-мальски спокойная ночь, — заметил он.

---

[29] Сноски: 29
Тихо *(лат.)*.

Но он собирался делать то, что мы ему предложили: оставаться в комнате почти все утро и выйти на воздух с нами попозже. Мы двинулись на поле для гольфа, где встретили других, и проиграли с ними все утро — ленч там обычно подают рано, поэтому вернулись мы не поздно. Но он все равно не избежал западни смерти.

Можно ли было ее избежать, не знаю. Наверное, с ним все-таки что-нибудь да случилось бы, и помочь мы ему были не в состоянии. А произошло вот что.

Мы прямиком пошли к себе. Пакстон сидел там и мирно читал.

— Вы готовы пойти погулять? — спросил Лонг. — Примерно через полчасика?

— Конечно, — ответил он.

И я сказал, что сначала нам надо переодеться и принять душ, а через полчаса мы за ним зайдем. Я первым принял душ, а потом лег на кровать и минут десять подремал.

Мы вместе вышли из своих спален и отправились к Пакстону. Но его не было — лежала лишь его книга.

Внизу его тоже не оказалось.

Мы стали его звать.

Вышла горничная и сказала:

— Джентльмены, я думала, вы уже ушли, как и другой джентльмен. Он услышал, как вы его зовете снаружи, и быстро к вам побежал, а я выглянула из окна столовой, а вас там не было. Но он побежал туда, к берегу.

Ни слова не говоря, мы понеслись в том же направлении — в обратную сторону от нашего ночного пути. Не было еще и четырех, и было светло, правда, не так, чтобы очень, так что беспокоиться смысла не имело — вокруг полно народу, ничего с ним не случится.

Но что-то в наших лицах было, по-видимому, такое, что, когда мы бросились наружу, горничная выбежала вслед за нами и, показав пальцем, сказала:

— Вон туда он побежал.

Мы помчались вверх по каменистому берегу и остановились. Мы не знали, куда идти: то ли мимо домов на берегу, то ли вдоль песчаной полосы посреди берега, которая после прилива стала очень широкой. Конечно, можно было продвигаться по прибрежной гальке, чтобы все видеть, но идти было трудно. И мы выбрали песок, потому что там-то было пустынно и кто угодно мог что-нибудь с ним сделать вдали от людей.

Лонг утверждал, что увидел вдали Пакстона —

он бежал и размахивал палкой, словно хотел привлечь внимание шедших впереди людей. Я-то не был в этом уверен: с юга очень быстро поднимался туман. Но что там кто-то был — это точно. На песке были следы кого-то, кто бежал в ботинках, а перед этими следами были еще следы, но человека без ботинок. И следы от ботинок порой наступали на них. Естественно, вам остается поверить мне на слово — Лонг умер, а зарисовать их или снять слепки у нас не было времени, а следующий прилив их уничтожил. На той скорости, с какой мы неслись, мы могли лишь заметить их. Но они попадались чаще и чаще, и у нас не вызывало сомнений, что перед нами след от босой ноги, причем сильно костлявой.

Когда мы думали о том, что Пакстон бежит за… за чем-то таким, а думает, что за друзьями, нам становилось страшно. Можете себе представить, чего мы только не воображали: вот этот некто вдруг останавливается и оборачивается к нему… и какое лицо возникает перед Пакстоном, поначалу смутно, из тумана… который все сгущался и сгущался. И когда я так бежал и все гадал, каким образом этот бедолага принял кого-то другого за нас, я вдруг вспомнил, как он говорил: «Он может перевоплощаться». Потом я стал думать,

каким же все-таки будет его конец — надеяться, что конца ему не избежать, я перестал… и… в общем, не стану рассказывать, какие страшные и мрачные мысли мелькали у меня в голове, пока мы бежали сквозь тот туман. Становилось жутко еще оттого, что солнце светило ярко, а мы ничего не видели. Мы лишь понимали, что дома уже миновали и добрались до места между ними и дозорной башни. А за башней оставался лишь берег, очень длинный — ни домика, ни человека, лишь земля да, может быть, галька. Справа река, а слева море.

Но, если помните, как раз перед башней, совсем близко от нее, находится старая батарея, рядом с морем. От нее, кажется, теперь осталось всего несколько обломков, остальное унесло морем, но в то время их было больше, хотя и тогда она представляла собой руины. Добравшись до нее, мы быстро взобрались наверх и остановились, чтобы отдышаться и осмотреть внизу берег, если, конечно, туман нам это позволит. Но передохнуть мы были должны.

Впереди ничего не было видно, и мы уже решили просто спуститься и продолжать свой безнадежный бег, когда услышали, как кто-то засмеялся, если это можно было назвать смехом,

таким он был безвоздушным, невесомым. Может, вы и попытаетесь представить его себе, но я думаю, у вас это не получится. Он доносился снизу, и туман его развеял. Этого было достаточно. Мы запнулись. Пакстон лежал внизу.

Нет нужды объяснять, что он был мертв. По следам было понятно, что он бежал вдоль батареи, резко завернул за угол и, в чем сомнений не оставалось, попал прямо в руки того, кто его там и ждал. Рот его был полон песка и камней, а зубы и челюсть превратились в крошево. Я только раз глянул ему в лицо.

В ту минуту, как мы спускались вниз к телу, раздался крик, и мы увидели, что от дозорной башни бежит человек. Он оказался смотрителем башни, и его внимательные старые глаза ухитрились разглядеть сквозь туман, что случилось что-то ужасное. Он видел, как упал Пакстон и как минутой позже появились бегом мы. Таким образом, нам повезло, иначе мы вряд ли бы избежали подозрений в причастности к столь кошмарному событию. Мы спросили, не видел ли он случайно того, кто напал на нашего друга. Он не смог ответить точно.

Мы послали его за помощью и оставались около мертвого, пока не принесли носилки. Именно

тогда мы и выяснили по следам, как он попал сюда, на эту маленькую полоску песка под батареей. Далее простиралась галька, и гадать, куда ушел другой, было безнадежным занятием.

Что мы сообщили на следствии? Мы понимали, что обязаны сохранить в тайне историю про корону, дабы она не попала в печать. Не знаю, что бы сказали вы на нашем месте, но мы решили рассказать следующее: с Пакстоном мы познакомились за день до этого, и он уверял нас, что ему грозит опасность от человека по имени Уилльям Эйджер. Также мы доложили, что когда бежали за Пакстоном по берегу, то видели чьи-то следы перед его следами. Но к тому времени они, само собой, пропали.

Никто, к счастью, не знал никакого проживающего тут Уилльяма Эйджера. А свидетельские показания человека с дозорной башни освободили нас от подозрений. И вердикт гласил, что произошло преднамеренное убийство неустановленным лицом или неустановленными лицами.

Пакстон же настолько оказался одиноким, что все расспросы о его родных ни к чему не привели. А я с тех пор больше никогда не был ни в Сибурге, ни близ него.

Званый вечер

Любимой темой старых романов является описание зимнего вечера, где близ камелька пожилая дама повествует деткам о привидениях и феях, а детки трясутся от страха. Но, о чем именно рассказывают они, нам остается неизвестным. Единственное, о чем мы узнаем, что речь идет о призраках в простынях с глазами, круглыми, как блюдца, и — что еще сильнее заинтриговывает — о «скелетах» (Оксфордский словарь утверждает, что сие выражение возникло аж в 1550 году), но, что там происходит с ними, остается в тайне.

Эта загадка мучила меня много лет; но как ее разгадать, я никак не мог придумать. Тех пожилых дам давно нет на свете, а фольклором в Англии стали заниматься довольно поздно, и большая часть бабушкиных сказок в памяти не сохранилась. Тем не менее не все развеялось, как дым, и с помощью оставшихся обрывков историй да воображения можно сочинить картинку такого вечерочка, образцы которого в таких трудах, как «Беседы по вечерам» миссис Марсет, «Диалоги об эмоциональном складе ума» мистера Джойса и «Философия развлечений как серьезная наука»

кого-то там, ставят перед собой цель уничтожить заблуждение и сверхъестественное путем их замены практичностью и истиной примерно следующим образом.

Чарльз. Папочка, я полагаю, что теперь понимаю действие рычага, которое ты столь любезно объяснял мне в субботу, но размышлении о действии маятника привели меня в тупик. И вот я все гадаю, почему, когда его останавливаешь, часы перестают идти.

Отец. Так это ты, юный грешник, сломал часы в холле? А ну-ка подойди ко мне! (Нет, это в текст каким-то образом вкралась пометка на полях.) Что ж, мой мальчик, несмотря на то что я не целиком одобряю проведение тобой экспериментов без моего присмотра, так как подобное может привести к порче ценного имущества, я все же постараюсь наилучшим образом объяснить тебе принцип действия маятника. Принеси из моего кабинета бечевку — она лежит в письменном столе — и попроси кухарку, чтобы она была так добра и одолжила тебе разновесы, которыми она пользуется в кухне.

Покинем их.

Как от отличается от вышеприведенной сцены

тот дом, куда еще не проник свет Науки!

Измученный долгой охотой на куропаток и насытившийся хорошей едой и напитками, сквайр похрапывает неподалеку от очага. Ею старая матушка сидит поблизости с вязанием, а у ее колен примостились детишки (Чарльз и Фанни, но не Гарри с Люси, они не выдерживают подобных сказок).

Бабушка. Ну дорогие мои, сидите тихо, а то еще пату разбудите. Вы ведь знаете, что тогда будет.

Чарльз. Знаем-знаем: он чертовски разозлится и отправит нас спать.

Бабушка (*перестает вязать, произносит суровым голосом*). Что такое? Как тебе не стыдно. Чарльз! Нельзя так говорить Я хотела вам рассказать одну историю, но раз ты употребляешь такие плохие слова, то не буду. (*Сдержанные восклицания: «Ну бабуля!»*) Тише! Тише! Теперь вы точно разбудите отца!

Сквайр (*еле ворочая языком*). Послушай, мама, если ты не угомонишь этих щенков…

Бабушка. Да, да, Джон! Это очень плохо. Я говорила им, если это повторится, они тут же отправятся спать.

Сквайр снова впадает в спячку.

Бабушка. Вот видите, дети, что я вам говорила?

Ведите себя хорошо и сидите тихо. Вот что я вам скажу: завтра вы пойдете за ежевикой, и, если вы принесете полную корзину, сварю вам варенье.

Чарльз. Ой, бабуля, свари! А я знаю, где растет самая лучшая ежевика — я сегодня видел.

Бабушка. И где же, Чарльз?

Чарльз. Да на маленькой тропинке, которая у дома Коллинза.

Бабушка (*перестав вязать*). Чарльз! Не смей даже ягодки сорвать на этой тропинке. Разве ты не знаешь… да откуда тебе ж знать-то… о чем я только думаю? В общем, слушайся меня…

Чарльз и Фанни. Но почему, бабуленька? Почему нам нельзя ее рвать?

Бабушка. Тише! Тише! Ладно, я вам расскажу, только не перебивайте меня. Дайте-ка припомнить. Когда я была маленькой, у этой тропинки была дурная слава, но почему-то об этом все давно позабыли. И однажды… Боже мой, да, был такой вечер, как и сейчас… я пришла домой к ужину и сказала своей бедной мамочке… летний вечер то был… я рассказала ей, где гуляла и что была на этой тропинке, и спросила ее, почему в одном месте у этой тропинки растут смородина и крыжовник. И как же она рассердилась! Стала меня трясти и даже отшлепала, а потом и гово-

рит: «Ты — непослушная, непослушная девочка, я ведь двадцать раз запрещала тебе даже ступать на эту тропинку! А ты опять туда забрела, да еще когда ночь на дворе!», ну и тому подобное. А когда она перестала ругаться, я была так ошеломлена, что не могла и слова произнести, но убедила ее, что впервые слышу об этом, и то была истинная правда. А затем, так как она очень расстроилась, что была со мной груба, она после ужина все мне и рассказала. И после я часто слышала ту же историю от стариков, да и потом у меня и свои есть причины, чтобы ой верить.

Так вот, там, где тропинка кончается… справа или слева, сейчас вспомню… слева… растут кусты, потом идет заброшенный участок, вокруг которого старый сломанный забор, и там же смородина и крыжовник… вернее, были когда-то… я много лет там не была. То есть когда-то там стоял, конечно, дом, и в этом доме еще до того, как я появилась на свет, жил человек по имени Дэвис Я слышала, что родом он был не из наших мест, и действительно с таким именем никто больше здесь не живет, во всяком случае с тех пор, как я себя помню. И жил этот мистер Дэвис один и очень редко появлялся на людях и никогда не работал — наверное, у него имелись деньги,

которых ему хватало на житье. Но по базарным дням он ездил в город и забирал письма с почты, когда приходил почтовый поезд. И вот однажды вернулся он из города в такой вот день и привез с собой молодого человека. И этот молодой человек стал с ним жить и повсюду с ним ходить, но был ли он слугой мистера Дэвиса или мистер Дэвис его чему-то обучал, никто не знал. Говорили, что этот паренек был бледным и противным и ничего о себе не рассказывал. И непонятно было, что эти двое там вместе делают.

Я, понятно, не стану пересказывать вам все глупости, которые о них говорили, тем более мы ведь знаем, что нельзя говорить о людях дурное, если мы точно не знаем, даже если эти люди давным-давно умерли. Но, как я уже и сказала, они все время были вместе, поздно ли, рано, на холмах ли, в лесу, но особенным местом, куда они ходили раз в месяц, было то, что на холме, где стоит старая деревянная фигура. И примечал народ, что летом они там оставались даже на всю ночь, может, там, а может, где-нибудь поблизости.

Помню, как мой отец — ваш прадедушка — рассказал мне, что он говорил об этом с мистером Дэвисом (потому что тот жил на его земле) и спросил его, почему ему так нравится туда ходить, но

тот только ответил: «Там так красиво, сэр, а мне всегда нравились подобные старые места, а когда мы с ним (то есть с его другом) приходим туда вместе, то кажется, что старые времена вновь возвращаются, причем так запросто».

А отец сказал ему на это: «Хорошо, — сказал он, — может, вам там и нравится, но я бы не стал ходить в столь заброшенное место, тем более посреди ночи».

А мистер Дэвис улыбнулся, а молодой человек, который все это слушал, ответил: «В такое время нам попутчики не требуются», отец говорил, что в тот момент ему показалось, что мистер Дэвис сделал какой-то знак молодому человеку, и тогда тот быстро продолжил, будто пытаясь поправить свои слова. «То есть я хочу сказать, что нам с мистером Дэвисом достаточно друг друга, правильно, хозяин? А летом там такой воздух, и луна все вокруг освещает, и все становится необычным, почти как днем. И холмы внизу…»

Тут мистер Дэвис его прервал — он, видимо, разозлился, что тот сказал такое: «Все старые места такие, ведь так, сэр? А как вы думаете, для чего они?»

А отец ответил (надо же, даже странно, как я все это помню, но когда-то я много думала об этом, и,

хотя вам может мой рассказ кажется и скучным, я все равно дорасскажу), так вот, он сказал: «Я мистер Дэвис, слышал, что все это — кладбища, и я это знаю наверняка, потому что когда такие земли вспахиваешь, то находишь там старые кости и глиняные осколки. Но чьи это могилы, я не знаю. Говорят, что на наших землях когда-то проживали древние римляне, но они ли хоронили своих людей таким образом, не могу сказать». А мистер Дэвис покачал задумчиво головой и сообщил: «Мне-то мыслится, что эти захоронения старше древних римлян, и одеты они иначе… то есть я хочу сказать, что на рисунках римляне всегда были в доспехах, а ведь вы никогда не находили доспехов, как я понял, сэр?»

Отец очень удивился и сказал: «Доспехов я действительно не находил. Но вы так говорите, будто их видели, мистер Дэвис».

А они, и мистер Дэвис, и молодой человек, засмеялись, и мистер Дэвис воскликнул: «Видел, сэр? Трудновато их увидеть через столько лет. Нет, просто мне хочется побольше узнать о тех временах и тех людях и чему они поклонялись».

Отец переспросил: «Поклонялись? Наверное, этому старику на холме».

«Вот именно!» — закричал мистер Дэвис.

«И неудивительно».

А отец все продолжал им рассказывать, что он слышал и читал о язычниках и их жертвоприношениях; когда ты пойдешь в школу и начнешь изучать латинский язык, Чарльз, ты тоже об этом узнаешь. И у отца возникло впечатление, что слушают они вроде с большим интересом, но все, что он говорит, им давно известно. И это был единственный раз, когда он имел такую беседу с мистером Дэвисом, но в голове у него, как он говорил, сильно засели слова молодою человека, что «попутчики им не требуются» — в те времена по деревням такие слухи ходили… например, если бы не отец, то люди стали бы шарахаться от одной старой леди, потому как считали ее ведьмой.

Чарльз. А что это означает, бабушка, считали старую леди ведьмой? А сейчас ведьмы есть?

Бабушка. Боже упаси, дорогой! И зачем я только об этом заговорила? Нет, нет, тут совсем другое депо. Просто я хотела сказать, что другие люди в округе думали, что по ночам на этом холме, где стоит тот человек, собираются те, кто желает зла другим. Но не перебивай меня больше, уже поздно. Так вот, наверное, три года мистер Дэвис с этим молодым человеком жили вместе, и вдруг случилось ужасное. Не знаю даже, рассказывать

ли вам об этом.

Чарльз и Фанни. Да, бабуля, да! Ты же обещала!

Бабушка. Хорошо, только поклянитесь, что не испугаетесь и не станете визжать посреди ночи.

Чарльз и Фанни. Нет, нет, обещаем, что не будем!

Бабушка. Как-то утром, очень рано, в конце месяца — по-моему, в сентябре — один лесоруб должен был работать в чаще наверху, а как раз рассветало, и там, где на прогалине растут большие дубы, он увидел вдали что-то белое. Оно походило на человека, но туман стоял. И он дважды подумал, прежде чем идти туда, но идти было надо, и когда он подошел поближе, то увидел, что это и впрямь человек; более того, то оказался молодой человек мистера Дэвиса. Он был одет в какую-то белую рубаху и висел на ветке самого высокого дуба, а внизу на земле под его ногами лежал топор прямо в луже крови. Сами понимаете — увидеть такое, да еще в столь безлюдном месте! Этот бедняга чуть с ума не сошел; покидал все, что нес, и помчался прямиком к дому священника, разбудил там всех и все рассказал.

И старый мистер Уайт, который тогда был

священником, послал его за двумя или тремя крепкими мужчинами — кузнецом и церковными сторожами. А сам пока одевался. И вот пошли они туда с лошадью, чтобы положить на нее тело и довезти до дома. Когда они туда добрались, все оказалось именно так, как и говорил лесоруб; только их сильно потрясло то, как труп одет был, особенно старого мистера Уайта, потому что он посчитал это насмешкой над церковным стихарем, только одеяние было не того покроя, как объяснил отцу священник. А когда они стали снимать с дуба тело, то обнаружили, что висел он на цепи из какого-то металла с украшением в виде колеса, которая была очень старинной, как они сказали. А еще раньше они послали мальчика к мистеру Дэвису узнать, дома ли он: они, естественно, подозревали его. И мистер Уайт приказал послать за констеблем из другого прихода и сообщить о происшествии другому мировому судье (он и сам был мировым судьей), поэтому началась беготня.

А так случилось, что отец мой уехал перед этим, а то бы они и его прихватили с собой.

И вот положили они тело на лошадь, и никак не могли они заставить ее к дереву подвести — она все шарахалась, просто с ума сошла от страха.

Пришлось им ей глаза завязать и самим вести ее и через лес, и по деревне. И близ большого дерева, от которого один ствол остался, их ждали женщины, а тот мальчик, которого они послали к мистеру Дэвису, лежал на земле, белый как бумага, и ни слова они не сумели из него вытянуть, ни плохого, ни хорошего.

И тогда они поняли, что их ждет что-то ужасное, и быстро двинулись по тропинке к дому мистера Дэвиса. Вот подошли они близко к дому, и лошадь прямо-таки спятила от страха, встала на дыбы и заржала и ударила передними копытами человека, что вел ее — так он чуть не умер, — и тело с лошади свалилось. И мистер Уайт приказал скорее увести лошадь, а тело они понесли в дом, потому как дверь стояла открытой. И там они увидели то, отчего так испугался бедный мальчик, и поняли, почему сошла с ума лошадь — вы же знаете, что лошади не переносят запаха крови.

В комнате стоял длинный стол, как раз размером с человека, и на нем лежало тело мистера Дэвиса. Глаза у него были перевязаны тряпичной лентой, а руки связаны за спиной, и ноги тоже были связаны другой лентой, но самым страшным было то, что грудь его была пробита топором! Кошмарное было зрелище, неудивительно, что

некоторым из них стало плохо, и им пришлось выбежать на свежий воздух. Даже мистеру Уайту, который был человеком с сильным характером, понадобились силы, чтобы превозмочь себя и прочитать молитву в саду.

Наконец, положили они в комнате другое тело и стали соображать, что же тут произошло. И в буфетах нашли они много трав и кувшинов с настоями, и, как потом выяснилось, когда на все это посмотрели люди, которые знают толк в подобных вещах, некоторые из этих настоев были снотворными. И они уже не сомневались, что этот злой молодой человек что-то подлил в питье мистера Дэвиса, а потом сделал с ним то, что сделал, а позже осознал грех своего деяния и покончил с собой.

Дальше последовало следствие… ну, вам это не понять, но в последующие дни в округу понаехало много народу, и тогда местные жители собрались и решили между собой, что не желают, чтобы этих двух похоронили на христианском кладбище, потому что в их доме мистер Уайт и другие церковнослужители нашли разные бумаги и записи, из-за которых они подписали заявление, что эти люди виновны по собственному умыслу в страшном грехе идолопоклонства. А так как

они боялись, что в наших краях есть еще люди с такими же греховными мыслями, они призвали их покаяться, иначе с ними случится такое же, а бумаги те сожгли.

А мистер Уайт, он тоже придерживался мнения своих прихожан, и поздно вечером он и еще специально отобранные двенадцать мужчин пошли в этот страшный дом, взяв с собой носилки, быстро сколоченные для этого дела, и два черных покрывала, а потом направились на перекресток — там, где поворот на Баскомб и на Уилкомб, — где их уже ждали люди с факелами. И вырыли они там яму. И столько народу там собралось со всей округи. И мужчины пошли к этому дому и вошли туда, не снимая шляп, и четверо из них взяли тела, положили на носилки и покрыли черными покрывалами, и никто из них слова не произнес. Понесли они их по тропинке, положили в яму и забросали камнями и землей. А затем мистер Уайт обратился к собравшимся людям.

Отец тоже там был — он вернулся, когда до него дошла новость эта, — и говорил он, что никогда не забудет ту необыкновенную сцену: факелы горят, две черных фигуры в яме, и все молчат, лишь тихий плач испуганного ребенка или женщины. И когда мистер Уайт кончил говорить, все

разошлись и оставили их там лежать.

Ходят слухи, что лошади до сих пор не любят это место, и еще я слышала, что потом там долго висел туман или свет какой, только я не очень этому верю. Но кое-что я знаю точно.

На следующий день отцу понадобилось проезжать мимо этой тропинки, и увидел он, что там собрались группками люди, сильно взволнованные Он подъехал к ним и спросил, в чем дело. А они подбежали к нему и сказали: «Сквайр, там кровь! Посмотрите, там кровь!» — и все продолжали твердить одно и то же.

Тогда он слез с лошади, и показали они ему, что в четырех местах, кажется, лужи крови на дороге. Но кровь эту было почти невозможно разглядеть, потому что каждая лужа была усеяна большущими черными мухами, которые не взлетали и даже не шевелились И эта кровь была той, которая капала с тела мистера Дэвиса, когда несли его по тропинке.

Пришлось отцу пойти и хорошенечко посмотреть на столь противное зрелище, а затем он попросил одного из тех, кто был там: «Принеси побыстрее корзину или тачку со святой землей с церковного двора и закидай эти лужи, а я тебя здесь подожду».

И скоро тот вернулся вместе с могильщиком, и притащили они с собой лопату и тачку с землей. И как только приготовились они сыпать землю, как — что вы думаете? — мухи поднялись в воздух сплошной тучей и полетели прямо к дому, и могильщик (он еще и церковным служкой был) остановился, посмотрел на них и сказал отцу: «Повелитель мух, сэр» — больше он ничего не сказал. И улетели мухи так со всех луж.

Чарльз. А что это означало, бабушка?

Бабушка. Знаешь, дорогой, спроси-ка ты об этом завтра мистера Лукаса, когда пойдешь к нему на урок. Сейчас я не могу еще и об этом рассказывать, вы давно должны были лежать в своих кроватях.

Дальше отец постановил, что в этом доме больше никто не должен жить и не пользоваться вещами оттуда. Поэтому, хотя тот участок был одним из лучших, он приказал людям с домом покончить и сообщил, что любой, кто хочет, может прийти с вязанкой хвороста, чтобы сжечь его.

Вот что он сделал. Сложили они хворост в гостиной и разобрали соломенную крышу, чтобы огонь хорошо разгорелся, и подожгли они хворост, а так как из кирпича были только труба да печка, дом быстро сгорел. Труба еще оставалась, когда я

была маленькой, но потом и она развалилась.

Теперь я расскажу вам последнее. Конечно же потом люди много лет говорили, что видели мистера Дэвиса с его молодым человеком: одного из них в лесу, а другого — на месте сгоревшего дома или на тропинке, особенно весной и осенью. Не могу отвечать за их слова, но, если привидения существуют, очень похоже, что такие люди не в состоянии обрести покой. Но слушайте дальше.

Однажды вечером, в марте, как раз перед тем, как мы с нашим дедушкой должны были пожениться, мы гуляли с ним вместе в лесу, собирали цветы и болтали, как обычно болтают влюбленные друг в друга молодые люди, и так мы были увлечены друг другом, что не обращали внимания, куда идем. И вдруг я закричала, и дедушка ваш спросил, что случилось. А случилось то, что я почувствовала, что мою руку что-то кольнуло. И я посмотрела и увидела на руке черную гадость, я ударила по ней другой рукой и убила ее. И показала я ее ему, а он в таких вещах разбирался и сказал: «Такой огромной мухи я раньше никогда не видел». И хотя мне она показалось не такой уж большой, я не сомневалась, что прав он. И тогда мы огляделись, и подумать только — стоим на той самой тропинке прямо напротив бывшего

дома, и, как мне потом сказали, как раз на том месте, куда люди носилки на минуту поставили, когда вы шли из садовой калитки. Будьте уверены, мы так оттуда помчались… вернее, я очень испугалась и стала тянуть вашего дедушку оттуда, а он все медлил — так ему было любопытно. Но я все равно увела его с этого места. Не знаю, действительно ли мы видели там то, что видели, или же яд от укуса этой противной мухи стал на меня действовать, и мне что-то такое почудилось… Но Боже мой, как распухла моя рука! Она стала такая огромная! И болела тоже! Никакое лекарство не помогало, и тогда моя старая нянюшка уговорила матушку попросить одного умного человека из Баскомба посмотреть руку. Только он мне и помог.

Он сказал, что я — не первая, кого так укусили, и знал, что делать. «Когда солнце набирает силу, — объяснил он, — и стоит высоко в небе и когда оно начинает ослабевать и садиться, то тем, кто бродит по этой тропинке, приходится соблюдать осторожность». Но какую именно мазь он положил мне на руку и какие слова при этом прошептал, нам он не сказал Потом мне сразу полегчало, но позже я слышала, что многие пострадали так же, как и я. Правда, в последнее

время такое редко происходит — по-видимому, подобное тоже со временем умирает.

Вот почему, Чарльз, я не велю тебе не только собирать ежевику на этой тропинке, но даже и ягодки не сорвать. И теперь, когда ты сам все знаешь, думаю, что ты и сам не захочешь.

Ой! Немедленно спать.

Что, Фанни? Оставить свет в твоей комнате? Что за ерунда!

Сейчас же переодевайтесь и не забудьте прочитать молитву на ночь И если вашему папе я не понадоблюсь, когда он проснется, то приду сказать вам «спокойной ночи». И да, Чарльз, если я услышу, что ты пугаешь свою сестричку, я тут же расскажу об этом твоему папе, и ты знаешь, что тогда будет.

Дверь закрывается, и бабушка, минуты две послушав, как дети идут спать, снова начинает вязать. Сквайр все еще спит.

Жил человек близ церковного кладбища

Как вам известно, Мамилий — лучший герой-дитя у Шекспира — начал рассказывать историю об эльфах и гоблинах своей матери-королеве и придворным дамам, но тут явился король в сопровождении стражи и отправил королеву в тюрьму. И история оказалась неоконченной — Мамилий вскоре умер, так и не успев ее досказать.

Так что же там было дальше? Шекспиру-то это, несомненно, было известно, и осмелюсь заявить, что и мне тоже. На самом деле история эта не нова. Вы наверняка слышали ее не один раз, да и сами ее рассказывали. А форму ей придать можно любую, какую захочешь. Вот вам моя.

Жил человек близ церковного кладбища. Нижний этаж его дома был каменным, а верхний — деревянным. Парадными окнами он выходил на улицу, а задними — на кладбище при церкви. Когда-то этот дом принадлежал приходскому священнику, но (а это происходило во времена королевы Елизаветы) священник женился, и ему понадобилось помещение попросторнее. К тому

же жене его не нравился вид на кладбище из окна, особенно по ночам. Она утверждала, что видит… не важно, что она там утверждала… во всяком случае, покоя она мужу не давала, пока тот не согласился перебраться в здание побольше на той же улице.

А в этом доме поселился Джон Пул, вдовец, и жил он там совсем один.

Что похоже на правду, потому что он еще и странностями отличался, мягко говоря. В те времена людей хоронили обыкновенно по ночам и при свете факелов. Так вот, заметили люди, что, как только случались похороны, Джон Пул так и приникал к своему окну, на верхнем ли этаже, на нижнем — в общем, откуда лучше было видно.

Однажды ночью хоронили старушку. Она слыла очень богатой, но в краях этих ее невзлюбили. Болтали, что она не христианка и что в ночь Иванова дня и в ночь Дня Всех Святых дома ее не бывает. На ее красные глаза было страшно смотреть, и даже нищие не стучались к ней в дверь. Тем не менее все свое богатство она оставила церкви.

В ночь ее похорон никакой бури не наблюдалось — было светло и тихо. Но несмотря на то, что она специально оставила деньги на свои

похороны, трудно было нанять носильщиков и факельщиков. Хоронили ее не в гробу, а в шерстяном одеянии. И присутствовали там лишь те, кому это сделать пришлось… да еще Джон Пул глазел из окна. И, перед тем как засыпать могилу, священник наклонился и что-то кинул на тело… это что-то звякнуло… и тихим голосом произнес следующие слова: «Пусть твои деньги умрут с тобой». Потом он быстро ушел, и все остальные тоже разошлись, остался только один факельщик, который светил могильщику и его подручному — они могилу засыпали. И оказалось, что они плохо постарались, потому что на следующий день — а то было воскресенье — люди, пришедшие на кладбище, сильно сердились на могильщика, потому что новая могила выглядела очень неопрятно. И точно, когда он сам пришел поглядеть, она выглядела хуже, чем он ее оставил.

Тем временем Джон Пул пребывал в крайне необычном для него состоянии: ликовал и нервничал одновременно. Он стал проводить вечера в гостинице, что было непохоже на него, и тем, с кем он беседовал, все намекал, что у него появились деньжата и что ищет домик получше.

— И неудивительно, — ответил ему как-то раз

кузнец. — Я бы не смог жить в таком доме, как ваш. Я бы всю ночь трясся от страха.

А хозяин спросил его: отчего?

— Мне бы все казалось, что кто-то влезает мне в окно, ну и еще что-нибудь такое, — объяснил кузнец. — Например… старуха Уилкинс, которую похоронили неделю назад.

— Молчал бы лучше, подумай, что ты такое говоришь, — отругал его хозяин. — Думаешь, мастеру Пулу приятно слышать такое?

— Да мастеру Пулу все равно, — возразил кузнец. — Он давно там живет. Я говорю только про себя. Этот похоронный звон да факелы, и еще эти могилы и пустота… а вот ходят слухи, что там огоньки бывают… а вы видели огоньки хоть раз, мастер Пул?

— Нет, никаких огоньков я не видел, — угрюмо ответил мастер Пул и, опрокинув еще стаканчик, двинулся домой.

В ту ночь, когда он лежал у себя в спальне наверху, вокруг дома стал, завывая, носиться ветер, и мастер Пул никак не мог заснуть. Поднявшись, он подошел к маленькому стенному шкафчику и что-то оттуда достал — оно звякнуло — и положил в карман своей ночной рубашки. Потом он подошел к окну и выглянул наружу.

Вы когда-нибудь видели в церкви мемориальную доску с изображением фигуры в покрывале? Эта тряпка еще так странно скомкана на голове. Вот что-то вроде такой фигуры выбиралось из земли на кладбище в том месте, которое было так хорошо известно Джону Пулу. Он бросился в кровать и замер.

В ту же минуту что-то тихо застучало по подоконнику. Охваченный страхом, Джон Пул волей-неволей бросил взгляд на окно. И, о ужас! На фоне лунного света вырисовывались темные очертания странно завернутой головы… В комнате возникла фигура. Сухая земля посыпалась на пол. И тихий хриплый голос произнес: «Где они?» Затем послышались шаги, кто-то бродил взад и вперед — создавалось впечатление, что этот кто-то ходит с большим трудом. Фигура шарила по углам, искала под стульями и, наконец, добравшись до стенного шкафчика, распахнула и его. Длинные ногти стали царапать по пустым полкам. Фигура резко обернулась, постояла чуточку и, заметив кровать, протянула руки и хриплым голосом закричала: «ОТДАЙ МОИ ДЕНЬГИ!»

В этом месте Его Высочество Принц Мамилий (который, как я предполагаю, рассказывал бы ее не так долго) бросался бы с громким воплем на

самую юную придворную даму, которая мгновенно начинала визжать. Ее Величество Королева Гермиона немедленно бы хватала его за руку и, сдерживая смех, сильно бы шлепала. Затем красного от стыда и на грани слез его тут же собрались бы отправить спать, но по настоянию жертвы, которая к тому моменту уже приходила в себя, ему в конце концов разрешили бы остаться до положенного часа. А когда тот час наступил бы, он уже был бы в состоянии пожелать всем присутствующим «спокойной ночи» и сообщить, что знает другую историю, в три раза страшнее, чем эта, и которую он обязательно расскажет в следующий раз.

Крысы

«И, если вам придется идти через спальни, то увидите, что помятые, заплесневелые простыни вздымаются и вздымаются, будто волны».
«А почему они вздымаются и вздымаются?» – спросил он.
«Так под ними крысы».

Но при чем тут крысы? Я спрашиваю об этом потому, что к другому случаю они никакого отношения не имели. Когда именно произошла эта история, я не знаю — я был совсем юным, когда услышал ее, а рассказчик — старым. Она может показаться непонятной, но в этом виноват не я, а он.

Произошло это в Суффолке, на побережье. Там есть тянущаяся на север дорога, которая внезапно идет под откос, а затем резко поднимается, и на самом верху слева от нее стоит дом. Он — из красного кирпича, высокий и узкий. Возведен он был примерно в 1770 году. От верхнего этажа со стороны фасада выдается треугольник с круглым окошком посередине. За домом расположены

конюшни и служебные помещения, за ними сад. Рядом с домом высятся чахлые сосны, а вдаль простираются земли, поросшие утесником. Из окон верхнего этажа можно увидеть море вдали. На столбе перед дверью висит табличка… или висела, потому что если прежде в том доме помещалась прекрасная гостиница, то сейчас, как я думаю, она уже больше не существует.

В этой гостинице и поселился мой знакомый, мистер Томпсон. В тот чудесный весенний день он был еще молодым человеком и приехал из Кембриджского университета, чтобы немножко отдохнуть и почитать вдали от толпы. Для уединения это место подходило совершенно: в гостинице помимо хозяина и его жены, готовых во всем услужить постояльцу, никого больше не было. Ему была предоставлена большая комната на втором этаже с видом на дорогу. Если бы она еще глядела на восток… но с этим недостатком пришлось смириться, к тому же дом был крепкий и теплый.

Дни текли мирно и однообразно: работа по утрам; дневные прогулки по дороге; недолгие беседы с местными жителями, коротавшими вечера в гостинице за вошедшим в моду тогда напитком — бренди с водой; затем чтение и,

наконец, отход ко сну. И он наслаждался мыслью о том, что впереди у него целый месяц в распоряжении… как хорошо движется работа и как чудесен апрель в этом году… я предполагаю, что совершенно такой, каким представляет его себе Орландо Уистлкрафт в «Очаровательном годе».

Временами он предпринимал прогулку по северной дороге, которая уходит вверх и тянется через широкий участок земли, называемый пустошью.

В тот солнечный день, когда он впервые двинулся в этом направлении, в нескольких сотнях ярдах слева от дороги ему бросился в глаза какой-то белый предмет, и ему очень захотелось узнать, что же это такое. Вскоре он оказался близ него и обнаружил, что глядит на белый камень квадратной формы, чем-то напоминавший основание колонны с квадратным отверстием вверху. Точно такой же вы можете увидеть и сейчас на Тетфордской пустоши. Внимательно его осмотрев, он некоторое время посвятил созерцанию округи, которая состояла из пары церковных башен, нескольких домиков с красными крышами и с подмигивающими на солнце окошками и точно так же подмигивающего и поблескивающего морского пространства.

Затем он продолжил свой путь.

Вечером в баре он поинтересовался, зачем стоит на пустоши белый камень.

— Со старых времен еще остался, — ответил хозяин (мистер Беттс). — Мы еще и на свет-то не появились, когда его здесь установили.

— Точно, — подтвердил кто-то еще.

— Он находится очень высоко, — заметил мистер Томпсон. — Наверное, в былые времена служил навигационным знаком.

— Точно! — согласился мистер Беттс. — Я слыхал, что его было видно с моря, но чем бы он там ни был, от него давным-давно почти ничего не осталось.

— И хорошо, — заявил третий. — Старики говорят, что он был несчастливым знаком… для рыбаков, я имею в виду.

— Почему? — спросил Томпсон.

— Сам-то я его не видел, — последовал ответ, — но у этих стариков в голове такие смешные мысли о нем… странные, я хочу сказать… и не удивлюсь, если окажется, что они сами его и уничтожили.

Больше выяснить ничего не удалось — компания, которая разговорчивостью вообще не отличалась, замолчала окончательно, и потом беседа зашла о деревенских событиях и посевных

работах. Говорил в основном мистер Беттс.

Томпсон не каждый день предпринимал оздоровительные прогулки. Однажды послеполуденное солнце застало его за кропотливой работой в три часа. Он потянулся, встал и вышел в коридор. Напротив его комнаты находилась еще одна, затем шла лестничная площадка, а далее по коридору располагались еще две комнаты — одна выходила на задний двор, другая — на юг. В южном конце коридора было окно, к нему он и двинулся, размышляя о том, что грешно упускать такой замечательный денек. Но в данный момент работа стояла на первом месте, поэтому он решил, что пять минут передохнет, а потом вновь вернется к ней. А эти пять минут он посвятит — Беттсы вряд ли стали бы возражать — осмотру других комнат, которых прежде никогда не видел.

В доме, кроме служанки в баре, кажется, никого не было — уехали в город на базар. Стояла полная тишина, было очень жарко, первые мухи жужжали между оконными рамами. И он отправился на разведку. Комната напротив отличалась от его номера лишь наличием старой гравюры с изображением Бери Сент-Эдмундс. Следующие две по его стороне коридора выглядели жизнерадостно

и чисто и имели по одному окну, в то время как у него их было два.

Оставалась юго-западная комната напротив последней, которую он посетил. Она оказалась запертой, но Томпсона охватило такое непростительное любопытство, что он, убедив себя, что в таком месте не может существовать постыдных тайн, которые к тому же так легко раскрыть, вставил в скважину ключ от своего номера. Он не подошел, тогда Томпсон попробовал ключи от других трех комнат. Одним из них он и открыл дверь.

В комнате было два окна с видами на юг и на запад, поэтому она вся целиком была залита ярким, жарким — для того времени года — солнцем. Ковра в комнате не было — голый пол; ни картин, ни раковины, лишь кровать в дальнем углу — железная кровать с матрасом и валиком вместо подушки, покрытая голубоватым одеялом. В общем, представьте себе самое невыразительное помещение.

Тем не менее Томпсон быстро, но бесшумно закрыл дверь и, весь дрожа, прислонился к подоконнику в коридоре. Дело было в том, что под одеялом кто-то лежал, и не просто лежал, но и шевелился. Что это был кто-то, а не что-то, со-

мнений не вызывало, потому что под одеялом на валике явно вырисовывалась голова. Но кому придет на ум лежать под одеялом с головой… только мертвому, а этот человек не был мертвым, во всяком случае совсем мертвым, так как одеяло вздымалось и колыхалось. Если бы Томпсон увидел подобное в сумерках или при мерцающем свете свечи, он бы успокоил себя мыслью, что ему все привиделось. Но в такой яркий день… нет.

Что же теперь делать? Сначала во что бы то ни стало запереть дверь. Осторожно подойдя к ней, он наклонился и, затаив дыхание, прислушался — может там раздастся прерывистое дыхание, а затем последует и скучное объяснение? Но там стояла абсолютная тишина. Но как только он дрожащей рукой вставил ключ в замок и с шумом повернул его, глухие неуверенные шаги стали приближаться к двери. В одно мгновение Томпсон забился в свою комнату, как кролик в нору, и заперся на ключ, хотя прекрасно понимал, что тому, кого он так боялся, никакие двери и замки преградой не послужат. Правда, в ту минуту это было единственное, что он мог придумать.

И в конечном итоге ничего не произошло. Ему пришлось только некоторое время сильно поволноваться. Затем его охватили мучительные

сомнения в том, что делать дальше. В первую секунду ему, разумеется, хотелось тут же покинуть дом, где содержится такой постоялец. Но именно вчера он сообщил хозяину, что останется еще на неделю, а то и больше, — и, если он столь внезапно переменит планы, не вызовет ли он тем самым подозрение, что сунул нос, куда не следует? Предположим, Беттсы знают о постояльце, но дом при этом не покидают… или же не знают, что тоже означает, что бояться нечего… или же знают ровно столько, чтобы держать дверь запертой, но при этом не понимают всю ситуацию… в любом случае ничего страшного в этом нет и никакие ужасы его не ожидают. Таким образом, можно вполне остаться.

И он оставался еще неделю. И, хотя ничто не могло заставить его подойти к этой двери, он частенько и днем, и ночью торчал в коридоре и прислушивался, но ни звука не раздавалось из того номера.

Возникает вопрос, а почему Томпсон не расспросил если не Беттсов, то хотя бы приходского священника или деревенских стариков, но его, как то по обыкновению и происходит с людьми, столкнувшимися со сверхъестественным, обуяла скрытность. Не важно, во всяком случае день отъ-

езда все приближался, а желание найти разгадку тайны становилось все сильнее. Во время своих одиноких прогулок он прямо-таки с навязчивой идеей думал о том, как бы снова попасть в эту комнату, и наконец придумал. Поезд отходит в четыре часа дня. Когда пролетка будет уже с его багажом стоять у дверей, он в последний раз поднимется наверх, чтобы посмотреть, не забыл ли чего, и тогда он на мгновение снова откроет эту дверь ключом, который он ухитрился спрятать (словно это имело значение!), и тут же закроет ее.

И его план удался.

Уплатив по счету, он, пока багаж грузили в пролетку, произнес несколько подобающих слов, как то: «Красивые у вас места… все было очень хорошо, благодаря вам и миссис Беттс… надеюсь, когда-нибудь снова приехать».

Последовали ответные слова: «Рад, что вам у нас понравилось, сэр, мы старались… приятно слышать такое… и погодка нас побаловала».

Затем: «Поднимусь-ка на минутку наверх — погляжу, не забыл ли чего. Нет, нет, не беспокойтесь, я сейчас вернусь».

Как можно бесшумнее он подкрался к двери и открыл ее.

О, утраченные иллюзии! Он чуть не расхохотался. Оперевшись… нет, все-таки сидело на краю кровати… что бы вы думали… чучело! Ну да, старое чучело с огорода, закинутое в пустую комнату… Точно. Но в то же мгновение веселье покинуло его. Разве бывают у чучел костлявые ноги? И разве умеют они сидеть развалившись? И разве носят они на шее железный ошейник и цепь? Разве умеют они вставать и направляться — пусть неуверенной походкой — к двери, болтая головой и вытянув руки по швам? Да еще при этом трястись?

Дверь захлопнулась, Томпсон бросился к лестнице, покатился по ней вниз и потерял сознание. Когда он пришел в себя, то увидел стоящего над собой Беттса с бутылкой бренди в руке и с укоризненным выражением лица.

— Как вы могли, сэр, как вы только могли? Нехорошо относиться так к людям, которые изо всех сил старались вам угодить.

Слова-то Томпсон слышал, но, что он на них ответил, понятия не имеет. Мистер Беттс и более того миссис Беттс с трудом согласились принять его извинения и заверения в том, что он никогда никому ничего не расскажет, дабы репутация гостиницы не пострадала бы. И все же они были

приняты. Так как поезд уже ушел, Томпсон решил переночевать в городе. Перед его отъездом Беттсы рассказали ему то малое, что было им известно.

— Говорят, он был здешним хозяином в былые времена и поругался с горцами из-за земли. И кончил он тем, как говорят, что повесили его на цепях на виселице, что прежде стояла на месте того камня. И рыбаки избегали этого места, потому что видели они ее с моря, и рыба от них уходила — так они считали. Мы слышали, что раньше дом наш принадлежал ему. И прежние хозяева сказали нам: «Держите эту дверь запертой и кровать оттуда не выносите, а то может беда приключиться». И больше туда никто не заходил с тех пор; как он там оказался и что он делает, мы не знаем. Вы — первый, кто его увидел. Сам я туда не захожу, да и не хочу. А когда мы разместили слуг в конюшнях, никто про него больше ничего и не слыхал. И я вас очень прошу, сэр, держите рот на замке, а то болтать о нас станут.

Ну, и что-то в этом роде.

Обещание свое мистер Томпсон держал много лет. Мне же повезло вот каким образом: когда мистер Томпсон приехал в гости к моему отцу, я проводил его в предназначенную для него комнату, и он, не разрешив мне самому открыть

дверь, быстро распахнул ее, стал внимательно оглядывать помещение, освещая все углы свечой. Потом опомнился и сказал:

— Простите. Это может показаться глупым, но я это делаю по привычке, которой имеются свои причины.

А через несколько дней я узнал и о причинах, а теперь о них знаете и вы.

На спортивных площадках после наступления темноты

Час стоял поздний, а ночь была светлой. Остановившись неподалеку от Овечьего Брода, я размышлял об этой тишине, нарушаемой лишь звуком воды в запруде. Как вдруг громкий дрожащий крик совы заставил меня аж подпрыгнуть на месте. Терпеть не могу, когда меня пугают, но к совам я отношусь благожелательно. Эта явно находилась поблизости, и я посмотрел вверх. Там, развалившись, она и сидела на ветке, примерно в двенадцати футах надо мной. Ткнув в ее сторону палкой, я произнес:

— Так это ты кричала?

— Убери ее, — ответила сова. — Я, конечно, понимаю, что это не совсем палка, но не нравится она мне. Да, разумеется, я; а кто еще, как ты думаешь?

Сами понимаете, каковым было мое изумление. И я опустил палку.

— Ну и что? — вопросила сова. — Ежели ты решил прогуляться в ночь Иванова дня, так чего же ты ждал?

— Прошу прощения, — извинился я, — я совсем забыл. Знаешь, мне очень повезло, что я встретился сегодня с тобой. Надеюсь, ты располагаешь временем поболтать?

— Не знаю, — огрызнулась сова, — стоит ли этим заниматься в такую ночь. Правда, я уже поужинала, и если ты меня не станешь долго задерживать… ай!

И она вдруг стала громко орать, сильно хлопая крыльями, потом наклонилась и крепко вцепилась в сук, продолжая издавать пронзительный визг. Ее, несомненно, кто-то тянул назад. Внезапно сову отпустили, и она чуть не упала, затем, взъерошив перья, резко обернулась и злобно ударила клювом во что-то, чего мне не было видно.

— Ах, *прости*, пожалуйста, — произнес с раскаянием тоненький звонкий голосок. — Я была уверена, что его легко выдернуть. Надеюсь, тебе не было больно.

— Ничего себе, не больно! — рассердилась сова. — Мне было очень больно, и тебе это прекрасно известно, ты, юная язычница. Перо не так-то легко выдернуть… если бы я только добралась до тебя! Неудивительно, что ты вывела меня из себя. Нельзя и двух минуток посидеть спокойно, чтобы кто-нибудь не подкрался… лад-

но, хоть на сей раз тебе это удалось… Немедленно отправляюсь в Главное Управление и… — Тут она обнаружила, что ругается с пустым воздухом. — Так, и куда ты теперь понеслась? Кошмар какой-то — вот что это такое!

— О боже! — воскликнул я. — Тебя не в первый раз так обижают. А ты не могла бы объяснить поконкретнее, что произошло?

— Могла бы, только мне придется объяснять до конца следующей недели, — заявила сова, продолжая оборачиваться. — Подумать только, подобраться и вырвать перо! Мне было очень больно, очень. И зачем? — хотела бы я знать. Отвечай! Какова тому причина?

В ответ я лишь тихо пробормотал:

В темноте кричит сова,
И больному крик тот злобный
Предвещает холм надгробный[30].

Я не думал, что она обратит внимание на мои слова. Но сова резко спросила:

— Что такое? Можешь не повторять. Я все слышала. И я скажу тебе, что за этим скрывается, а ты запомни мои слова. — И, нагнувшись, она зашеп-

---

[30] Сноски: 30
«Сон в летнюю ночь» У. Шекспира. Пер. Т. Щепкиной-Куперник.

тала, ворочая своей круглой головой: — Гордыня! высокомерие! вот что! «Прочь от нашей госпожи»[31], говорила она с горечью и презрением. Ну, конечно же! Для таких, как они, мы недостаточно хороши. Это мыто — лучшие певцы в этих местах, ты согласен?

— Видишь ли, — с сомнением ответствовал я, — мне-то твое пение очень нравится, но некоторым больше по вкусу дрозды, соловьи и так далее; наверняка ты об этом слышала? И вероятно… я, конечно, не знаю… вероятно, твою манеру исполнения они не считают подходящей их танцам?

— Очень надеюсь, что нет, — выпрямляясь, возвестила она. — Моя семья никогда не любила танцы, как и всякая другая. Нет, ты только представь! — продолжала она, повышая голос. — Хороша бы я была — сидеть и икать для них. — Тут она смолкла и пугливо оглянулась, потом снова продолжала, причем еще громче: — Для эльфов, маленького народца. Если я им не подхожу, то и они мне не подходят. И, — голос ее становился все громче и громче, — если они думают, что я буду молчать только потому, что они танцуют и занимаются всякими глупостями, они очень

---

[31] Сноски: 31

«Сон в летнюю ночь» У. Шекспира. Пер. Т. Щепкиной-Куперник.

ошибаются, о чем я им и говорю.

Хорошо помня, что произошло прежде, я подозревал, что опрометчиво с ее стороны разговаривать таким образом, и я оказался прав. Только она выразительно кивнула в последний раз, как тут же четыре крохотных тоненьких существа спрыгнули с верхней ветки, в мгновение ока накинули на бед ную птицу что-то вроде травяного аркана и, не обращая внимание на протестующие крики, поволокли ее по воздуху прямо к озеру. Бросившись вслед за ними, я услышал всплеск, бульканье и невыразительный смех. Что-то стрелой промчалось у меня над головой, а я остановился на берегу озера, по которому шла рябь, и стал оглядываться. Злющая, взъеро шенная сова с трудом вылезла на берег и, остановившись у моих ног, стала отряхиваться, хлопать крыльями и шипеть такие слова, которые я не осмеливаюсь повторить.

Уставившись на меня, она наконец выговорила… причем с такой ужасной яростью в голосе, что я отпрянул:

— Нет, ты слышал? Просили прощения, что приняли меня за утку. Мало им постоянно доводить до сумасшествия и драть на части всех в округе.

От злости она начала долбить клювом траву,

и — о ужас! — она попала ей в горло. Сова закашлялась так, что я боялся, что у нее лопнет какой-нибудь сосуд. Но с приступом она справилась и села, мигая и задыхаясь, но целая и невредимая.

Следовало проявить сочувствие, но я сомневался, что, будучи в таком состоянии, птица не воспримет мои слова как новое оскорбление. И мы с неловким молчанием просто смотрели друг на друга, но тут наше внимание привлек бой часов. Сначала зазвучали часы на павильоне, потом загремели часы дворца, а затем одновременно послышался звон с Лаптонской башни и Комендантской.

— Что такое? — хриплым голосом воскликнула сова.

— Полночь, насколько я понимаю, — ответил я и сверил свои часы.

— Полночь? — с удивлением закричала она. — А я настолько мокрая, что и ярда не пролечу! Вот что, возьми меня и отнеси к тому дереву. Не надо, я сама заберусь по твоей ноге, и тебе не придется просить меня об этом дважды. Давай быстрее! — И она махнула головой по направлению к стене.

— Хорошо. К тому трухлявому? — на бегу уточнил я.

— Не знаю, как вы там его называете… к тому, в котором что-то вроде входа. Быстрее! Они появятся через минуту.

— Кто? В чем дело? — Я все бежал, прижимая к груди мокрую птицу и сильно опасаясь, что споткнусь и полечу кубарем на траву.

— Скоро увидишь, — сообщила эта противная птичка. — Просто посади меня на дерево, и со мной все будет в порядке.

И, по-видимому, она оказалась права, так как, только я ее посадил, она быстро взобралась вверх по стволу и исчезла в дупле, даже не поблагодарив. Я неуверенно оглянулся. Часы на Комендантской башне все еще исполняли мелодию святого Давида, потом звякнул в третий и в последний раз колокольчик — другие колокола уже давно замолчали, — и наступила тишина, вновь послышался одинокий звук беспрестанно шумящей воды, к которому присоединился… нет, подчеркнул его еще один звук.

Почему сова так торопилась спрятаться? Этот вопрос меня, естественно, очень волновал в ту минуту. Что бы или кто бы ни приближался, я прекрасно понимал, что сейчас не время гулять по полям. Надо укрыться в тени от дерева. Что я и сделал.

История эта случилась со мной несколько лет тому назад, еще до того, как лето вступило в силу. Тем не менее я хожу иногда на спортивные площадки по вечерам, но до полуночи. И не нравится мне народ, гуляющий впотьмах — например, 4 июня. Видишь… нет, вы не видите, вижу лишь я… такие странные лица, и те, кому они принадлежат, вечно летают вокруг, да еще имеют обыкновение совершенно неожиданно подлетать к локтю или заглядывать в лицо, словно они ищут кого-то… того, кто будет крайне им благодарен, если они не найдут его. Откуда берутся они? Одни, кажется, из воды, другие из земли. Так они во всяком случае выглядят. Но я уверен, что лучше делать вид, что их не замечаешь, и не прикасаться к ним.

Да, дневную публику спортивных площадок я определенно предпочитаю той, что является после темноты.

Стенающий колодец

В 19.. году жили-были два бойскаута из отряда одного знаменитого колледжа. Звали их Артур Уилкокс и Стэнли Джадкинс. Были они одного возраста, помещались на полном иждивении в одном доме, состояли в одной дивизии и, соответственно, в одном отряде. Они были столь похожи внешностью, что инструкторов это сильно беспокоило, волновало и даже раздражало. Но, боже, как же они отличались характерами!

Именно Артуру Уилкоксу сказал с улыбкой главный инструктор, когда тот вошел в помещение:

— Ну, Уилкокс, если вы пробудете у нас еще дольше, то наш запас призов просто истощится! Вот, примите от меня эту книгу с красивым переплетом «Жизнь и труды епископа Кена» с сердечными поздравлениями вам и вашим замечательным родителям.

И именно о Уилкоксе заметил вице-президент, когда они проходили через спортивную площадку:

— Какой большой лоб у этого парнишки!

— Вот уж действительно, — ответствовал ви-

це-провост. — Что свидетельствует о том, что в голове у него либо мозги, либо вода.

Будучи скаутом, Уилкокс получил все значки и отличия во всех видах соревнований. Значок за кулинарию, значок за составление карты, значок за спасение жизни, значок за приобретение газет, значок за то, что не хлопал дверью, выходя из класса… И многие-многие другие. О значке за спасение жизни я еще упомяну, когда стану повествовать о Стэнли Джадкинсе.

Таким образом, вас не удивит известие о том, что в честь Артура Уилкокса мистер Хуоп Джонс специально добавил четверостишие к каждой сочиненной им песне, а младший инструктор прямо-таки разрыдался, вручая ему медаль за примерное поведение в очень красивой коробочке цвета бордо — эту медаль единодушно присудил ему весь третий класс. Я сказал «единодушно»? Я ошибся. В отряде оказался один инакомыслящий, а именно Джадкинс-младший, заявивший, что у него имеются свои резоны мыслить иначе. Он, кажется, проживал в одной комнате со своим старшим братом. И снова вас не поразит сообщение о том, что через положенный срок Артур Уилкокс первый, да и практически единственный среди мальчиков стал капита-

ном как школьных, так и городских скаутов. Не изумитесь вы, и услышав о том, что он сильно переутомился, совмещая исполнение своих двойных обязанностей с занятиями в школе, отчего ему потребовались длительный отдых, сроком на полгода, и кругосветное путешествие, на необходимости которого упорно настаивал семейный врач.

Интересно было бы проследить, каким образом он достиг того высокого положения, которое он занимает ныне, но хватит пока об Артуре Уилкоксе. Время поджимает, и нам пора обратиться к совершенно другой теме: карьере Стэнли Джадкинса — Джадкинса-старшего.

Подобно Артуру Уилкоксу, Стэнли Джадкинс тоже привлекал к себе внимание руководства, но по несколько иной причине. Именно ему сказал младший наставник, но без одобрительной улыбки:

— Что, опять Джадкинс? Вы плохо соблюдаете правила поведения, мой мальчик, скоро вы пожалеете, что вообще поступили в наш колледж. На тебе, получай, получай и считай, что тебе повезло, что не получил больше!

И именно Джадкинса заметил президент, проходя по спортивной площадке, когда крикетный

мяч со всей силой стукнул его по локтю и голос поблизости крикнул: «Не будешь мешать!»

— Мне кажется, — произнес президент, потирая локоть, — что этот мальчик должен научиться лучше ловить мяч!

— Вот уж действительно, — отозвался вице-президент, — и если он подойдет поближе, то я поймаю его.

Будучи скаутом, Стэнли Джадкинс не получил ни одного значка, за исключением тех, которые он отнял у скаутов из других отрядов. Во время кулинарных состязаний его обнаружили на кухне соперников, где он пытался положить в печь петарды. В состязаниях по шитью он ухитрился очень крепко пришить двух мальчиков друг к другу; когда они попытались освободиться, результат оказался плачевным. А в состязаниях по чистоте он был дисквалифицирован, потому что во время летних занятий в школе — а стояла сильная жара — его никто не сумел отговорить не совать пальцы в чернила: он утверждал, что таким способом он их охлаждает. А когда попытался подобрать хотя бы одну грязную бумажку, то уронил шесть банановых шкурок или кожуру от шести апельсинов. Пожилые женщины при виде его начинали рыдать и умоляли его ни в

коем разе не помогать им нести ведра с водой. Им прекрасно было известно, чем это кончится. Но именно в состязании по спасению жизни Стэнли Джадкинс отличился своим безответственным поведением. Как вы знаете, во время этих соревнований в Кукушкин пруд кидают связанного по рукам и ногам мальчика младшего возраста и подходящих размеров, а потом появляется скаут и спасает его. Но у Стэнли Джадкинса каждый раз, как наступала его очередь спасать, то есть в самый критический момент, начиналась судорога или случался приступ спазмов, и он с громкими воплями начинал кататься по земле. Таким образом, он отвлекал внимание остальных присутствующих от мальчика в воде, и, если бы не Артур Уилкокс, список погибших стал бы очень длинным. Надо сказать, что младший инструктор намеревался проявить твердость и выступить с заявлением, что эти состязания необходимо прекратить. И хотя мистер Бисли Робинсон предоставил ему отчет о том, что за пять соревнований провалились лишь четыре мальчика из младших отрядов, младший инструктор стоял на своем. Он заявил, что ни в коем случае не желает чинить препятствия в деле воспитания скаутов, но трое из этих мальчиков состояли у

него в хоре, и он вместе с доктором Ли пришел к выводу, что затруднения, вызванные их проигрышем, не стоят участия в соревнованиях. Помимо того, переписка с родителями этих мальчиков приняла тревожный оттенок, даже неприятный: их не устраивали его письменные обращения к ним, и более чем один из них самолично посетил Итон и занял его драгоценное время своими жалобами. Посему состязание по спасению жизни осталось в прошлом.

Короче говоря, Стэнли Джадкинс уважением среди скаутов не пользовался, и довольно часто ставился вопрос о его отчислении Эту идею сильно отстаивал мистер Ламберт, но в результате победу одержало более мягкое решение — предоставить ему еще один шанс.

Именно поэтому в начале летних каникул 19.. года мы находим его в бойскаутском лагере, расположенном в красивом местечке У. (или Х.) графства Д. (или Н.).

Стояло чудесное утро, и Стэнли Джадкинс с парой своих товарищей — у него все же оставались товарищи — грелся на вершине песчаной дюны. Стэнли лежал на животе, подперев руками подбородок, и всматривался в даль.

— Интересно, что это такое, — произнес он.

— Где? — спросил кто-то из других присутствующих.

— Да вон, какие-то деревья посреди поля.

— Ах, там! Откуда я знаю?

— А зачем тебе это надо знать? — спросил еще один.

— Понятия не имею… мне они нравятся. Как называется это место? Есть у кого-нибудь карта? — спросил Стэнли. — Еще скаутами называетесь.

— Вот тебе карта, — сказал находчивый Уилфред Пипсквик, — а вот и это место. Но оно внутри красного круга. Туда нельзя ходить.

— Плевать на красный круг, — заявил Стэнли. — Там есть название на этой твоей дурацкой карте?

— Если тебе так надо это знать, спроси у этого старика.

«Этот старик» оказался пастухом, который как раз подошел к дюне и стоял внизу.

— Доброе утро, юные джентльмены, — поздоровался он, — хороший денек для отдыха, верно?

— Да, спасибо, — ответил Алджернон де Монморанси с присущей ему учтивостью. — Вы не знаете, как называется то место? И что там находится посередине?

— Конечно знаю, — сообщил пастух. — Сте-

нающий колодец это. Но вам лучше о нем и не думать.

— Там что, колодец? — спросил Алджернон. — А кто им пользуется?

Пастух засмеялся.

— Боже упаси, — сказал он, — никто не пользуется Стенающим колодцем — ни человек, ни овца, причем вот уже много лет.

— Что ж, значит, сегодня сие постановление будет нарушено, — возвестил Стэнли Джадкинс, — потому что я пойду туда и наберу воды для чая!

— Вот это да, юные джентльмены! — изумился пастух. — Как вы можете говорить такое? Разве ваши начальники не предупреждали вас, что туда ходить нельзя? Они должны были это сделать.

— Да, предупреждали, — подтвердил Уилфред Пипсквик.

— Заткнись, идиот! — завопил Стэнли Джадкинс. — А что с ним такое? Вода плохая? Но ведь если ее вскипятить, то и ее можно будет пить.

— Не знаю, какая там вода, — сказал пастух. — Только мой старый пес никогда не пойдет в то поле, и я не пойду, и никто, у кого имеется хоть толика мозгов.

— Еще больше дураков, — прокомментировал

грубо и грамматически неверно Стэнли Джаддкинс. — Кто там кому чего сделает? — добавил он.

— Три женщины и мужчина, — сообщил мрачно пастух. — Послушайте меня. Я эти места знаю, а вы нет, и вот что я вам скажу: за последние десять лет ни овца там не паслась, ни пшеница не всходила, а земля тут хорошая. Отсюда прекрасно видно, что все поле заросло ежевикой, сорняками и другой гадостью. У вас есть бинокль, юный джентльмен, — обратился он к Уилфреду Пипсквику, — взгляните-ка.

— Да, — сказал Уилфред, — но там следы. Кто-то туда все-таки ходил.

— Следы! — возмутился пастух. — Вы только послушайте! Четыре пары следов: трех женщин и одного мужчины.

— Какие еще три женщины и один мужчина? — И Стэнли впервые повернул голову и взглянул на пастуха (во время всего разговора он стоял спиной к старику — таким он был невоспитанным).

— Как какие? Просто три женщины и один мужчина.

— Кто они? — просил Алджернон. — И что они здесь делают?

— Может быть, кто-нибудь вам и расскажет,

кем они были, — доложил пастух, — но они умерли еще до меня. А почему они там до сих пор бродят, ни дети, ни взрослые вам не объяснят. Единственное, что я слышал, плохие они были люди, когда еще не умерли.

— О господи! Вот диво-то! — пробормотали Алджернон с Уилфредом, но Стэнли глядел с презрением и злобой.

— Да не мертвяки же они? Что за чушь! Вы, должно быть, полный дурак, раз верите в такое. Кто-нибудь их когда-нибудь видел, хотел бы я знать!

— Я видел, юный джентльмен! — возвестил пастух. — Видел их с того места внизу. И, если бы мой старый пес умел говорить, он бы сказал вам, что тоже видел их тогда. Было четыре часа, и день был такой же. Я видел… как выглядывали они сначала из кустов, потом встали и медленно пошли по своим же следам к деревьям, что колодец окружают.

— А какие они? Расскажите! — стали умолять его Алджернон с Уилфредом.

— Тряпье да кости, юные джентльмены, все четверо, развевающееся тряпье да белые кости. Мне даже показалось, что эти кости гремят, когда они ходят. А ходят они очень медленно и только

глядят по сторонам.

— А какие у них лица? Вы их видели?

— Трудно их лицами-то назвать, — сообщил пастух. — Но зубы у них, по-моему, остались.

— Господи! — воскликнул Уилфред. — И что они делают, когда до деревьев доходят?

— Не знаю, сэр, — признался пастух. — Я долго-то тут не торчал — пса пришлось искать. Он вдруг пропал! Прежде он никогда от меня не убегал, но тут пропал, и когда я его наконец нашел, так он меня даже не узнал и все норовил в горло мне вцепиться. Но я поговорил с ним, и он вспомнил мой голос, стал ползать и, как дитя, прощения просить. Не хочу больше его видеть таким, да и другую какую собаку тоже.

Некоторое время мальчики сидели молча, а потом Уилфред спросил:

— А почему он называется Стенающий колодец?

— Если бы вы побывали здесь в сумерках зимой, то не стали бы задавать этот вопрос, — ответил пастух.

— Ни единому слову не верю, — заявил Стэнли Джадкинс. — И как только представится случай, я пойду туда, и пусть я лопну, если не сделаю этого!

— Так вы не послушаетесь меня? — удивился пастух. — И даже своих начальников не послушаетесь? Придите в себя, юный джентльмен. Да, разума вам точно не хватает, должен я сказать. Зачем мне вам врать? По мне, так тот, кто пойдет в это поле, гроша ломаного не стоит, но мне не хочется видеть, как молодой человек испускает дух в самом расцвете сил.

— Да там наверняка больше, чем ломаный грош, — сказал Стэнли. — Небось прячете там виски или еще что-нибудь, вот и не подпускаете туда никого. Дерьмо — вот что это такое. Пошли в лагерь, ребята.

И они ушли. Двое остальных сказали пастуху «До свидания» и «Спасибо», но Стэнли промолчал. Пастух пожал плечами и остался стоять на месте, печально глядя им вслед.

На обратном пути между ними возник спор, и Стэнли было сказано откровенно, насколько возможно, что он будет полным идиотом, если отправится к Стенающему колодцу.

Тем же вечером после других объявлений мистер Бисли Робинсон спросил, на всех ли картах имеется красный круг.

— Ни в коем случае, — предупредил он, — не заходите внутрь этого круга.

Несколько голосов, среди которых был и угрюмый Стэнли Джадкинса, поинтересовались:

— Почему, сэр?

— Потому что нельзя, — ответил мистер Бисли Робинсон. — И если вам этого недостаточно, ничем помочь не могу. — Повернувшись к мистеру Ламберту, он что-то ему тихо сказал, а потом добавил: — Дело в том, что нас попросили предупредить скаутов об этом поле. Местные жители оказались очень добры, что позволили нам разбить здесь лагерь, и мы должны ответить им хотя бы благодарностью… уверен, что вы со мной согласны.

Все закричали: «Да, сэр!», за исключением Стэнли Джадкинса, который пробормотал:

— Благодарны… чтоб им лопнуть!

На следующее утро можно было услышать следующий диалог.

— Уилкокс, все присутствуют в палатке?

— Нет, сэр, Джадкинс отсутствует!

— Опять этот чертов мальчишка! И где же он?

— Не знаю, сэр.

— А кто-нибудь знает?

— Сэр, я не удивлюсь, если он отправился к Стенающему колодцу.

— Кто это? Пипсквик? Что еще за Стенающий

колодец?

— Сэр, это место в поле… ну там, где кучка деревьев на невозделанной земле, сэр.

— То есть в красном круге? Святые небеса! А почему ты решил, что он туда пошел?

— Ну, он еще вчера хотел туда пойти. Мы с пастухом разговаривали, и он нам много чего рассказал и посоветовал туда не ходить. Но Джадкинс ему не поверил и сказал, что все равно пойдет.

— Юный осел! — выругался мистер Хоуп Джонс. — Он что-нибудь взял с собой?

— Да, кажется, веревку и бидон. Мы говорили ему, чтобы он не ходил.

— Маленький негодяй! Какого дьявола он все это взял с собой? Ладно, вы трое, пошли со мной, поищем его. И почему нельзя слушаться самых простых приказов? Что за человек вам о нем рассказывал? Нет, не задерживайтесь, объясните по пути.

И они двинулись в путь. Алджернон с Уилфредом быстро рассказывали, остальные двое слушали все более и более внимательно. Наконец они дошли до отрога, с которого открывался вид на поле. С него было все хорошо видно: и кучку кривых, чахлых сосен, и колодец меж ними, и

четыре пары следов, петляющих между колючками и травой.

Воздух колыхался от жары. Гладкое море отливало металлическим блеском. Ни порыва ветерка. И когда они поднялись на вершину, то, совершенно измученные, легли на горячую траву.

— Его не видно, — заметил мистер Хоуп Джонс, — но надо отдохнуть. Вы все устали… не говоря уже обо мне. Смотрите в оба, — продолжил он через минуту. — Кажется, кусты шевелятся.

— Да, — подтвердил Уилкокс, — я тоже вижу. Глядите… нет, это не он. Там еще кто-то голову поднимает, видите?

— Мне тоже так показалось, но я не был уверен.

На мгновение наступила тишина. А потом…

— Это он, точно, — сказал Уилкокс, — перелезает через изгородь с той стороны. Видите? С чем-то блестящим в руке. Наверное, с бидоном.

В ту же секунду Алджернон, который глядел на поле, вытаращив глаза, завизжал:

— Что там? На четвереньках… женщина. Я не хочу на нее смотреть! Не хочу, чтоб это случилось! — И он откатился в сторону и вцепился в траву, пытаясь зарыться в нее лицом.

— Немедленно прекрати! — закричал мистер Хоуп Джонс, но успеха его приказ не возымел. — Послушайте, — сказал он. — Я должен спуститься туда. Уилфред, оставайся здесь и успокой этого мальчика. А ты, Уилкокс, беги в лагерь за помощью.

И они оба побежали. Уилфред остался с Алджерноном и изо всех сил старался успокоить его, но он и сам чувствовал себя не лучше. Время от времени он бросал взгляд на поле.

Он видел, как мистер Хоуп Джонс быстро спустился вниз, а потом почему-то остановился, посмотрел вверх, вокруг и быстро свернул в другую сторону!

Зачем он это сделал?

Уилфред перевел взгляд на поле и увидел кошмарную фигуру в черных лохмотьях, меж которых гремело что-то белое, голова под бесформенной женской шляпой болталась из стороны в сторону на длинной тощей шее. Существо махало руками в направлении приближающегося спасателя, словно пытаясь отогнать его, и между ними так сильно дрожал и колыхался воздух, как он еще в жизни не видывал. И когда он глядел туда, то чувствовал, что голова у него сильно кружится, и он догадался, что именно ощущал сейчас человек,

который находился так близко от фигуры.

Он быстро отвел от них взгляд и увидел, что к соснам быстро направляется Стэнли Джадкинс, причем совершенно как скаут, четко печатая шаг, — очевидно, он старался не наступать на сломанные ветки и не зацепиться за ежевику. Несмотря на то, что он ничего не видел, он, по-видимому, опасался засады и пытался идти бесшумно.

Уилфред все это видел, и видел он еще кое-что. Страшный холод и ужас ощутил он в груди, когда заметил, что посреди деревьев кто-то ждет, а потом заметил, что с другого конца поля прямо по следам медленно ступает еще кто-то… страшная черная фигура, оглядывающаяся по сторонам — в точности, как рассказывал пастух. Но самой ужасной фигурой была четвертая — на этот раз несомненно мужчина, — он поднялся из кустов в нескольких ярдах позади несчастного Стэнли и неуверенно, как то казалось, пополз на четвереньках по следам. Жертва была окружена со всех сторон.

Уилфред не знал, что делать. Он схватил Алджернона и начал его трясти.

— Вставай! — закричал он. — Кричи! Кричи, как можно громче! Если бы у нас был свисток!

Алджернон взял себя в руки.

— Есть свисток, — доложил он. — Уилкокса. Он, наверное, его уронил.

И один закричал, а другой засвистел. В неподвижном воздухе эти звуки достигли слуха Стэнли. Он оглянулся… и раздался такой пронзительный и страшный крик, что любой подскочил бы, а не только эти мальчики на холме.

Но было слишком поздно.

Фигура на четвереньках позади Стэнли прыгнула на него и поймала за руку. Та жуткая, что размахивала руками, снова всплеснула ими, но теперь торжествуя. Та, что пряталась меж деревьями, затопала, волоча ноги, вперед и вытянула перед собой руки, будто хотела во что-то вцепится. А та, что находилась дальше всех, ускорила шаг и стала с ликованием трясти головой. Мальчики, затаив дыхание, молчали и только наблюдали за ужасным поединком мужчины и его жертвы. Стэнли оборонялся единственным оружием — бидоном. Поля драной черной шляпы слетели с головы существа, и на свет появился белый череп с пятнами — по-видимому, клочками волос. К этому времени одна из женщин добралась до них и стала тянуть веревку, которая была намотана вокруг шеи Стэнли. Вдвоем они

быстро одолели его — жуткий крик прекратился, и все трое исчезли среди кучки деревьев.

И все же через мгновение появилась надежда, что спасение все-таки придет: мистер Хоуп Джонс большими шагами быстро двинулся вперед, потом вдруг остановился, оглянулся, потер глаза и побежал дальше. Более того, мальчики увидели, что не только большой отряд из лагеря несется к ним, но что и пастух мчится вверх по склону другого холма. Они стали махать руками, кричать, бегать то туда, то сюда. Он ускорил свой бег.

И снова мальчики взглянули на поле. Но там никого не было. Но что там среди деревьев? Неужели туман поднимается? Мистер Хоуп Джонс перелез через изгородь и стал продираться сквозь кусты. Запыхавшийся пастух остановился рядом с ними.

— Они поймали его! Среди деревьев! — повторяли они вновь и вновь.

— Что? Он все-таки пошел туда? Несмотря на то, что я ему сказал? Бедняга! Бедняга!

Он бы еще что-нибудь сказал, но его прервали другие голоса. Появился спасательный отряд. Быстро перебросившись словами, все рванули вниз с холма.

Только они оказались в поле, как тут же встре-

тили мистера Хоупа Джонса. На своем плече он нес тело Стэнли Джадкинса. Он срезал веревку, на которой тот висел, еще подергиваясь. На теле не было ни капли крови.

На следующий день мистер Хоуп Джонс вооружился топором и отправился к полю с намерением вырубить каждое дерево и сжечь каждый куст. Вернулся он с отвратительной раной на ноге и со сломанным топорищем. Ни искры не удалось ему раздуть, ни следа от удара топора оставить на дереве.

Я слышал, что население Стенающего колодца теперь состоит из трех женщин, мужчины и мальчика.

Алджернон де Монморанси и Уилфред Пипсквик пережили сильное потрясение. Оба они тут же покинули лагерь, а те, кто остался, ходили с унылым видом, правда, не очень долго. Первым, кто пришел в себя, был Джадкинс-младший.

Вот вам, джентльмены, история карьеры Стэнли Джадкинса и частично Артура Уилкокса.

Прежде, я думаю, ее никогда не рассказывали. Если в ней есть мораль, то суть ее, я не сомневаюсь, ясна; если же мораль в ней отсутствует, ничем не могу помочь.

Эпизод

Представьте себе просторный сад загородного дома священника, что примыкает к парку в несколько акров площадью и отделен от него полосой старых деревьев — за ней закрепилось название «Посадка». Сад — тридцати или сорока ярдов вширь, не более. Запираемые ворота из дубового сруба ведут к нему от дорожки, бегущей кругом, и если проходить в сад через них, нужно просунуть руку в квадратную выемку, вырезанную в них, и двинуть засов, а от ворот уже идти к стальной калитке, открывающейся в парк со стороны Посадки. Далее следует добавить, что из некоторых окон дома священника, который стоит в низине по сравнению с Посадкой, видны фрагментарно дубовые ворота и идущая через них тропа. Иные деревья, растущие там, — шотландские ели и всякие другие, образующие частокол, — прилично вымахали, но их не окутывает мрак, в них нет ровным счетом ничего зловещего, ничего, навевающего меланхолию или так называемый «похоронный дух». Это благоустроенная территория — да, в зарослях кустарника сыщется пара глухих уголков, но они

едва ли гнетущи или мрачны. Остается только дивиться, как такое прелестное местечко связано для меня с определенной тревогой неясного свойства, тем более что ни в детские, ни в более сознательные годы жизни в тех краях не находилось легенд или слухов о каких-либо старых либо насущных несчастьях.

И все же потустороннее нашло меня — меня-то, ведущего исключительно счастливое и благополучное существование, охраняемого (не строго, но в должной мере и с потребной к тому тщательностью) от жутких фантазмов и страхов. Не то чтобы подобное попечение отрезает потустороннему все пути — как раз наоборот. Затрудняюсь назвать дату, когда меня впервые посетило некое смутное опасение насчет Посадки и ведущей из нее калитки. Могу допустить, что случилось это в те годы, когда я только-только пошел в школу — возможно, в один из поздних дней лета, в который я блуждал одиноко по парку, набираясь туманных, не отложившихся в памяти впечатлений. Или, быть может, в тот вечер, когда я поспешал домой после чаепития в Ливермер-Холл и столкнулся по дороге с одним из деревенских жителей — как раз в тот момент, когда собирался свернуть с дороги на тропинку,

ведущую к Посадке. Мы обменялись пожеланиями хорошего вечера, и когда я оглянулся на него где-то через минуту, то с удивлением отметил, что человек тот стоит как вкопанный на месте и глядит мне вослед. Но он не окликнул меня и не увязался за мной, так что я пошел дальше.

К тому времени, когда я оказался за железными створками и за пределами парка, уже, несомненно, наступили сумерки; но недостатка в свете еще не было, и я не мог объяснить себе, почему у меня возникли подозрения, что среди деревьев есть кто-то еще, потому что если кто-то и был, то у него не могло быть там никаких дел. Конечно, в роще трудно быть полностью уверенным, что никто не прячется за столами и не следует за тобой по пятам. Могу лишь сказать, что если такой следопыт там и был — он не был мне ни соседом, ни даже просто знакомцем. И, скорее всего, он был обряжен в плащ с капюшоном или балахон. Я ускорил шаг и уделил запиранию калитки гораздо больше внимания, чем обычно, и после того вечера, думаю, в моем сознании появилось то, что Гамлет поименовал «предчувствием загадочного толка, что женщину от действий отвратит». Помню, как выглядывал из окна, выходящего на Посадку, и спрашивал себя — не движется ли чья-нибудь

фигура там, среди деревьев? Если я, а возможно, так оно и было, намекнул сиделке о своих страхах, то ответом мне было «И не думай о таком!» наряду с предписанием поскорее лечь спать.

В ту же ночь или какую-то другую в предрассветные часы я, помнится, смотрел из окна на залитую лунным светом траву и надеялся, что ошибся, что не мог никто двигаться в дальнем полускрытом уголке сада. Вскоре после того меня стали посещать сны, которые лучше бы мне не видеть — коих на самом деле я стал остро бояться. И центральным образом в них была калитка, ведущая в Посадку.

Мне кажется, чем старше мы становимся, тем реже нам снятся настоящие кошмары. Неловкие сны — да, вроде того, где я, обтираясь после душа, открываю дверь спальни и тут же попадаю на многолюдный вокзал, где приходится спешно придумывать объяснения своему дезабилье; но не кошмары. Но в те времена, о коих я сейчас размышляю, кошмары случались — не прямо-таки очень часто, но куда чаще, чем мне хотелось бы. Причем, едва сон начинался, я остро осознавал — быть ему плохим, и ничего с этим не поделать, никак не удержать его в безоблачном русле.

Вот я сижу, смотрю из окна: садовник Эллис

орудует граблями и лопатой, еще какие-то знакомые фигуры приходят и уходят, все в своих безобидных делах. Но этой пасторали не обмануть меня, не отвлечь от главного. Приближался час, когда садовник и остальные соберут свои пожитки и удалятся по разбегающимся тропкам по домам, в безопасный мир за Посадкой. И тогда сад будет представлен самому себе — или тем его обитателям, которые чурались людских глаз. Тем, кто только и ждал полного безлюдья, чтобы заявить о себе.

Приближался момент, когда окружающее приобретет угрожающий вид; солнечный свет утратит силу, на смену ему придет некое сумеречное полусветье — я не знал, как иначе назвать его в детские годы, а сейчас облек бы зрелище в нечто поэтизированное, например, в слова «безжизненная бледность помрачения». Так или иначе, в такую пору я становился тревожным без меры; гамлетовское предчувствие овладевало мной, и я озирался, боясь, что в каком-то месте сада мой страх примет зримую форму. Собственно, едва ли я сомневался в том, где именно это верней всего произойдет. За кустами, среди деревьев Посадки, кто-то совершенно точно двигался, а когда я не смотрел — прытко, полузримо перемещался от-

туда на тропинку, с тропинки — под самый дом. Я все еще стоял у окна, и прежде чем я успевал привыкнуть к новому страху, слышались шаги на лестнице. Чья-то рука бралась за дверную ручку. На первых порах дальше этого момента сон не развивался, но мне и этого хватало с лихвой. Я не имел ни малейшего представления о том, что может случиться далее, хотя и понимал — это должно быть что-то невообразимо ужасное.

Но довольно этой преамбулы о снах. Да, это лишь преамбула, пролог, ибо похожий опыт переживал я раз за разом; насколько часто — не могу сказать, но достаточно часто, чтобы вызвать у меня острое отвращение к перспективе остаться одному в «нехорошей» части сада. Мне пришло в голову, что на самом-то деле не я один, но и деревенские жители, работавшие здесь, по возможности сторонятся калитки или хотя бы питают к ней некое трудноуловимое предубеждение. Но на этом не стоит делать чрезмерного акцента, ибо, как я уже сказал, никаких страшных историй, связанных с этим местом, я не слышал ни от кого и никогда.

Это не значит, впрочем, что никакой такой истории не было вовсе.

К слову, не будет верным утверждать, что вся

Посадка была землей привидений. Там были деревья, превосходно приспособленные для лазания и чтения под их сенью; была там стена, по чьему верху можно было пройти много сотен ярдов и выйти на оживленный тракт, идущий мимо фермерской усадьбы и других знакомых дворов. Чем дальше от калитки, тем меньше сказывался на мне тот мистический гнет, а в парке, с его чудесными дубравами и прудами, я мог о нем и вовсе забыть.

Довольно; опять я затягиваю повествование. Но то, что сокрыто у него в хвосте, яд, и мне не хочется травиться им вновь, вот я и не тороплюсь перейти к самому главному. Мне не миновать его, впрочем, так зададим же нежеланный вопрос: каков, в конце концов, был источник снов, коим я был подвержен в течение значительного промежутка времени? Что ж, он представляется мне следующим образом.

Одним чудесным днем — поистине чудесным, ни капли не мрачным и не пасмурным, — я стоял у окна верхнего этажа дома. Вся семья отсутствовала. С какой-то темной полки в безлюдной библиотеке я достал книгу — на деле то был вручную переплетенный том, кое-как собранный из журнальных вырезок, содержащих

части романа с продолжением. Теперь я знаю, что это был за роман, но тогда понятия не имел, и случайно вычитанная фраза поразила меня, застала врасплох: героиня, шагая в сумерках по пустынной аллее, идущей мимо старого особняка в Ирландии, позволила воображению разыграться и была потрясена «воздушным образом старого дома, напустившего на себя по-особому злобный, пугающий, скрытный вид за частоколом старых вязов»[32]. Этих слов вполне хватило, чтобы направить мою собственную фантазию в мрачную сторону. Неизбежно внимание мое вновь привлекли Посадка и злополучная калитка там, за окном; как и следовало ожидать, створки калитки были сведены вместе, и никого не было на тропе — ни перед ними, ни по ту сторону. Но я так подумал лишь потому, что искал человеческие очертания, а не то странное белое нечто, находящееся чуть в стороне, в промежутке между калиткой из стали и воротами из сруба. Обратив внимание на этот чужеродный штрих в картине, осознав, что не пойму, к чему же обращены мои глаза, я ощутил себя так, будто получил удар по диафрагме.

---

[32] Сноски: 32

Речь идет о романе Жозефа Шеридана ле Фаню «Дом у кладбища» (1863).

Набравшись храбрости — более напоминающей отчаяние человека, решившего, что нет нужды цепляться за иллюзию покоя, — я спустился вниз. Укрываясь за кустами — много ли от того было толку! — я продвигался осторожно вперед, пока не оказался у ворот из дуба, у первой границы. Помните ту выемку для руки, через которую можно было достать засов? Так вот, я не сразу заметил, что через нее в мою сторону смотрит лицо, и поэтому вновь позволил чему-то негаданному привести меня в крайнее ошеломление.

Это лицо… оно не было чудовищным или бледным, не было лишенным плоти или призрачным. Я подумал тогда — и думаю так до сих пор, — что оно лучилось злобой, и точно помню, что глаза с него взирали большие, выпученные и неподвижные. Оно было розовым и, как мне показалось, излучавшим жар, а прямо над его глазами, спадая со лба, нависала кайма белой льняной драпировки.

Есть что-то ужасающее в том, когда видишь только лицо — не всю фигуру целиком и даже не голову, особенно если взгляд его глаз безошибочно устремлен на тебя. Не лучше обстоит дело и в том случае, если выражение лица не дает никакого намека на то, что последует дальше. Я

только что сказал, что воспринял его как злобное, и так оно и было, но не в связи с выражением неприязни или свирепости. Оно на деле было избавлено от всех возможных эмоций. Я лишь осознавал, что вижу белки глаз вокруг зрачков, а это, как мы знаем, придает выражению оттенок безумия. Бесчувственности этой мне хватило с лихвой. Я побежал, но на безопасном, как мне казалось, расстоянии в пределах своего участка не смог не остановиться и не оглянуться. В проеме ворот уже не было белой фигуры, но среди деревьев мелькнула знакомая льняная бахрома.

Не спрашивайте, каких трудов мне стоило дождаться прихода семьи. То, что пережил я нечто необычное, ни от кого не укрылось, но я совершенно уверен, что пресек всяческие расспросы и не предпринял ни единой попытки описать тот эпизод. Почему предпринимаю я неубедительную попытку сделать это сейчас, сам наверняка не скажу. Несомненно, то зрелище обладало грозной силой, раз осталось в моей памяти спустя все эти годы. Считаю, мне и ныне следует быть осторожным, гуляя у ворот Посадки. Время от времени я задаюсь вопросом, есть ли — где-то здесь или где-то там — гиблые места, где все еще обитают некие существа, которых каждый когда-

то мог увидеть и поговорить с ними, когда они шли по своим повседневным делам. Тогда как теперь только через редкие промежутки времени в череде лет современный человек пересекает их пути и узнает о них; и, возможно, только это и бережет его от упадка и безумия.